

Анжерика Бронская

Лета у моря

Анжелика Бронская
Лето у моря (сборник)

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2018

УДК 82.31
ББК 84.26

Бронская А.

Лето у моря (сборник) / А. Бронская — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2018

ISBN 978-5-00025-159-1

В книгу Анжелики Бронской «Лето у моря» вошли одноименная драматическая повесть о светлом лете и черной ошибке, образцовый детективный роман «Александр», повесть «Когда осыпаются розы» – о том, каким сложным и многоступенчатым процессом может быть потеря любимого человека, а также короткий рассказ «Пять дней в Париже». Можно ли влюбиться в своего кузена? Как быть, если вдруг неожиданно сбывается твой сон, но наяву превращается в самый худший из кошмаров? И что делать, если мужчина из твоих грез может оказаться расчетливым и хладнокровным убийцей? Точность деталей, особый слог, неподдельные эмоции и неожиданные повороты сюжета – характерные черты произведений писательницы. Герои Анжелики Бронской проходят непростой путь от собственных иллюзий до отрезвляющей реальности. Детские воспоминания, судьбоносные встречи, внезапная любовь, странные стечения обстоятельств становятся отправными точками в их жизни, и в каждой из них приходится делать нелегкий, но знакомый любому из нас человеческий выбор. И принимать свою судьбу.

УДК 82.31
ББК 84.26

ISBN 978-5-00025-159-1

© Бронская А., 2018
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2018

Содержание

Лето у моря	7
Немного от автора	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	20
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	29
Глава девятая	33
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	40
Глава двенадцатая	44
Глава тринадцатая	48
Глава четырнадцатая	50
Глава пятнадцатая	53
Глава шестнадцатая	55
Глава семнадцатая	58
Глава восемнадцатая	61
Глава девятнадцатая	63
Когда осыпаются розы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Анжелика Бронская

Лето у моря

- © Бронская А., текст, 2018
- © Иванцова Н., иллюстрации, 2018
- © Ростовцева А., обложка, 2018
- © «Мнимая Единица», макет, 2018
- © Издательство «Скифия», издание, 2018

* * *

Лето у моря

Посвящаю моему кузену

Немного от автора

*Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.
Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.
Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора,
Только тайны утраченной жаль!
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.*

Марина Цветаева

Не пытайтесь отыскать в этой повести имена ее главных героев: их здесь нет. Я это сделала умышленно. Никаких имен, никаких фамилий. Да и место действия я перенесла в далекую солнечную Италию. Почему? Просто уже предвижу изумление некоторых, кто прочтет мою рукопись. Так стоит ли шокировать их еще больше, называя здесь какие-либо конкретные имена? Думаю, нет. Не нужно обнажать истину там, где давно уже все свершилось. И, согласитесь, очень удобно писать просто «он» и «она». Кто знает, что скрывается за этими местоимениями? Мне же достаточно того, что это знаю я и один из моих многочисленных кузенов.

Да, он – мой кузен, он вполне реален и существует в этой действительности. И, насколько мне известно, сейчас жив, здоров и, надеюсь, счастлив. Когда я, повинувшись какому-то странному порыву, сообщила ему, что пишу книгу о нем, он был не очень-то доволен. «Зачем тебе это?» – написал мне мой кузен, и я живо представила, как он при этом хмурит свои густые брови и даже прикусывает нижнюю губу: а вдруг я сошла с ума и решила поведать всему миру то, что имело место быть в нашей, увы, такой далекой юности? Тем более что я не сказала, что не собираюсь называть имен в своей книге. Оставив кузена в некотором замешательстве, я не стала успокаивать его тем, что для несведущих моя повесть так и останется романтической историей о не совсем обычной любви. Я уверена, его опасения мгновенно улетучатся, лишь только он прочтет мою книгу. А прочитав ее, наверное, почувствует облегчение от того, что герои безлики. Также уверена я и в том, что многое из прочитанного моему кузену явно не понравится. Что ж, пусть так. Да, мой герой не вызывает положительных эмоций. Признаюсь честно: мне он даже неприятен, и я с глубоким отвращением описывала все его так называемые душевные терзания, поскольку мне чужд ход его мыслей и неприемлемы его поступки. Но не стоит тут проводить каких бы то ни было аналогий. Мой реальный кузен никогда не поступил бы так же.

Или я все-таки ошибаюсь? Нет, вряд ли, и доказательство тому есть, доказательство неопровержимое: я жива, здорова и тоже вполне счастлива.

Так пускай гадают мои дорогие читатели, что же здесь правда, а что – художественный вымысел. В конце концов, я, как автор, имею право на неограниченный полет писательской фантазии. И если я и приукрасила некоторые реальные факты своей жизни – это мое личное дело. А что из написанного мной было в действительности, известно только мне. Вернее, мне и моему кузену. Нам с ним и более никому...

Интересно, узнает ли мой драгоценный кузен некоторые свои фразы, которые я вложила в уста моему герою? Тешу себя надеждой, что узнает. Не зря же я пронесла их сквозь годы, навсегда сохранив в памяти. Да, я в большом долгу перед своей юностью: она подарила мне возможность испытать прекрасное чувство, о котором я не могу не писать. Я счастлива, поверьте, ведь некоторые, прожив целую жизнь, так и не познают его. Как же я рада, что не отношусь к ним!

А чтобы окончательно развеять все сомнения и ненужные вопросы, спешу заверить своего незабвенного кузена в том, что моя повесть – это отнюдь не претензия на что-то. Упаси Боже! Я лишь хочу сказать о том, что любовь бывает разной, и люди, испытывающие это чувство, испытывают его тоже по-разному. Одни – как мой герой, другие – как я и моя героиня. Недаром же сказал великий:

«Один не разберет, чем пахнут розы,
Другой из горьких трав добудет мед,
Кому-то мелочь дашь – навек запомнит,
Кому-то жизнь отдашь, а он и не поймет...»

Глава первая

В июле ему исполнился двадцать один год. Практически сдав летнюю сессию, то есть завалив всего лишь два экзамена, в Римском университете, где он учился на медицинском факультете, вместе с отцом он приехал из Рима в снятый на целое лето коттедж на побережье Тирренского моря, близ Неаполя. Через пару дней к ним присоединилась Бланш, вторая жена отца, оформившая отпуск в художественной галерее Боргезе, где она работала реставратором, и решившая посвятить себя супругу и новоиспеченному пасынку, отношения с которым у них были уже достаточно теплыми, но еще не совсем родственными, к чему все и стремились.

После смерти матери прошло уже пять лет, и отец вполне мог себе позволить начать жизнь заново. Он, как сын и уже мужчина, не возражал, спокойно восприняв женитьбу отца на Бланш как точку отсчета в начале их новой жизни. Первое время отец, однако, немного смущался, находясь одновременно с сыном и достаточно молодой женой (Бланш исполнилось всего-то тридцать два) в одном пространстве. Но потом неловкость, испытываемая всеми, прошла, и они смогли за относительно короткий срок наладить свой маленький семейный мир, зажив вполне дружно и, как он надеялся, счастливо в их римской квартирке на Виа Витторио-Венето.

Ему Бланш нравилась, по крайней мере, устраивала как мачеха. Во-первых, она действительно любила отца, и это было искренне, а во-вторых, никогда не лезла в душу, не донимала нравоучениями и не стремилась стать для него мамочкой. Француженка по происхождению, утонченная, великолепно разбирающаяся в искусстве, она всю свою жизнь провела в Париже, до свадьбы работая в музее Де Орсе. Там ее и встретил отец, довольно известный искусствовед, профессор, историк искусства, член диссертационного совета Римского университета и Римской ассоциации искусствоведов. Встретив Бланш, этот солидный, титулованный и уважаемый в широких кругах человек потерял голову от любви как мальчишка; он уговорил Бланш переехать в Италию, где они скоропалительно поженились, будучи знакомыми всего два с половиной месяца. Он же и устроил свою молодую жену в галерею Боргезе, куратором которой тогда являлся. В общем, как это говорится, отец и Бланш нашли друг друга: несмотря на ощутимую разницу в возрасте (отцу стукнуло сорок девять лет), они отлично гармонировали, говорили на одном языке, оба были помешаны на искусстве, оба были веселы, умны, красивы. Он искренне считал, что отец и Бланш – идеальная пара...

Отец снял для них коттедж на все «время подготовки к пересдаче экзаменов» – так он заменил название тех чудесных летних месяцев, именуемых для успешных студентов сладким словом каникулы.

Коттедж был полностью спрятан от дороги, ведущей в ближайший поселок, небольшой ореховой рощей. К их собственному песчаному пляжу вела лестница, как будто самой природой вырезанная прямо в скале, на которой и стоял коттедж; лестница заканчивалась небольшой бухтой, окруженной со всех сторон скалами, среди которых разливалось, шумело и пенилось Тирренское море.

Самые первые недели были безмятежными и потому великолепными. Они часами лежали на песке, загорали, болтали обо всем и ни о чем, смеялись, строили планы на будущее; потом отец с непременно суровым видом строго напоминал ему о необходимости засесть за учебники, и вместе с Бланш они «прогоняли» его с пляжа заниматься. Поворчав для приличия, он уходил в дом, где действительно час, а то и полтора уделял несданным предметам, после чего, «отбыв наказание», возвращался к морю. Отец и Бланш или дожидались его, или уезжали в поселок, предоставляя ему время до ужина – побыть наедине с собой.

Оставшийся на пляже один, он сразу же бросался в море, в чистую прохладную воду, окунался в нее с головой, стараясь смыть с себя и неудачу на экзаменах, и всю суету Рима.

Потом, растянувшись на берегу, он закрывал глаза и с блаженством думал: как же хорошо просто валяться на горячем песке и ни о чем не беспокоиться, как здорово быть молодым, когда тебе всего двадцать один, когда твое сердце еще не ранено ничьим отказом, когда ты, по сути, еще не попробовал на вкус то сильное и почему-то пугающее чувство, о котором уже говорили некоторые его однокурсники (правда, в основном девушки). Чувство, называемое ими любовью. Что есть любовь и к чему она, когда тебе всего двадцать один? Все пустяки...

Коттедж был трехэтажный, весь из белого кирпича, с большой столовой внизу и застекленной террасой. Вокруг коттеджа был разбит маленький сад из ореховых и апельсиновых деревьев, с ухоженными клумбами белых роз и усыпанными гравием дорожками. Терраса выходила прямо в сад, а оттуда, через каменные ступени, на широкую площадку с видом на бухту. Рядом со столовой, на первом этаже, находилась аккуратная кухонька, в которой любила похозяйничать Бланш, не доверявшая приходящим домработницам готовку ни в Риме, ни здесь. Наверх вела деревянная лестница с резными перилами, на втором этаже была спальня отца и Бланш и комната для гостей. Он поселился на третьем, где находилась даже не комната, а мансарда, не большая, но довольно уютная. Да и весь коттедж, несмотря на три этажа, был будто кукольным, миниатюрным с виду.

Долгими холодными месяцами в Риме они все вместе мечтали о лете, о маленьком коттедже на берегу и о море. И вот они здесь. Вечера стояли довольно теплые, поэтому ужинали на террасе. А он часто думал о том, как здесь спокойно, нет ни машин, ни пыльных римских улиц, а только море, море и солнце.

Так прошли две недели. В тот вечер он совершил, наконец, поход в ореховую рощу за мысом и вернулся поздно, к ужину, когда отец и Бланш уже сидели на террасе. Кивнув, он опустил в свое кресло, совершенно разбитый. Небо было усеяно звездами, и они мерцали, словно россыпи драгоценных камней. Пахло розами и апельсинами: и тех, и других вокруг было в избытке.

Он не спеша ел и лениво думал о том, что сегодня ни разу не открыл учебники, и прикидывал, стоит ли об этом сообщать отцу, ведь между ними давно был заключен договор Мужской Чести и Честности.

Неожиданно отец нарочито шумно вздохнул и отодвинул от себя тарелку, явно желая привлечь к себе внимание.

– Что случилось, милый? – Бланш первой поддалась на отцовскую уловку.

– Не знаю, как вы оба к этому отнесетесь... – отец сделал паузу, с серьезным выражением лица посмотрел на Бланш и опять тяжело вздохнул.

Он же в душе посмеивался, прекрасно зная любовь отца к подобным эффектным выпадам: примерно с таким же серьезным видом незадолго до женитьбы отец сообщил, что «ему недолго осталось...», выждал театральную паузу и, глядя в широко открытые от ужаса глаза сына, быстро добавил: «...вести холостяцкий образ жизни». Ну что с ним делать! Иногда отец вел себя как мальчишка.

– Немедленно говори, в чем дело! – требовательно сказала Бланш, постукивая вилкой по столу. – И если ты опять за свои шуточки...

Тут он не выдержал и расхохотался, заметив, как отец пытается спрятать улыбку, и радуясь, что Бланш смогла раскусить его. Отец показал ему кулак:

– Погоди у меня, хохотун! Не мог сдержаться, что ли?

– Отец, по-моему, ты теряешь квалификацию, – продолжал смеяться он. – Даже Бланш тебе не поверила!

– Черт возьми, неужели правда? – отец хитро улыбнулся, подливая в бокал Бланш вина. – Может, это старость?

– Скорее дурость, – отрезала Бланш. – Когда ты уже прекратишь это ребячество? И скажи, наконец, что хотел, только по-человечески, без твоих леденящих душу вздохов и эффектных пауз!

– Все, сдаюсь! – отец поднял вверх руки. – Слушайте и повинуйтесь, дорогие мои: к нам, кажется, скоро приедут гости, – немного смущенно закончил он.

Бланш удивленно приподняла бровь:

– Что значит «кажется», милый? Ты опять?

– Ни в коем случае! – воскликнул отец. – Я вполне серьезно.

– И кто же? – недовольно спросил он. – Кто собирается посягнуть на наше уединение? И как я смогу готовиться к пересдаче в такой обстановке, когда по дому будут расхаживать толпы гостей?

– А по-моему, ты особенно себя не утруждаешь, – хмыкнул отец, – вот чем ты, скажи-ка на милость, занимался сегодня?

– Так кто к нам приедет, Родольфо? – Бланш спасла его от необходимости ответить честно на вопрос отца, при этом заговорщически подмигнув своему пасынку.

– Твоя кузина, – отец кивнул в его сторону. – Я сам пригласил ее погостить у нас, когда кончатся занятия, и она согласилась.

– И зачем ты это сделал? – он чуть не плакал. – И почему она согласилась?

– Ну не знаю, возможно, она соскучилась по своему старому дядюшке. Не стоит так драматизировать, уверен, вы поладите. Но если ты хочешь, то можешь вернуться в Рим.

Он содрогнулся от одной этой мысли.

– Нет, пожалуй, мне лучше остаться, пусть даже к нам приедут все наши родственники!

Отец тихо рассмеялся:

– Я знал, что ты именно так и ответишь!

Тем не менее ужин был испорчен. Он пожелал отцу и Бланш спокойной ночи и вошел в дом. Поднимаясь к себе по лестнице, он вдруг подумал, что даже не спросил у отца, какая именно из его многочисленных кузин вдруг соскучилась по дядюшке. Но тут же решил, что это совершенно неважно: ведь у него есть прекрасный предлог, чтобы избежать общения со всеми кузинами и кузенами мира – переэкзаменовка! И с этой радужной мыслью он уснул.

Глава вторая

Кузина (отец все же пояснил, какая именно) должна была приехать из Неаполя через два дня. Солнце палило все так же нещадно, море по-прежнему оставалось ласковым и теплым, отец и Бланш пребывали в приподнятом настроении, а он с тоской ждал момента, когда в их мире появится новый человек.

Время пролетело мгновенно, и вот этот день настал. Отец и Бланш решили ехать встречать кузину на вокзал, куда она должна была прибыть вечерним поездом. Он же категорически отказался участвовать в этом мероприятии. Немного поворчав по поводу его негостеприимности, отец и Бланш уехали.

Он спустился к морю, искупался и лег на песок. Вечерело. Солнце постепенно превратилось в большой красный шар, который медленно прятался куда-то за море. Жара исчезла, наступила нежная вечерняя прохлада. Он закрыл глаза и, по всей вероятности, уснул.

Разбудил его громкий автомобильный гудок. Недоумевая, в чем дело, он поднялся на ноги и пошел к дому. У калитки стояла машина, но это были не отец и Бланш. Некоторое время он стоял, разглядывая чужую машину, а потом резко обернулся, услышав чьи-то шаги. Обернулся и замер. Навстречу ему от входа в их коттедж шла незнакомая девушка. Совсем юная, лет семнадцати на вид. Длинные, ниже талии, блестящие черные волосы, стройная фигурка, облаченная в обтягивающие голубые джинсы и белую рубашку, завязанную узлом под восхитительной высокой грудью, и огромные, умопомрачительные карие глаза. Он почувствовал, как его бросило в жар. В женских прелестях он прекрасно разбирался! Незнакомка была не просто хороша, она сразу вызвала в нем такое сильное желание, что ему даже стало не по себе. Неужели он настолько отвык от женского общества? Одичал за пару-то недель?

В руке у красотки была дорожная сумка. Увидев его, девушка бросила ее на землю и нерешительно спросила:

– Я, верно, не туда попала?

Он пожал плечами, все еще остоленело глядя на нее. Девушка нахмурилась:

– Здесь что-то не так. Хотя постойте! Неужели это вы... – внезапно ее красивое лицо как будто изнутри озарилось светом. Он никогда такого раньше не видел, поэтому, как замороженный, молчал и продолжал смотреть на нее. – Ну да, конечно, это точно вы, мой кузен, – и она назвала его имя, – здравствуйте! Боже мой, да вас не узнать! А где дядя?

Тут он сообразил, что перед ним стоит кузина. Однако, к его удивлению, волна возбуждения, нахлынувшая на него, никуда не делась. Он сделал усилие над собой, улыбнулся госте, поздоровался и взял ее сумку.

– А вы, наверное, прямиком из Неаполя?

– О да. Там ужасно: эта жара, улицы... А здесь просто рай! Так где же дядя?

– Они поехали встречать вас на вокзал.

– Вот как? Мы, значит, разминулись: в последний момент я сдала билеты на поезд и решила ехать на своей машине. Но почему вы говорите «они»?

– Отец и Бланш, – сказал он и тут же понял, что она, быть может, и не знает о женитьбе дяди, ведь на свадьбе родственников не было. – Бланш – вторая жена отца.

– А... – она смутилась и замолчала.

– Я покажу вашу комнату, – сказал он, прервав неловкую паузу, и они вошли дом.

Только он успел поставить сумку на пол в комнате для гостей, как раздался шум подъехавшей машины. Извинившись перед кузиной, он поспешил вниз. Из машины вышли отец и Бланш.

– Знаешь, она почему-то не приехала, – немного растерянно сказал отец, поднимаясь в дом.

– Как раз наоборот, – засмеялся он. – Она в своей комнате разбирает вещи.

– В самом деле? – радостно воскликнул отец, и в этот момент на лестнице появилась кузина в коротеньком халатике. На плече у нее висело пляжное полотенце.

– Здравствуй, дядя, – улыбнулась она, – как я рада тебя видеть!

– Дорогая моя! Как ты выросла! Я бы ни за что не узнал тебя на вокзале! – отец обнял кузину, а она поцеловала его в щеку. – А я полтора часа простоял на станции, уже решил, что ты передумала или я что-то напутал.

– Прости, дядя, я не успела предупредить тебя. Просила папу, но он, наверное, не смог сюда дозвониться...

– Слава Богу, что ты все-таки приехала! – отец был доволен. – А брату я сейчас сам позвоню.

– Вы как раз вовремя, – вмешалась Бланш, стоявшая неподалеку, – мы сейчас будем ужинать.

– Дорогая моя, это Бланш.

– Да, я знаю. Мне в самом деле очень приятно, – и кузина пожала ей руку.

Бланш улыбнулась:

– Надеюсь, мы подружимся.

– Уверена в этом, – вежливо ответила кузина. – А теперь извините меня, я хотела бы искупаться. Не могли бы вы начать ужинать без меня?

– Но ведь уже почти стемнело, – удивился отец, – и похолодало: ты можешь простудиться!

– Я всю дорогу мечтала о море, дядя, не могу я ждать утра! – она торопливо сбежала со ступенек и направилась к бухте.

– Не узнаю ее! – воскликнул отец. – Совсем взрослая... Что же ты стоишь? Покажи кузине пляж.

Он что-то пробормотал в ответ и не спеша пошел к морю. Еще издали он заметил кузину, уже выходящую из воды, и помахал ей рукой.

– Вода очень теплая, – она села на песок и обхватила себя руками. – Почему бы и вам не окунуться?

– Отличная мысль! – рассмеялся он. – Только не уходите без меня, ладно?

Она кивнула. Он вошел в море и стал быстро отплывать от берега, пытаясь понять, что это такое с ним происходит. Все было не так, как представлялось ему накануне, кузина оказалась совсем не такой. Но спроси его тогда, а какая она? – он вряд ли сумел бы ответить. Что-то необычное возникло у него внутри, какое-то неведомое ему до этого чувство: сладко щемящее и вместе с тем тревожное. Отплывая от берега, он силился вспомнить кузину в детстве, но память с трудом подсунула ему лишь образ девочки с косичками, постоянно что-то читавшей и мало с кем общавшейся. А сейчас он как будто бы просто познакомился с удивительной девушкой, совершенно не похожей на его знакомых – сверстниц, однокурсниц. Но спроси его тогда, чем же она так от них отличается? – он вряд ли сумел бы ответить. Единственное, что не давало ему покоя – это странное возбуждение, охватившее его. Ведь это не совсем нормально: испытывать подобное к двоюродной сестре, не так ли? На одно короткое мгновение ему вдруг стало страшно. Пытаясь прогнать этот беспокойный страх, не понимая его причины, он развернулся и быстро поплыл к берегу. Кузина ждала его сидя на песке.

– Смотрите, что я нашла, – она протянула ему камень, – видите? Он с дырочкой. Говорят, это приносит счастье.

Взяв камень, он с минуту разглядывал его. Камень был белый, необычной формы, напоминающей сердце, и почему-то теплый на ощупь.

– Оставьте его себе, – с серьезным видом предложила кузина. – А потом расскажете, принес он счастье или все это выдумки.

– А вы? Не хотите сами проверить? Или вы уже счастливы?

– Я? – она нахмурилась. – До этого момента мне казалось, что счастлива, а теперь...

Тут она засмеялась и вскочила на ноги:

– В конце концов, кто может точно сказать, что такое счастье? Пойдемте ужинать, нас ждут!

И они пошли к коттеджу. Поднимаясь по лестнице, он все еще сжимал камень в руке...

Так странно, но он до сих пор хранит его, хотя всю жизнь довольно часто терял всякие безделушки и мелочи, начиная от брелоков и заканчивая ключами от квартиры и от машин. И теперь, спустя много лет, холодными зимними вечерами он смотрит на этот камень, который должен был принести ему счастье. Он вертит его в руке – белый, похожий на сердце, по-прежнему удивительно теплый – и чувствует, как все внутри привычно и медленно заполняется болью, той самой мучительной болью, которая, переполнив, всегда выплескивается наружу. И тогда он кричит, пытаясь заглушить эту самую боль, раздирающую его на куски, кричит громко, срывая голос.

Наверное, это не по-мужски.

Глава третья

Утром его разбудил солнечный луч, скользнувший из окна прямо на лицо. Проснувшись окончательно, он вдруг понял, что улыбается. В прекрасном настроении, насвистывая, он стал спускаться вниз, еще на лестнице слыша веселый голосок кузины, рассказывавшей что-то отцу и Бланш.

– Доброе утро! – сказал он, входя в столовую.

– Привет, лежебока! – весело ответил отец. Кузина и Бланш улыбнулись. – Как спалось?

– Замечательно, – он сел за стол, налил себе кофе и посмотрел на кузину. – А вам?

– О, я как в раю, – ответила он. – Готова остаться здесь на ближайшие лет пятьдесят!

– Эй, я что-то не понял! – отец удивленно посмотрел на них обоих. – Что за церемонии вы тут развели? Почему выкаете друг другу?

– Ну... – она заметно смутилась. – Я не знаю...

– А я знаю, – отец был настроен решительно. – Перестаньте немедленно! В конце концов, вы двоюродные брат и сестра!

– Действительно, – пробормотал он. – Как-то по-дурачки получается. Давай на ты?

– Давай! – со смехом сказала она. – Ну что, кузен, ты уже позавтракал?

– Да, кузина.

– Тогда пойдем прогуляемся, покажешь мне берег и все такое.

– Идет, – кивнул он, и они поднялись из-за стола.

– Эй, молодежь! Не забывай, что у тебя переэкзаменовка! – крикнул им вдогонку отец.

– С тобой забудешь, – проворчал он в ответ, и вместе с кузиной спустился на пляж.

– Завалил сессию? – сочувственно спросила она.

– Да не то что бы завалил, – с досадой ответил он. – Всего два хвоста, ничего страшного.

Пересдам осенью.

– Ты учишься на медицинском?

– Да, заканчиваю, остался последний год. Очень скоро буду лечить людей. Вернее, их части: я дантист.

– Здорово! – рассмеялась она. – А я перешла на второй курс юридического: собираюсь стать знаменитым адвокатом!

– У наших профессий много общего, – серьезно заявил он, присаживаясь на песок. – И врач, и юрист держат в руках человеческие жизни, не находишь? Или я слишком пафосно это сказал?

– Нет, несколько, я с тобой полностью согласна... Может, поплаваем?

– Хорошо. – Он разделся и первым вбежал в море. – Ты скоро?

– Иду! – она сбросила платье и осталась в маленьком красном бикини, от вида которого у него почему-то перехватило дыхание. Стараясь не смотреть на нее, он быстро поплыл от берега. Кузина, однако, вскоре догнала его.

– Эй, кузен! По-моему, невежливо бросить меня одну в пучине волн! Или боишься, что перегоню?

– Ты? Меня? – шутливо удивился он. – Давай попробуй!

Они плыли долго, но он так и не смог обогнать ее.

– А ты здорово плаваешь! – сказал он, когда они вышли на берег.

– Да и ты ничего, – ответила она, опускаясь на песок. – Расскажи мне еще что-нибудь!

– Что же рассказать? – он задумался.

– Встречаешься с кем-нибудь?

– Не могу сказать, что встречаюсь, – неопределенно ответил он. – Ничего серьезного. Мне кажется, что мое время любви еще впереди.

– А пока что, тренируешься? – улыбнулась кузина.

– Ну да, что-то вроде... А у тебя как с этим?

– А у меня все серьезно, – кузина села на песке и выпрямила спину. – Я уверена, что мое время любви уже пришло!

– Да? И как зовут этого счастливчика? – он внимательно взглянул на нее, еще не понимая, шутит она или нет. – Познакомишь?

Она строго посмотрела ему прямо в глаза:

– Никогда не шути над этим. Сердце человека – самый ранимый орган! Ты, как врач, должен это знать лучше меня. Сейчас приду.

Она встала и направилась к дому.

– Так есть у тебя кто-нибудь? – крикнул он ей вслед.

Она обернулась и погрозила ему пальцем:

– Ты очень любопытный! Это как-то не по-мужски.

Пока кузины не было, он растянулся на горячем песке и лежал, глядя на облака, плывущие по небу. Так же в его голове плыли неторопливые мысли о ней. С удивлением он подумал, что ему просто необходимо знать, есть ли у кузины друг. А если окажется, что есть? Эта мысль вдруг показалась ему очень неприятной, непонятно только было, почему. Какая ему, в сущности, разница: есть ли ухажер у его сестренки или нет? «У сестренки, у моей сестренки» – бормотал он про себя...

– Алло! Не спишь? – кузина легла рядом. – Смотри, какие волны поднялись!

Он посмотрел на море и увидел, что штить действительно исчез, и большие волны с шипением обрушивались на берег.

– Видимо, купание на сегодня уже отменяется, – огорченно сказала кузина. – Или рискнем?

– А давай рискнем! – он вскочил на ноги. – Только далеко не заплываем, держимся вместе!

Они взялись за руки и, смеясь, вбежали в разбушевавшееся море. Проплыть, правда, не получалось: волны швыряли их друг на друга, накрывая с головой. Они хохотали, отплевываясь от соленой воды, и дурачились, как дети.

Когда они выходили на берег, большая волна, подкравшись сзади, чуть не свалила кузину с ног, и он обхватил ее за талию, чтобы поддержать, на миг инстинктивно прижав к себе. Это невинное прикосновение обожгло его, но он не смог заставить себя убрать руки. Она обернулась к нему, и их взгляды встретились. Не говоря ни слова, он притянул ее к себе, сжал в объятиях, не отдавая отчет в том, что делает. Она робко подняла руки и обняла его за плечи. Он чувствовал ее прерывистое дыхание, опаляющее его грудь, на которой она спрятала свое лицо. Он закрыл глаза и подумал, что если вдруг она сейчас поднимет голову, то их губы непременно встретятся. Пальцы сами стали ласкать мокрую спину, и ее тело задрожало от его прикосновений. Ее кожа жгла, хотя они только что вышли из воды. Он не знал, сколько это длилось, не понимал, что с ним происходит, но она не отстранялась, не пыталась вырваться из его объятий, прижимаясь сама к нему все сильнее и сильнее. Они так и стояли, прильнув друг к другу, тяжело дыша – то ли от недавнего сражения с волнами, то ли от чего-то внезапного, неведомого и так неожиданно нахлынувшего на них...

Вдруг наверху что-то гроыхнуло, и тут же по морю, по песку и по ним забарабанил дождь.

– Бежим... – почему-то шепотом сказала она.

– Ага, – хрипло ответил он, взял ее за руку, и они побежали.

– Промокли? – на террасе стояла Бланш. – Быстро в дом!

– Ой, наши вещи! – воскликнула кузина. – Они остались на пляже!

– Я сбегая, – он решительно двинулся к выходу.

– Я тебе сбегаю! – Бланш была непреклонна. – Иди в ванную, ничего с вашими полотенцами не случится.

– Встретимся за обедом! – кузина улыбнулась ему и побежала вверх по лестнице.

Он набрал горячую ванну и сел рядом, на край, растерянно глядя перед собой. Сердце все еще бешено колотилось в груди. И пока остывала вода, он пытался понять, что с ними произошло на пляже? Почему он испытал такое жгучее желание обладать ею? Почему она не оттолкнула его? Что было бы дальше, если бы их не разлучил дождь? Какое-то безумие! Ни одного ответа на свои же вопросы он найти не смог. Тогда не смог. Сейчас он понимает, что просто гнал от себя эти мысли, не желая принимать действительность такой, какой она была и какой остается для него. До сих пор.

Глава четвертая

Утро было ласковым и теплым. От вчерашнего дождя не осталось и следа. Он спустился к завтраку и застал за столом только отца, читавшего газету.

– Привет! А где все?

– А ты спи подольше, лентяй! – улыбнулся отец. – Они давно на пляже.

Он быстро проглотил завтрак и вышел к морю. Кузина и Бланш лежали рядом, у самой кромки воды. Судя по тому, как близко находились друг с другом их головы, он понял, что они о чем-то секретничают. Увидев, что он приближается, Бланш на полуслове прервала кузину и помахала ему рукой.

– Доброе утро! – он присел рядом. – Как вода?

– Доброе утро, – ответила Бланш, – спрашивай у своей кузины: она уже купалась.

– Вода великолепная, иди, не пожалеешь, – улыбнулась ему кузина. Он хотел было позвать ее с собой, но почему-то смутился – то ли из-за присутствия Бланш, то ли из-за того, что произошло вчера между ними. Так и не решившись предложить ей совместное купание, он с разбегу бросился в море и плавал до тех пор, пока не увидел, как Бланш встала и направилась к коттеджу. Убедившись, что она скрылась из виду, он вышел на берег и сел рядом с кузиной.

– Привет, – негромко сказал он.

– Привет, – так же негромко ответила она и тоже села, – как спал?

– Не очень, – он помолчал, а потом решился: – Хочешь поговорить?

– Хочу, – кузина обхватила колени руками и взглянула на него. – О чем?

– О чем... – он не мог найти подходящих слов. Да и много ли этих самых подходящих слов может быть в голове, когда тебе двадцать, ну или двадцать один! Золотая, сладкая молодость! Все еще кажется таким беспечным, недолгим и несерьезным. Главное – избегать проблем любого рода, особо не засорять мозг чем-то глобальным, неизведанным, таким, как чувства, привязанность к кому бы то ни было или – не дай Бог! – брак, семья... Все впереди, еще столько в жизни нужно испробовать, остальное подождет, всему свое время, наконец. Примерно так он и думал до сих пор, так и старался жить. Разумеется, у него были легкие романы, ни к чему не обязывающие свидания с девушками, которые, видимо, рассуждали так же – тем-то и были хороши их встречи. А сейчас... Что-то случилось с ним. Это пугало его. Потому-то и сидел он, молча глядя ей в глаза, не в силах оторваться от них. Что сказать ей? Что она для него сестра? Тогда почему он так смотрит на нее? Почему так ее желает? Почему ему кажется, что она тоже воспринимает его не совсем как брата? Почему позволила ему вчера? Почему у нее такие необыкновенные глаза? Такая бархатная кожа? Почему его сердце колотится так, что это, наверное, слышно за сто километров? Почему? Почему? Почему?

И тут он услышал «Почему?», произнесенное вслух:

– Почему ты так смотришь на меня? – спросила кузина. – Почему молчишь?

– Ты прости меня, – сказал он, собравшись с духом. – Мне кажется, между нами что-то происходит, и это пугает...

– Ты помнишь меня в детстве? – вдруг перебила она его. – Помнишь?

– Честно говоря, не очень, – он невольно улыбнулся, – ты была нелюдимкой: все время таскала с собой книжки и, по-моему, не горела желанием общаться с родственниками.

– Однажды, когда еще была жива твоя мама, мы с отцом приезжали к вам, – медленно сказала она, глядя на море. – Это был короткий визит, кажется, мы были у вас проездом. Я помню, как мы с тобой собирали в саду клубнику, а потом я отказалась идти обедать со всеми, стеснялась. Ты взял меня на руки и отнес к столу. Мне тогда было тринадцать лет, и я влюбилась в тебя без памяти.

Он молчал, не понимая, шутит она или говорит серьезно.

– Тебе было почти шестнадцать, – продолжала кузина, – ты был такой взрослый, такой красивый, такой умный! Запросто мог рассмешить кого угодно: отец потом долго вспоминал все твои шуточки и забавные словечки. Потом мы уехали, ты даже чмокнул меня на прощание и забыл. А я была сама не своя после той поездки, все время думала о тебе, ты мне снился почти каждую ночь, правда! Целый год я страдала, никому ничего не рассказывала. Да и что бы я сказала и кому? Родителям? Подружкам? Что я влюбилась в двоюродного брата? Представляю, что бы тогда началось! Да и какая может быть любовь в тринадцать лет?

– Послушай... – начал он, но она прервала его взмахом руки:

– Подожди, я еще не закончила. Потом я решила написать тебе письмо. И написала. Я помню, как писала его всю ночь, пытаюсь объяснить тебе, что люблю тебя безумно и не знаю, что мне делать дальше, просила твоего совета. Но чтобы отправить письмо, мне нужен был твой точный адрес, а попросить его у родителей я постеснялась: как бы я им это объяснила? Вдруг впервые в жизни захотела пообщаться с кузеном, да еще и таким странным способом? Я долго прятала запечатанный конверт, чтобы не нашли родители: пришлось таскать его везде с собой. А потом вдруг к нам приехала твоя мама, тоже ненадолго. Это, кстати, была наша с ней последняя встреча, ну, ты понимаешь, перед тем, как ее не стало... Я вложила письмо в новый альбом для марок – что-то другое мне в голову не пришло: из книги, например, оно могло просто выпасть, а так я его хорошенько спрятала, засунула в прозрачные страницы – и попросила тетю передать тебе этот небольшой подарок. Помню, как она погладила меня по голове, поблагодарила и сказала, что обязательно передаст. Потом она уехала. Не знаю, передала она тебе тот альбом или забыла, но ты, естественно, мне ничего не передал и ничего не ответил.

– Господи... – он вскочил на ноги. – Я помню этот альбом! Мама привезла и торжественно вручила его мне, подарок от моей маленькой кузины. А я... Видишь ли, я никогда не любил марки и не собирал их... Прости меня! Пожалуйста, прости!

– За что? – кузина тоже поднялась. – Ты не обязан был любить марки, а я должна была придумать что-нибудь получше или не писать тебе вовсе. В конце концов, сейчас это не имеет никакого смысла: вот что было бы, к примеру, если бы ты любил марки и прочел тогда мое письмо? Посмеялся бы над глупенькой кузиной или, что еще хуже, показал бы его своим родителям. Я бы тогда точно умерла. Поэтому я даже рада, что ты выбросил мой альбом и не видел моего письма.

– Я не выбросил альбом, – он вдруг отчетливо вспомнил, как видел что-то очень похожее на него не так давно на чердаке их римской квартиры в какой-то коробке со старым хламом.

– Что это меняет? – кузина развернулась и медленно пошла к дому.

– Я не выбросил твой альбом! – он догнал ее и встал на пути.

– Чего ты хочешь? Дай мне пройти! – резкий порыв ветра растрепал ее волосы и бросил их ей в лицо.

– Ты такая красивая... – он поднял руку, чтобы коснуться ее волос. Она уклонилась. Тогда он схватил ее за руку:

– Скажи, что-нибудь изменилось у тебя... ко мне... прошло столько лет...

– Зачем тебе это? – она вырвала свою руку из его руки.

– Скажи! – он смотрел ей прямо в глаза. Она не отвернулась, напротив, подошла еще ближе и неожиданно легонько коснулась своими пальцами его лица, провела ими по щеке, по губам. И ушла. Вернее, не ушла, а сбежала, буквально взлетела вверх по лестнице, ведущей к коттеджу. Догнать ее он не решился. Остался одиноко стоять посреди бухты.

Прямо у его ног шумело море...

Глава пятая

Потом он часто вспоминал тот разговор с кузиной. Тысячи раз прокручивал в голове такие бесполезные теперь варианты слов, которые он мог сказать тогда ей, но не сказал, тысячи раз представлял себе, как бы стали развиваться события тем летом, если бы он, например, прервал тот рассказ кузины об альбоме для марок и ее письме, перевел бы все в шутку или вообще пропустил все это мимо ушей. Но что толку корить себя за то, что ты не сказал или не сделал тогда, если действительность уже наступила и ничего изменить нельзя? Ведь недаром кто-то очень мудрый сказал: глупа и бесполезна только та мысль, которую ты, подумав, не успел сказать. А уж почему не успел, этого мудрец не объяснил: то ли от малодушия, то ли от нехватки смелости. Неважно...

Пытаясь готовиться к переэкзаменовке, он сидел в своей мансарде над раскрытыми учебниками, но мысли бродили где-то далеко. О чем он думал? О лекции по генетике, на которой четко и ясно будущим врачам втолковывали и объясняли все пагубные последствия родственных браков: дети с врожденными пороками, вымирание рода и т. д. и т. п. Преподаватель приводил какие-то проценты из статистики, говорил о том, что в некоторых странах, – кажется, в Испании? – даже законодательно запрещены браки между двоюродными братьями и сестрами. С троюродными как-то попроще. По крайней мере, на них такой акцент не делался. Он тогда особо не вслушивался в тему лекции: во-первых, его это мало интересовало, он твердо знал, что не собирается жениться ни на одной из своих кузин, а во-вторых, рядом с ним тогда сидела новенькая однокурсница, улыбалась и многообещающе строила глазки.

Внезапно разозлившись, швырнул он ни в чем не повинный учебник на пол. К черту генетику! К черту статистику и вымирание рода! Он хочет обладать ею вопреки всему. Да, он хочет свою кузину. Может, это безумие, но сейчас ему все равно.

– Эй, студент! Пора ужинать! – раздался голос Бланш, и он спустился вниз. Все уже сидели на террасе.

– Как позанимался? – спросила кузина. – Все науки превзошел?

– Как раз парочка осталась, – ответил он, глядя ей прямо в глаза. – Именно эту парочку я и завалил.

– Ничего, сын, я уверен, что осенью ты все сдашь на отлично, – отец, как всегда, был полон оптимизма. – А у меня для вас всех завтра будет сюрприз, готовьтесь!

– Какой сюрприз?

– Мы куда-то едем? Как нам одеться? – кузина и Бланш засыпали его вопросами.

– О, женщины! – в притворном ужасе вскинул руки отец. – Ни капли терпения! Успокойтесь, завтра все сами увидите.

– Выйдем в сад? – он вопросительно посмотрел на кузину, она кивнула:

– Сейчас накину что-нибудь.

Он вышел на улицу и с наслаждением вдохнул свежий ночной воздух, в который раз подумав о том, как же здесь хорошо!

Вот бы это лето длилось вечно...

– Любуешься на звезды? – раздался рядом голос кузины.

Он обернулся:

– Уже на тебя.

– С чего вдруг? – она подозрительно посмотрела на него. – За ужином мы, кажется, не пили.

– Ты не веришь моим словам?

– Почему не верю? Верю, конечно! Только мне жаль, что люди часто забывают одну важную вещь, милый мой кузен: силу человеческого слова. Знаешь ли ты, что словом можно убить, а можно спасти?

– Господи, да знаю конечно! – он не хотел поддерживать серьезный настрой кузины. – Ты чего такая впечатлительная?

– А если знаешь, то мой тебе совет, кузен: никогда не играй словами... Порой это больно.

– Я не хочу, чтобы тебе было больно, – сказал он.

– Опять слова... Какой-то странный у нас получается разговор. И вообще все странно. Ты почти не помнишь меня в детстве, я не видела тебя столько лет... Даже не сразу узнала. Тебе не кажется, что мы словно впервые встретились?

– Встретились и знакомимся как парень и девушка, ты это имеешь в виду?

– Да, а еще море, солнце и лето! Что еще надо для безумных поступков? – она склонила голову набок, изучая его лицо. Он подошел поближе.

– Если бы ты не была моей сестрой, я сделал бы все, чтобы ты была моею, – негромко сказал он ей, пытаясь этими словами хоть как-то остановить лавину чувств, неудержимо тянущую их куда-то не туда, совсем не туда.

Он еще силился противиться этому, решив дать ей понять, что их родственная связь – непреодолимое препятствие. Наверное, не так надо было сформулировать ту самую фразу, не то он все-таки сказал. Он осознал это почти сразу, как только слова прозвучали в ночной тишине, как только сам услышал свой изменившийся от волнения голос, произнесший их. В глазах кузины вспыхнул загадочный огонь. Она подошла еще ближе, и он даже смог почувствовать тонкий аромат ее духов.

– Минуту назад ты обещал не делать мне больно, – сказала она.

– Тебе больно? Почему?

Она уже знакомым жестом провела пальцами по его щеке и произнесла едва слышно:

– Неужели ты совсем не замечаешь, как сильно я тоскую по тебе?

У него бешено заколотилось сердце. Он задержал ее руку у своих губ, и одному Богу известно, что могло произойти дальше, если бы не голос Бланш, раздавшийся совсем рядом с ними:

– Где вы? Ау! Мы идем искать!

Они отпрянули друг от друга, и в этот момент на дорожке сада появились прогуливающиеся отец и Бланш.

– Чудесный вечер, правда?

Больше им не удалось уединиться, чтобы закончить тот разговор. Тогда он думал, что это и к лучшему: ведь впервые он начал испытывать в душе нечто новое, и свое влечение к кузине не мог объяснить ничем, кроме летнего помешательства, безумия в чистом виде. А что с этим делать, он не знал, как и с тем, что она ему еле слышно сказала. Ее слова значили лишь одно: она желает его так же отчаянно, как и он ее. Быть может, они оба сошли с ума?..

Той ночью он долго вертелся в постели, пытаясь найти хоть какой-нибудь разумный выход из сложившейся ситуации, но не смог. В конце концов, он был не слишком умудрен жизненным опытом и всего на пару лет старше той, к которой его безудержно влекло.

Глава шестая

На следующий день, сразу после завтрака, отец стал собираться в поселок. Они все вместе вышли проводить его к воротам. При этом у отца был такой загадочный вид, он так всем подмигивал, не произнося ни слова, так строил гримасы, рисовал в воздухе руками такие странные фигуры, что Бланш, в конце концов, не выдержала:

– Дорогой, ты сошел с ума?

– Не надо меня пытаться, женщина! Я не скажу вам ни слова, – отец сел за руль и гордо посмотрел на них, опуская стекло. – Ждите меня, я вернусь с сюрпризом! – оглушительно посигналив, он уехал.

– Как ребенок! – покачала головой Бланш и ушла в дом.

– Что будем делать? – он вопросительно посмотрел на кузину, вновь ощутив некоторую неловкость, оставшуюся между ними после вчерашнего разговора в саду.

– А тебе не надо заниматься?

– Нет, – соврал он, – я вчера перевыполнил норму. Пойдем прогуляемся?

– Пойдем, – согласилась она. – А куда?

– Видишь рошу за мысом? – он показал рукой. – Сходим туда?

– О, это будет настоящий поход! – ее глаза загорелись. – Надо собрать корзинку с едой и все остальное...

– Встречаемся внизу ровно через двадцать минут, – с нарочито серьезным видом заявил он, – сверим часы!

– Нет у меня никаких часов, – смеясь, сказала она, – подождешь!

С улыбкой наблюдал он, как она тащит доверху набитую чем-то плетеную корзину.

– Вот! – она торжественно поставила перед ним свою ношу. – Здесь все необходимое. Понесешь сам, хорошо?

– Ты бы еще палатку взяла! – рассмеялся он.

– И взяла бы, да нету... Идем?

Он взял корзину, притворно охнул, согнувшись от «тяжести», они крикнули Бланш, что уходят на пикник, поклялись вернуться к сюрпризу и спустились в бухту.

Вдоль берега неспешно направлялись они к роше. По дороге болтали обо всем, однако, как будто сговорившись, избегали серьезных тем для разговора: говорили о погоде, учебе, друзьях, общих родственниках, благо их было в избытке... Но ни слова о вчерашних откровениях, планах на будущее и отношениях между мужчиной и женщиной. Они смеялись, подшучивали друг над другом, и, в конце концов, та легкая неловкость, испытываемая обоими, исчезла. Им было просто хорошо вместе.

Она шла босиком вдоль самой кромки берега, держа в руках босоножки, то и дело смеясь и брызгая в него морской водой, пользуясь тем, что у него в руках довольно увесистая корзинка, мешающая ему ответить ей тем же. Он поглядывал на нее вначале украдкой, любуясь ее изящными движениями, блестящими на солнце черными волосами, развевающимися на ветру, одновременно пытался отвечать на ее вопросы, шутил – и в итоге поймал себя на том, что уже совершенно не таясь жадно разглядывает ее тело, просвечивающееся сквозь легкую ткань коротенького белого платья, слишком коротенького, слишком прозрачного... «Нарочно, что ли?» – мелькнуло у него в голове. Неужели она специально искушает его? Неужели настолько чувствует его? Все, он больше не намерен сдерживать себя! Пусть будет так, как она хочет. Как он хочет. Как они хотят. Он ощутил непреодолимое желание бросить эту чертову корзинку, схватить кузину, сорвать с нее это тонкое платье, причем разорвав его в клочья, и овладеть ею тут же, прямо на песке...

В этот момент она вдруг обернулась, и он неожиданно встретился с ней глазами. Ох и взгляд был у его сестренки! Сердце у него забилось еще сильнее, а кузина быстро отвела глаза в сторону и, как ему показалось, слегка покраснела. О чем она, интересно, думала?..

– Ура! – закричала кузина, когда показались первые ореховые деревья. – Мы дошли!

– Привал, – объявил он и, взяв себя в руки, поставил корзину на землю.

Они расстелили под орехом плед, разложили фрукты и бутерброды. Покосившись в его сторону, кузина гордо вытащила из корзинки бутылку вина:

– Не возражаешь?

– Где ты ее взяла?

– Стащила из бара в столовой. Совершила тяжкое преступление, в чем абсолютно не раскаиваюсь, – она игриво посмотрела на него. – Прошу суд учесть это и назначить мне самое суровое наказание!

– Непременно! – сказал он, пряча улыбку. – Другого ты не заслуживаешь. Распитие спиртного лицом, не достигшим двадцати одного года... Пожалуй, ты приговариваешься...

– Ваша честь, – перебила его кузина, – при вынесении приговора прошу учесть, во-первых, тот факт, что вы являетесь соучастником преступления, поскольку явно не прочь распить похищенное совместно с подсудимой, а во-вторых, вы вообще не имеете права выносить приговор, так как являетесь ее родственником, то есть лицом, прямо заинтересованным в исходе дела. Заявляю вам отвод. И открой, наконец, бутылку!

– Повинуюсь! – рассмеялся он, разведя руками. – Преступница полностью права и оправдана. Предлагаю тост!

Он разлил вино в бокалы:

– За торжество правосудия и... за нас!

Она залпом осушила бокал.

– Да ты пьяница? – шутливо спросил он.

– Ага, решила начать. Сегодня. Налей-ка мне еще!

– Все, больше вина не получишь: отец меня убьет, – продолжая игру, он спрятал бутылку за спину. Она потянулась за ней:

– Отдай!

Ну а дальше... Шутливая борьба из-за отобранного вина, в которой он легко победил, повалив ее на землю, никому не нужная бутылка, опрокинутая и забытая в пылу сражения... Последний поединок разума и желания плоти... Ее руки взлетели, обняли его за шею. Он нашел ее губы, впился в них со всей своей страстью, да так сильно, что она застонала. Он тут же отстранился, но она вновь притянула к себе его голову. Он целовал ее так, как не целовал ни одну девушку в своей жизни. Кровь шумела в висках, он слышал, как стучит ее сердце... Или его? Или их?

Одной рукой спустил он за бретельки ее платье, она помогла ему выпутаться из рубашки, посыпались в траву пуговицы, куда-то полетели остатки одежды – и вот ее тело под его руками, губами... Со всем жаром молодости отдавались они друг другу под старым орехом. И мир вокруг них исчез.

Когда все закончилось, она еще сильнее обхватила его ногами, и он так и остался лежать, уткнувшись ей в шею.

– Люблю тебя, – прошептали ее губы, – всегда любила и буду любить. Будь что будет!

Он приподнялся на локтях и посмотрел ей в глаза:

– Люблю тебя и буду любить. Будь что будет! – эти слова вырвались непроизвольно, сами по себе. – Как же я тебя хотел...

– А я тебя, – сказала она немного смущенно. Он коснулся ее губ своими губами:

– Я это заметил. Думал, не сдержусь еще по дороге сюда. У тебя очень миленькое платье!

Кузина зажмурилась:

– Не смущай меня! Мне, наверное, должно быть стыдно, но... – она приоткрыла один глаз и лукаво посмотрела на него – ...ни капельки не стыдно! – и счастливо засмеялась.

Он поцеловал ее в нос:

– Ты очень красивая... И вся моя...

– Когда-то давно я решила, что ты будешь первым мужчиной, который прикоснется ко мне, – сказала она, – и я рада, что это произошло. А теперь целуй меня еще! – и она стала поглаживать его по спине, руками спускаясь все ниже. Он застонал от возбуждения и снова впился в ее губы.

Когда мир вокруг вновь проявился, он чувствовал себя самым счастливым человеком во Вселенной. Это было полнейшее безумие! И это было неизведанное им ранее наслаждение. Их тела были просто созданы друг для друга, и такого он еще никогда не испытывал, ни с кем...

– Надо идти, – негромко сказала она, нарушая тишину, – вдруг нас уже ищут?

– Пусть... – начал он, и в этот момент откуда-то со стороны моря послышался зычный голос отца:

– Эй, туристы! Где вы? Немедленно покажитесь, иначе высылаем спасательный отряд!

Они вскочили с земли, лихорадочно ища свою одежду, кое-как оделись, запихнули вещи в корзинку и, чувствуя себя истинными преступниками, выбежали из рощи.

У самого берега качался на волнах маленький белый прогулочный катер, на палубе которого стояли отец с рупором в руке и Бланш, а за штурвалом – молодой черноволосый парень лет двадцати пяти в тельняшке.

– Иди первым, – шепнула она.

– Боишься? – он взял ее за руку и шутливо предложил: – А давай все им расскажем!

– С ума сошел? – сверкнула она глазами. – Иди!

– Ну, как вам мой сюрприз? – отец был горд как никогда. – Нравится?

– Твой отец окончательно спятил, – весело сказала Бланш, – он купил катер!

– Здравствуйте, синьор! Синьорина! – парень за штурвалом заглушил мотор, после чего помог им подняться. – Я Тони, Антонио Марино, временно прилагаюсь к вашему катеру, пока не обучу кого-нибудь из вас управлять им. Добро пожаловать на борт!

– Дядя, ты прелесть! – в восторге воскликнула кузина. – Я тебя люблю!

– Слышала? – отец толкнул Бланш в бок. – А ну повтори, что она сказала!

– Дорогой, ты прелесть, и я тебя люблю, – покорно повторила Бланш.

Отец расхохотался:

– Другое дело! А то все спятил да спятил. Поехали!

Эта морская прогулка была незабываемой. Они обогнули мыс, искупались в открытом море и только поздним вечером причалили к пляжу в их бухте. Именно этот день потом долгие годы ассоциировался у него со словом «счастье», и дело тут было вовсе не в сюрпризе, который сделал им отец.

Глава седьмая

Они договорились с Марино, инструктором по вождению из местного яхт-клуба, что тот будет приходить каждое утро, давать уроки управления катером каждому желающему. Желали все, кроме Бланш: она отказалась наотрез, заявив, что еще хочет пожить на свете и согласна быть только пассажиром, причем когда катером будет управлять опытный Тони, а не кто-нибудь из «городских сумасшедших». Напомнив, что она замужем за одним из них, отец, однако, совсем не огорчился.

Марино приехал, когда они завтракали на террасе, и с удовольствием согласился составить им компанию.

С того самого мгновения, как они расстались с ней вчера, больше у них не было ни минутки для уединения, да и возможности тоже. Он помнит то утро, их взгляды, брошенные друг на друга за столом украдкой, как бы случайное прикосновение рук за завтраком: «передай, пожалуйста, джем», «конечно, держи», с трудом поддерживаемая обоими непринужденная беседа, его лихорадочные мысли о том, как бы остаться с ней наедине, что бы придумать такое, лишь бы – не дай Бог! – отец или Бланш не заподозрили, не поняли. Он почувствовал, как предательски вспыхнуло его лицо при одном только воспоминании о минутах их вчерашней близости. О, этот бесконечный завтрак!..

Марино, как мог, пытался завладеть ее вниманием, без конца рассказывая о катерах, яхтах, морских прогулках, при этом не сводя с кухни восхищенного взгляда. Причем, взгляд этот чаще всего задерживался на весьма откровенном вырезе ее пляжного платья из полупрозрачной ткани, не скрывающего таких желанных изгибов ее тела. К концу завтрака он уже буквально ненавидел этого Марино и злился на кухню из-за ее наряда. Она что, не понимает, как притягивает к себе мужские взгляды?

– Ну что, пора на борт! – наконец провозгласил отец, отодвигая стул, и мучительный завтрак кончился. – Синьор Марино, сегодня я ваш первый ученик, молодежь пусть сперва понаблюдает.

Отец встал за штурвал, Тони – рядом с ним. Кухня непринужденным жестом сбросила пляжное платье, обнажив свое соблазнительное тело в белом бикини. Марино не сразу смог завести двигатель. Конечно, это было трудно, учитывая, что он не сводил с кухни глаз, пытаясь попасть ключом в замок зажигания. Он окончательно разозлился. А она, перехватив его взгляд, весело засмеялась. Так она еще и дразнит его нарочно! «Ну подожди», – подумал он.

– Осмотрим катер? – громко предложил он ей и, не дождавшись ответа, потащил за руку на корму, прихватив с палубы брошенное платье.

– Что ты делаешь? Увидят! – слабо сопротивлялась она его жадным губам, пытаясь одновременно и вырваться из его объятий, и ответить на поцелуи.

– Оденься! – требовательно сказал он. – Иначе мне придется убить этого наглого инструктора...

– А что случилось? – невинно спросила кухня, хотя в глазах ее прыгали чертики.

– Он тебя сейчас съест глазами, неужели ты не видишь? Мне это не нравится!

– Правда? Знаешь, я как-то за ним не наблюдаю, для тебя старалась. Но раз уж тебе не нравится... – она накинула платье, но завязывать не стала, и морской ветер тут же распахнул его, представив его взору всю ее целиком. Он даже зарычал от возбуждения и притянул ее к себе.

– Не могу больше! Я почти не спал этой ночью, а ты еще и дразнишься... – он припал губами к ее шее. Она ахнула, и в этот момент катер резко накренился на левый борт, он успел удержать ее и крикнул:

– В чем дело?

– Все в норме, сын! Где вы там? Идите смотреть, как ваш престарелый родственник показывает класс!

Пришлось им вернуться на нос катера.

– Ты чуть не утопил нас, – проворчал он.

– Дядечка, ну какой же ты престарелый! – она обняла отца. – Ты еще очень даже ничего!

– Спасибо, милая, – отец был доволен. – Не хочешь попробовать?

– Прошу вас, синьорина! – услужливый Марино рядом. – Берите штурвал!

Отец уступил ей место, Тони встал около нее:

– Это совсем несложно. Вот так... Правильно! Синьорина делает большие успехи!

– Ну мы же родственники! – засмеялся отец и подмигнул ему. – Что такой кислый, сын?

– Все в порядке, отец, – ответил он, думая, что ему ну совершенно не нравится, как вьется вокруг нее этот Марино: невзначай касается ее рук, держащих штурвал, и, якобы помогая управлять катером, практически прижимается к ней! Что-то говорит ей на ушко, беспрестанно обнажая в улыбке свои белые, очень ровные зубы. Да кто он такой? Как он смеет трогать ее? Он уже хотел было потребовать, чтобы Марино убрал свои руки от его девушки, как она, будто бы почувствовав его настрой, обернулась и сказала:

– Теперь ты! Будьте любезны, синьор, помогите моему кузену!

Сдерживая злость, он встал за штурвал:

– Спасибо, я сам.

Он крутанул руль, Тони отбросило к борту, кажется, он обо что-то ударился. Кузину удержал отец:

– Эй, полегче! Кто еще кого решил утопить?

– Я вижу, синьор знает, что делает, – как ему показалось, насмешливо сказал Марино. – Не волнуйтесь, синьорина, мы в надежных руках!

Стиснув зубы, молча привел он катер в бухту, выключил двигатель. Отец спрыгнул в воду, помог спуститься кузине. На берегу их ждала Бланш:

– Как успехи? Неужели все целы?

– Целы! – кузина обняла ее. – Но очень голодные, по крайней мере, я! До свидания, синьор Марино, и спасибо!

– Просто Тони, синьорина! Не стоит благодарностей!

– Дорогая, видела бы ты меня в роли капитана этой посудины... Кстати, по морским законам ей надо бы дать имя! У кого какие мысли? До свидания, синьор Марино, спасибо за урок! Сын поможет вам с катером.

– До встречи, синьор!

Втроем они не спеша стали подниматься вверх по лестнице, сопровождаемые громким голосом отца. Помогая наглому инструктору пришвартовать и закрепить на берегу катер, он со злостью думал, что его отцу Марино не предложил называть себя «просто Тони».

– Красивая синьорина! – Марино буквально пожирал взглядом фигурку кузины, поднимавшейся вверх. – Никогда таких не встречал! Сколько ей лет?

– Не думаю, что тебе можно мечтать о ней, – грубо ответил он.

Марино засмеялся:

– Это почему?

– Потому. Просто прими к сведению. Где выход, ты знаешь, – повернулся к нему спиной и направился к лестнице.

– А может, потому что ты сам мечтаешь о ней? – крикнул ему вдогонку Марино. Он не стал оглядываться...

– Я думаю, нам больше не нужны уроки этого инструктора, – сказал он за обедом.

– Почему? – удивился отец. Кузина вспыхнула.

– Просто не нужны. Я прекрасно управлял сегодня катером, все видели.

- Это когда ты чуть не утопил нас и едва не покалечил бедного Тони?
- Обойдемся больше без бедного Тони!
- Тебе не кажется, что одного урока как-то маловато? Я, например, еще не...
- Не кажется, – упрямо перебил он отца. – Если хочешь, занимайся с ним сам, а мы не будем!
- Ничего не понимаю, – отец развел руками. – Какая муха тебя укусила? А ты что скажешь, милая?
- Думаю, он прав, дядя, – осторожно ответила кузина. – Мне было просто интересно попробовать, но больше я не хочу управлять катером. Занимайся с ним сам, будешь нас катать!
- Странная пошла молодежь! – отец развел руками. – Делайте что хотите, ну вас. Я возьму еще пару уроков, потом еще обзавидуетесь моим навыкам!
- Обзавидуемся, дядечка, ой обзавидуемся! – кузина вскочила и поцеловала отца в щеку. – Ты у нас самый лучший!
- Подтверждаешь? – отец с улыбкой посмотрел на Бланш.
- Конечно, подтверждаю! – она тоже встала и поцеловала его в другую щеку. – Лучше тебя никого нет!
- А ты чего теперь такой довольный? – весело спросил его отец. – Рот до ушей!
- Он был не просто доволен, что избавился от ненавистного Марино, а кузина еще и так тонко его поддержала, он был счастлив, и хорошее настроение моментально вернулось:
- Смотрю на вас и радуюсь, – он взглянул ей в глаза, – люблю вас, правда, люблю!
- Ну прямо семейная идиллия! – воскликнула Бланш. – А давайте устроим по этому поводу праздник! Тем более нам надо окрестить это чудовище.
- Никакое он не чудовище, – обиделся отец. – Вот прокачу тебя с ветерком, тогда посмотришь!
- Ладно-ладно, – Бланш снова поцеловала его. – Ты – мое чудовище, самое очаровательное и любимое чудовище на свете!
- Решено! – отец грохнул кулаком по столу. – Сегодня вечером устроим пикник на пляже, разведем костер, разопьем бутылочку шампанского. А теперь прочь с глаз моих! Это я не вам, дамы, а разгильдяю, который вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, разъезжает на катере по волнам и брюзжит на инструкторов!
- Он вопросительно посмотрел на кузину, но она едва заметно покачала головой:
- Иди, не спорь с отцом. Увидимся после.
- Пришлось ему отправиться в свою мансарду и заставить себя взяться за учебники. Через некоторое время в дверь его комнаты тихонько постучали. Он открыл и увидел кузину.
- Я на секундочку, – прошептала она, – мы с Бланш сейчас готовим ужин. Ты как?
- Плохо, – он привлек ее к себе, – давай сбежим!
- Не говори глупостей, – она тщетно пыталась вырваться из его объятий. – Увидимся потом, обязательно!
- Я приду к тебе ночью.
- Не вздумай, моя комната рядом со спальней дяди и Бланш, ты забыл?
- Тогда ты поднимись ко мне, когда они уснут!
- Фу, как это неприлично, – целуя его, сказала она. – Ночь, одинокая девушка крадется по дому в спальню мужчины... За кого ты меня принимаешь?
- А девушка крадется в одежде или нет? – он мягко повалил ее на кровать.
- Пусти, развратник! – она очаровательно покраснела, но так просто вырваться от него у нее не получилось: он завладел ее губами, почувствовав, как напрягается под его ладонями ее тело. Забыв обо всем, лежали они на его кровати и целовались, целовались, целовались...
- Куда ты пропала? – неожиданно голос Бланш раздался на лестнице.

Она выскользнула из-под него, одернув платье. Торопливый поцелуй, испуганный взгляд в зеркало на свое отражение, и все: кузина убежала. Он лежал на кровати, улыбаясь, слушал веселые голоса, доносившиеся снизу, и думал о том, что счастливее него на свете нет человека.

За окном уже спускались сумерки, в небе над морем кричали чайки...

Глава восьмая

Когда стемнело, они разложили на пляже небольшой костер, расстелили одеяла, отец открыл шампанское:

– За нашу семью! – сказал он. – За это лето, за море и наш катер!

– Ну и как мы назовем его? – спросила кузина.

– «Каникулы»? – предложил он. – По-моему, соответствует!

– Тогда уж «Переэкзаменовка»! – расхохотался отец. – Это больше подходит, а, сын?

– Называй как хочешь, – обиделся он. – А лучше «Чудовищем», правда, Бланш?

– Ну что ты, милый, – запротестовала Бланш, – я же пошутила. Давайте назовем его просто «Сюрприз»! Ведь это был твой сюрприз, Родольфо?

– Согласен! – отец достал вторую бутылку. – По морской традиции, полагается, если я правильно помню, разбить ее о нос судна и громко прокричать его имя. Вставайте поближе! Я разбиваю, а вы хором дружно кричите: «Сюрприз»!

– Дорогой, тебе не кажется, что немного странно кричать «Сюрприз» ночью на весь пляж? – скрывая улыбку, спросила Бланш. – А тем более хором?

– Нас услышат, наверное, аж в Неаполе, – заметил он.

– Ага, и толпы любопытных прибегут к нам со всех окраин, – подхватила кузина, – в ожидании сюрприза. Интересно, что мы им покажем?

– Отставить шуточки! – отец торжественно разбил шампанское о нос катера. – Кричите немедленно!

– «Сюрприз»! «Сюрприз»! – покатываясь со смеху, прокричали они.

Потом еще долго сидели у костра, рассказывая разные истории, вспоминая забавные случаи из жизни. В свете огня глаза кузины блестели как драгоценные камни; он же тихо радовался тому, что вокруг уже темно и можно незаметно держать ее за руку, поглаживать ее пальцы, сжимать их и чувствовать ее ответные прикосновения.

– Вот странно, – воскликнула Бланш, – живем не так далеко друг от друга, а видимся редко! Да чего уж: совсем не видимся с родственниками... Милая, я так рада с тобой познакомиться! Обещай, что теперь мы будем общаться по-человечески, чаще, чем раз в год.

– Обещаю, – серьезно ответила кузина.

– Ну все, родственнички, – отец встал с одеяла, – костер догорел, пора спать! Марш по кроватям!

– Чудесный вечер! – она посмотрела на него. – Спасибо всем, я вас очень люблю!

– И тебе спасибо, – поцеловал ее отец, – и мы тебя любим, быстро в дом!..

Они обменялись взглядами и разошлись по комнатам, громко пожелав друг другу спокойной ночи. Он выключил свет в своей мансарде и сел на кровати, моля Бога о том, чтобы она пришла. Вскоре в доме все стихло, а еще через время в его дверь осторожно постучали. Он приоткрыл ее и увидел кузину.

– Ты пришла! Слава Богу, ты пришла!

– Запри дверь, бессовестный, – шепотом сказала она. – Знал бы ты, что я сейчас чувствую!

– Надеюсь, то же, что и я, – он привлек ее к себе, свободной рукой пытаясь развязать пояс ее пеньюара, – и вообще, молчи, а то нас услышат...

Это была их первая ночь, ночь, проведенная вместе, в одной постели, ночь, когда она принадлежала ему полностью, без остатка, а он – ей. Забыв о времени, они окунались друг в друга, изучая все потаенные уголки тел и испытывая наслаждение, неведомое им обоим ранее. Он навсегда запомнил ту ночь...

Когда он проснулся, ее рядом не было. С минуту лежал он, размышляя, как ей удалось так незаметно выскользнуть из его объятий, если уснули они почти под утро, сплетенные друг с другом, казалось, навечно. Посмотрев на часы, он ахнул: полдень! Да, хорошо поспал, ничего не скажешь! Торопливо умывшись, он спустился вниз.

– Выспался? – в голосе отца сквозила явная насмешка. – Это почти рекорд!

– Доброе утро, – ответил он и сел за стол.

– Уже добрый день, соня! – отец встал из-за стола. – Нормальные люди, между прочим, давно встали, позавтракали и скоро собираются обедать.

– Вот я заодно и пообедаю, – улыбнулся он. – А где все?

– На пляже. Погода шикарная. Между прочим, у меня сегодня был урок с синьором Марино. Они очень огорчился, узнав, что вы с кузиной отказались от его услуг. Спрашивал, чья именно это была идея.

– И что ты ему сказал?

– Сказал, что твоя, что ты на правах старшего брата запретил сестренке подвергаться опасности в морских водах. Почему-то этот идиотский ответ его сразу устроил. Странно все это! Ладно, завтракай или обедай, а я пойду к девушкам. К нам не приходи: тебе надо заниматься, итак полдня проспал! – шутливо погрозив ему пальцем, отец вышел из дома.

Он буквально проглотил завтрак и, проигнорировав запрет отца, переоделся и пошел на пляж.

– Привет! – он бросил полотенце на песок. – Как дела?

– Привет, – ее глаза лучились от счастья, – выпался?

– Иди заниматься, двоечник! – отец был в прекрасном настроении. – Я запрещаю тебе загорать, плавать и общаться с нами ближайšie два часа!

– Дорогой, не будь жестоким, – вступилась за него Бланш. – Пусть ребенок хотя бы окунется в море!

– Ребенок? – засмеялся отец. – Да этот ребенок выше меня на голову! Он уже мужчина и должен поступать исключительно по-мужски.

– Дядя, не будь злоюкой, – сказала она, – пусть он побудет с нами.

– Ишь, заступницы! Ну ладно ты, – отец кивнул на Бланш, – ты, по крайней мере, его хорошо знаешь, как-никак даже живем вместе, а ты, племянница? Чего так переживаешь?

– А мы подружились, – ответила кузина и покраснела. Подружились! Он еле сдержался от нахлынувших воспоминаний об их ночной дружбе. Видел бы кто-нибудь, как они подружились... Да что это с ним? Он опять испытал жгучее желание схватить ее, опрокинуть на песок и сделать то, что они делали ночью. Прямо здесь, сейчас, немедленно!

– Я иду в воду, – хрипло сказал он и бегом бросился к морю.

Из воды он видел, как все трое, помахав ему, вскоре ушли с пляжа. Интересно, куда? Почему она не осталась?

Вернувшись в коттедж, он никого не застал; машины отца у ворот не было. Куда они уехали? Почему бросили его одного? Он заставил себя подняться в мансарду и открыть учебники. Не читалось, а если и читалось, то ничего не запоминалось. Так он маялся около двух часов, пока не услышал шум подъехавшей машины, а вскоре снизу донеслись их веселые голоса. Он спустился:

– Где вы были, предатели?

– О, дорогой, прости! – воскликнула Бланш. – Мы ездили в поселок за продуктами, возьми сумки!

– Почему не сказали? – проворчал он, забирая из ее рук пакеты. – Я бы помог.

– Дядя сказал, что ты не поедешь, будешь заниматься, – виновато сказала кузина.

– Да, сказал, – подтвердил отец, – и пусть простят меня родные за этот невинный обман. Или не обман? Ты же позанимался, верно? Неужели я зря таскал их по всем магазинам, которые встречались у нас на пути?

– Спасибо, отец, я даже перезанимался, – улыбнулся он, – теперь имею право на пару выходных.

– Кстати, насчет выходных, – оживилась Бланш. – Хватит нам тут сидеть словно в заточении. Мы сейчас были в поселке и узнали, что в День Святого Варфоломея будет грандиозный праздник!

– Обязательно пойдем! – всплеснула руками кузина. – Там будут танцы, ярмарка и даже фейерверк! А столы поставят прямо на площади. Здорово, правда?

– Правда, – ответил он, любуясь ею, – не хочешь покататься на «Чудовище»?

– Его имя «Сюрприз»! – грозно сказал отец. – А будешь обзывать, не дам ключи!

– Всё-всё, я пошутил! – он поднял вверх руки, как бы сдаваясь. – Давай ключи, мы поедем окунуться в открытом море!

– Я возьму купальник, – сказала кузина и побежала вверх по лестнице.

– Слушай, а помнишь, ты не хотел, чтобы она приезжала, – улыбнувшись, сказал отец. – А теперь я так рад, что вы поладили!

– Ага, – ответил он, чувствуя, как горят щеки, – я тоже рад!

Они отплыли от берега.

– Куда мы? – крикнула ему кузина сквозь шум мотора и волн.

Он повернулся с улыбкой:

– Подальше от родных глаз!

Она снова покраснела. Боже, как же ему нравилось смущать ее! Какое она еще, по сути, дитя! Изящно обогнув мыс, он остановил катер в море и заглушил двигатель:

– Иди ко мне!

И она пошла...

Сверху на них светило солнце, вокруг плескалось море, они распластались на палубе, слившись друг с другом, и катер мягко покачивался на волнах в такт их движениям...

– Я с ума схожу по тебе, – сказал он, зарывшись лицом в ее волосы. – Нет, уже сошел!

– А я тебя люблю, – просто ответила она, – помни об этом... Давай возвращаться, мне все время кажется, что они все знают, и чем больше времени мы проводим вдвоем, тем сильнее я переживаю.

– Боишься? – вырвалось у него.

– А ты? – тихо спросила она. Он отвернулся. Сделал вид, что не расслышал, вставляя ключ в замок зажигания, но заметил, как дрожат руки. Почему он не ответил ей тогда? Не ответил честно, глядя во влюбленные в него глаза, что боится, да, боится многого: реакции отца, родственников, между прочим, их общих, своих друзей, знакомых... Простой бесхитростный вопрос кузины. Может, именно в те минуты в его душе впервые зародилось сомнение относительно их отношений, но тогда он не стал думать об этом. К чему? Тряхнув головой, прогнал он прочь пугающие мысли. Она подошла и обняла его сзади:

– Все будет хорошо!

– Все уже хорошо! – рассмеялся он, поцеловал ее и уверенной рукой повел катер к бухте...

Вспоминая то лето, он действительно не понимал, как тогда ни отец, ни Бланш ни о чем не догадывались? По крайней мере, отец. Бланш, как потом выяснилось, все же была более проницательна. Казалось, невозможно было скрыть, несмотря на их старания, эти вождедеющие взгляды, случайно оброненные кем-нибудь невинные фразы, заставлявшие пылать то ее, то его щеки поочередно, их тайные встречи днем – под любыми предлогами, в самых разных укромных местечках пляжа, сада, бухты, на катере; ночи, проводимые теперь только вместе,

в его постели. Ее губы распухли от его поцелуев. И неприкрытая жажда обладания друг другом постоянно, всегда и везде. Они с головой погрузились в любовь, совершенно позабыв о реальном мире, не думая о том, что срок аренды коттеджа кончается, а вместе с ним и лето, что действительность совсем скоро может очень больно ударить по ним, по их безмятежному и такому хрупкому счастью.

Глава девятая

– Что происходит? – удивлялась по утрам Бланш. – Я совершенно не могу вас добудиться!

Еще бы! Вот уже почти месяц они засыпали с рассветом, каждую ночь предаваясь любви.

– Это климат, – пытался оправдаться он. – Лично на меня так влияет здешний климат.

Никак не могу проснуться утром!

– А на меня – шум моря, – поддержала его кузина. – Все из-за него: с трудом засыпаю за полночь, потом не могу заставить себя подняться.

– Странно, – пожалала плечами Бланш, – раньше я как-то этого не замечала.

– А он недавно стал на меня так влиять, я имею в виду климат, как-то внезапно обострился... – он нес полную чушь, понимая это по чересчур внимательному взгляду Бланш, которая уже открыла рот, чтобы кое-что прояснить для себя.

– В чем бы пойти на праздник? – кузина поспешила перевести разговор на безопасную тему.

– О, дорогая! Это очень важный вопрос! – оживилась Бланш. – Пойдем-ка посмотрим, чем мы, бедные девушки, располагаем в наших скудных гардеробах. Ведь праздник уже очень скоро, – и утащила кузину в свою комнату.

Решено было, что в поселок на торжество по случаю Дня Святого Варфоломея они пойдут пешком, тем более что это не так далеко от их коттеджа.

– Милые дамы! – взывал отец, полностью готовый и ожидающий их вместе с ним в столовой. – Поторопите своих парикмахеров, портных и кого-там-еще! А то все угощения съедят без нас.

– И все вино выпьют! – вторил он отцу.

– Мы идем! – крикнула Бланш откуда-то из недр второго этажа, и через минуту вместе с кузиной они появились на лестнице:

– Ну? Что скажете?

Отец присвистнул от восторга:

– Да-а, сын, этого стоило и подождать, не находишь?

Он восхищенно смотрел, как она в кружевном белом платье с пышной юбкой спускается вниз. Ее прекрасные руки и плечи были полностью обнажены, глубокий вырез корсажа открывал взору соблазнительную ложбинку на груди; длинные черные волосы распущены во всей своей красе, ни одного украшения – такая изысканная, ничем не прикрытая красота, от которой у него просто захватило дух.

– Боже мой! – вымолвил он.

Отец подтолкнул его:

– Повезло же нам сопровождать таких красавиц!

Бланш тоже была великолепна в своем темно-синем туалете с искусно уложенными волосами.

– Вперед! Уверен, нас ждет потрясающий вечер!

Бланш взяла отца под руку, а он молча сжал в руке ее пальчики, и они вышли из коттеджа...

Едва войдя в поселок, они сразу окунулись в атмосферу праздника и всеобщего веселья: на улице было полным-полно нарядных сельчан, которые смешались с такими же приехавшими на лето жителями городов, как и они, выделявшимися среди этой разношерстной толпы вечерними туалетами и дорогими костюмами. Люди пели, громко разговаривали, кое-кто уже танцевал, повсюду раздавался смех и детский гомон.

Деревья и кустарники на центральной и единственной площади поселка были украшены воздушными шарами и разноцветными гирляндами, которые должны были с наступлением

темноты озарить все вокруг волшебным светом. Прямо на площади стояли шатры с различными аттракционами, палатки со сладостями, накрытые столы ломились под тяжестью всевозможных яств, которые каждый желающий мог продегустировать, вино лилось рекой, играла легкая, веселая музыка. Посреди площади и дети, и взрослые соревновались в перетягивании каната, бегали наперегонки в мешках: народ веселился от души.

– Идите, развлекайтесь! – сказал им отец. – А мы по-стариковски побродим тут, потом встретимся за столиком, вон у того дерева.

– Пойдем? – спросил он с улыбкой.

– Пойдем! – со смехом ответила она.

И они пошли. Постреляли из лука в тире, ни разу не попав по мишени, но вдоволь насмеявшись, с завязанными за спиной руками долго пытались по очереди откусить от яблока, свисавшего с дерева изобилия, перепробовали кучу всевозможных блюд и в итоге остановились у шатра гадалки.

– Зайдем? – почему-то шепотом спросила она.

– Ты веришь в эти бредни? – удивился он.

– Ну пожалуйста! Давай зайдем вместе! – и она затащила его за руку в шатер. Едва сдерживая смех, он вошел внутрь.

В шатре было темно и тихо: видимо, толстые стенки из какой-то плотной ткани не позволяли проникнуть сюда веселому шуму с площади. В полумраке разглядел он круглый стол с зажженной свечой, хрустальным шаром и гадальными картами, раскинутыми веером.

– О, вся атрибутика на месте! – смеясь, воскликнул он. – А где же колдунья? Мне уже страшно.

Из-за темно-красного занавеса в углу шатра появилась неопределенного возраста женщина в цыганской одежде: длинные пестрые юбки, надетые друг на друга, множество браслетов, колец, голова обмотана ярким платком, расшитым золотыми монетами, иссиня-черные волосы спадали из-под платка почти до пояса.

– Вы вместе?

Он не понял, спросила она или констатировала факт.

– Садитесь! – и взмахом руки указала на два стула, стоявшие у стола.

Давясь от смеха, он присел на один из них. Очень серьезная, кузина села на краешек второго стула.

– Что вы хотели бы узнать? – спросила гадалка.

– Я хочу знать, что нас ждет в будущем, – робко ответила кузина.

Гадалка взяла ее руку и, едва взглянув, отшвырнула обратно:

– Уходи!

– Что вы увидели? – со страхом спросила кузина.

– Эй, зачем вы ее пугаете? – разозлился он и встал со стула.

– Выйди! – приказала цыганка кузине. – А вот с ним я буду говорить!

– Пойдем отсюда, – он взял ее за руку. – Сплошной театр!

– Останься, молодой синьор! – гадалка буквально пригвоздила его взглядом к стулу. –

Пусть выйдет только твоя сестра!

Он оторопел:

– Откуда ты знаешь?..

– Останься, пожалуйста, интересно же! – прошептала ему кузина. – Я подожду тебя снаружи! – и вышла.

Он пододвинул стул поближе:

– Говори, ясновидящая. С чего ты взяла, что эта синьорина – моя сестра? А вдруг она моя невеста? Или даже жена?

– Она твоя кузина, и тебе это известно, так что перестань валять дурака, – сказала гадалка, прожигая его взглядом черных глаз. Мороз прошел у него по коже.

– Кто тебе сказал?

– А мне не надо говорить: я сама все вижу. Твоя маленькая кузина до смерти влюблена в тебя. До смерти.

– Я тоже люблю ее, – сказал он, – и что же? Это так бросается в глаза?

– Не бросается, – сказала гадалка. – Потому что ты – не любишь, я вижу только ее любовь, ее страсть и ее горе.

– Слушай, мы вполне счастливы. Говори, что ты хотела, или я пойду, – внезапно он потерял интерес к происходящему. – Что ты там такое разглядела у нее на руке? Может, мою тоже посмотришь?

– Мне не нужна твоя рука, парень, – гадалка покачала головой. – Все уже предрешено, все так и будет: никто не может обмануть свою судьбу. И ты не сможешь. Скажи своей кузине, пусть уезжает домой, пока это лето не кончилось.

– Хватит загадок! – он встал со стула. – Я пошел. Не верю ни единому твоему слову.

– Мне жаль тебя, парень, – цыганка покачала головой. – Ох, страдаешься ты еще, ох, намучаешься. Пока еще не поздно, оставь ее.

– Да почему? – не выдержал он. – Можешь толком сказать?

– Ты не любишь ее, твое сердце закрыто, ты должен прекратить все, что между вами есть. Я вижу ясно: на тебе ее судьба и сломается, уже сломалась. Пока не кончилось лето, пусть она уезжает домой.

– Да ну тебя! – в сердцах сказал он и пошел к выходу.

– Пока не кончилось это лето! – донесся ему вслед голос цыганки.

Кузина ждала его у шатра:

– Ну, что она сказала? – бросилась она к нему. Он обнял ее за плечи:

– Успокойся, она обычная шарлатанка, просто хотела выманить у меня денег.

– Но она сказала, что я твоя сестра, я слышала! Откуда она знает?

– Пальцем в небо, – уверенно ответил он. – Когда ты вышла, я сказал ей, что мы с тобой вообще-то женаты, придумал, что познакомились всего год назад, и она тут же призналась, что ошиблась, и стала расписывать нашу семейную жизнь во всех красках. Мошенница!

– А почему она не захотела говорить со мной?

– Сказала, что ты еще слишком молода, и вообще она якобы больше любит гадать мужчинам. Да какая разница! Все это чушь собачья!

– А ты правда сказал ей, что мы женаты? – ее глаза сверкнули каким-то необычным огнем.

– Ну да, просто пошутил, а она клюнула. Говорю же: мошенница! Выкинь из головы эту шарлатанку и пойдем поищем отца.

Глава десятая

Он сам не знал, зачем соврал ей тогда. Ну не мог же он, в самом деле, передать кухне то, что наговорила ему сумасшедшая цыганка? Он и сам не придавал особого значения ее словам, хотя неприятный осадок остался. Совсем небольшой.

Но он почти улетучился, когда они подошли к столику, за которым их ждали отец и Бланш, оба веселые, раздумяившиеся то ли от выпитого вина, то ли от атмосферы всеобщего праздника, царившей вокруг.

– Хорошо провели время? – спросила Бланш.

– Садитесь скорее, дорогие мои! – громким голосом сказал отец. – Выпьем немного вина, скоро будут танцы! Приказываю всем: танцевать всю ночь, до утра!

Они присели за столик. Вечер был свеж, вино приятно охлаждало, все было абсолютно безмятежно, ее глаза светились таким счастьем! Он потихоньку гладил ее пальцы, взяв за руку под столом. Ах, эта цыганка! Ну истинная ведьма! Разве может он оставить ее сейчас? И почему он должен это делать? Им так хорошо вместе... А что будет дальше – никому неизвестно. Хватит об этом думать! Как же она смотрит на него... Как ему хочется ее поцеловать!..

– Родольфо! Ты ли это? – вдруг раздался веселый женский голос. К их столику подошла пожилая синьора в длинном черном платье с кружевным зонтиком в руке. – Глазам не верю!

– Боже мой, Моник! – ахнул отец и вскочил со стула. – Как ты здесь? Сколько лет мы не виделись?

– Ну, дорогой, ты бестактен, – смеясь, ответила синьора. – Не стоит напоминать женщине о ее возрасте!

– Да присаживайся уже к нам скорее! – отец пододвинул ей стул, и дама с достоинством присела рядом с кухней. – Познакомьтесь, родные мои, это – синьора Моник, вернее, мадам Моник, она живет в Париже. Сын, она училась вместе с твоей матерью. Как же я рад тебя видеть!

– Ты неисправим! – воскликнула Бланш. – Дважды напомнить женщине о возрасте... Хотя вы, мадам, прекрасно выглядите. Меня зовут Бланш, и я тоже жила в Париже, ну, еще до замужества.

– Мне очень приятно с вами познакомиться, милая, я рада, что Родольфо встретил достойную женщину. А это кто? Родольфо, неужели это твой сын? – воскликнула она. – Боже мой! Я помню его вот таким крошкой! Какой взрослый! Уже совсем мужчина... А это его очаровательная супруга? Познакомьте же нас!

Кухина опрокинула бокал. За столом повисла неловкая пауза. Ее нарушил отец:

– Что ты, Моник! Это его двоюродная сестренка, мы все вместе отдыхаем здесь в коттедже. Кстати, ты обязательно должна нас навестить!

– Простите, милые, – обратилась к ним обоим Моник, – но вы так замечательно смотрите вместе, правда! Такая красивая пара.

– Моник, перестань! – со смехом сказал отец. – Кровосмешение опасно для рода, и мой сын, как врач, знает это лучше нас с вами. Правда, сынок?

– Конечно, – с трудом произнес он, почему-то избегая взгляда кухни. А она смотрела, ох, как смотрела на него, и он чувствовал это.

– Ерунда, Родольфо, – возразила отцу Моник. – Я знаю только, что сейчас это уже немодно, но у нас, во Франции, многие до сих пор женятся на кухнях и ничего, живут себе, рожают чудесных деток!.. Надеюсь, я вас не очень смутила?

– Ничего страшного, – он выдал из себя вежливую улыбку.

– Извините меня, – кухня резко встала из-за стола. – Я сейчас вернусь.

– Моник, где твой бокал? – отец налил всем вина. – Предлагаю выпить за встречу!

А он вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд Бланш. Она смотрела в упор, и ему совсем не понравилось то, что он увидел в ее глазах.

– Я сейчас, – он вышел из-за стола и пошел искать кухню. Уже почти стемнело: на площади зажглись фонари и разноцветные гирлянды, украшавшие деревья. Заиграл духовой оркестр, начались танцы. Он нашел ее у палатки со сладостями, на другом конце площади. Она неподвижно сидела на скамейке, невидящим взором глядя на танцующих.

– Что с тобой? – мягко спросил он и присел рядом. – Ты чем-то огорчена?

Она повернула голову:

– Не особенно. Устала просто.

С удивлением он заметил, что она еле сдерживает слезы.

– Эй, ты чего? – он обнял ее за плечи. – Кто тебя обидел? Скажи мне, и он умрет самой страшной смертью!

– Зачем она так сказала! – воскликнула кухня, сжав кулаки. – Ну зачем? А еще ты...

– Господи, да что такого она сказала? И что я-то натворил? Не понимаю!

– И не понимай, – внезапно успокоившись, она встала со скамейки, – так гораздо проще. Пойдем, а то неудобно как-то.

Когда они вернулись, отец рассказывал что-то забавное, и обе дамы за столом смеялись в голос. Кухня села на свое место, и он с облегчением заметил, что она сразу включилась в разговор, как ему показалось, довольно весело и легко. Оркестр заиграл танго, и отец вскочил со стула:

– А ну, племянница, вставай! Пойдем потанцуем со старым дядюшкой.

– Никакой ты не старый, – улыбнулась кухня, – и я с удовольствием потанцую с тобой!

Они смешались с другими парами.

– Какая красивая девочка, – заметила Моник.

– Очень славная, – поддержала ее Бланш. – Мне она сразу понравилась... Извините, я сейчас подойду, – и встала из-за стола.

Почему-то он почувствовал себя неловко, оставшись наедине с пожилой дамой.

– Как там Париж? – непринужденно спросил он.

– Париж, как всегда, полон очарования, – ответила Моник, пристально изучая его лицо. – Послушай, – она обратилась к нему по имени, – я ведь знала тебя еще ребенком, поэтому имею право сказать кое-что. Сдается мне, эта девочка, твоя кухня, очень любит тебя. И мне кажется, что тебе об этом известно.

– Что вы такое говорите! – произнес он чуть изменившимся голосом. – Мы с ней просто дружим, как брат и сестра, вместе проводим это лето.

– Да? – она вопросительно посмотрела на него и, не дождав ответа, мягко сказала: – Не обижайся на старую женщину, сынок, но такие вещи я сразу подмечаю. Ах, молодость, молодость! Удивительно, как только твой отец и его милая жена ничего не видят?

– А что они не видят? – его ладони вдруг стали влажными.

Моник тихонько рассмеялась:

– Да она ведь глаз с тебя не сводит, любому ясно: девочка влюблена. А вот ты...

Внезапно она замолчала: к столику вернулась Бланш, а вслед за ней – отец с кухней.

– Дядя был великолепен! Сногшибателен! – кухня не скрывала восторга. – Как он танцует!

– Да, сын, мы поразили всех! – гордо сказал отец.

– Это мы еще посмотрим, – сказал он, вставая из-за стола. – Потанцуем?

Взял кухню за руку, и они пошли на площадку, где как раз играла медленная музыка.

– Все хорошо? – он заглянул в ее глаза, крепко прижимая к себе. Взгляд ее был грустен. Совсем чуть-чуть.

– Замечательно! – она погладила его по спине. – Ты же рядом.

Он облегченно рассмеялся и закружил ее в танце.

Но что-то неуловимое уже витало в воздухе, какое-то необъяснимое для него напряжение; то гадалка, то старая синьора: поразительно, что обе эти женщины, не сговариваясь, сказали ему одно и то же. И почему он испугался? В принципе, ничего не произошло: одна – просто сумасшедшая, вторая лишь высказала свои предположения, якобы она все подмечает! Подумаешь! Он ведь ничего ей не ответил? Не подтвердил, напротив, все отрицал. Так что все в порядке: никто ничего не узнал, да и не узнает о них...

Сейчас, спустя долгое время, он прекрасно понимает, что в тот вечер он должен был и мог поступить иначе, тем более что выпала прекрасная возможность рассказать все отцу. Стоило только по-другому ответить тогда, возразить, что в союзе кузенов нет, в общем-то, ничего страшного, да еще и привести парочку убедительных примеров из медицинской практики, а потом объявить прямо за столом о том, что они любят друг друга, что уже три недели дружат совсем не как брат и сестра, – и всё! Всё! Тогда уж точно не произошло бы то, что так неумолимо и безжалостно приближалось к ним, пока они танцевали на праздничной площади...

Музыка стихла, они вернулись к столу. Тут же оркестр заиграл тарантеллу.

– Танцуем! – отец сорвался со стула, увлекая за собой Бланш, кузину и сопротивлявшуюся («Что ты, Родольфо, в моем-то возрасте!») Моник. Он остался за столиком, с улыбкой наблюдая за ними. Вдруг он заметил среди танцующих Тони Марино. Нахмурившись, увидел, как тот подошел к отцу, что-то сказал ему, отец закивал головой, после чего они стали танцевать уже все вместе, причем Марино весь танец старался держаться рядом с кузиной, беспрестанно хохоча и издавая веселые возгласы.

Когда танец, наконец, закончился, с ужасом увидел он, как Тони вместе со всеми идет к их столику.

– Смотри, сын, кого мы встретили! – радостно прокричал отец. – Присаживайся, Антонио! Ничего, что я так обращаюсь, по-свойски?

– Конечно, синьор, – сверкнул зубами Марино. – Добрый вечер!

Официант принес еще один стул, и Тони уселся рядом с кузиной, элегантно потеснив Моник:

– Вы не возражаете, синьора? Так мне будет удобнее ухаживать за обеими прекрасными дамами!

– Предлагаю выпить за наш «Сюрприз» и Тони, благодаря которому мы все стали настоящими морскими волками! – поднял бокал отец.

– Благодарю, синьор, – ответил Марино, поглядывая на кузину. – Жаль только, что не все!

– Простите, синьор Марино, но я поняла, что водить катер – это не совсем моя стихия, – с очаровательной улыбкой сказала ему кузина.

– Что вы, синьорина! Как я могу сердиться, когда вы столь прекрасны сегодня. И вообще, я могу открыто заявить, что синьорина – самая красивая девушка на свете!

– О, это достаточно смелое заявление, – сказала Бланш, – надеюсь, у вас серьезные намерения?

– Да, Тони, имей в виду: ее отца здесь нет, поэтому я и мой сын несем полную ответственность за это прекрасное создание – как ее дядя и старший брат! – весело сказал отец.

– Дядя, синьор Марино шутит! – смущенно сказала кузина.

– Мне кажется, ее брату это не очень нравится, – заметила Моник и внимательно посмотрела на него.

– Кому понравятся такие плоские шутки? – раздраженно выпалил он, с вызовом взглянув на ненавистного Марино.

– А если я не шучу? – Тони ответил тем же тоном, принимая вызов. Он сжал под столом кулаки.

– Перестаньте, – вмешалась кузина. – Давайте лучше поднимем бокалы за это чудесное лето! Жаль, что скоро оно закончится.

– Поддерживаю! – Тони вскочил с места. – За чудесное лето: оно подарило мне встречу с чудесной девушкой!

Снова заиграла музыка.

– Синьорина, окажите мне честь, прошу вас! – Марино подошел к кузине. – Один танец...

Он не верил своим ушам: да как это возможно?! Сейчас Марино возьмет ее за руку, уведет подальше от их столика (причем нарочно подальше!), будет обнимать ту, которая ему не принадлежит, касаться ее своими ручищами, прижимать к себе...

– Нет! – он крикнул так громко, что на них обернулись люди с соседних столов.

Отец изумленно посмотрел на него:

– Что с тобой? Ты сошел с ума?

– Просто... – он не знал, что ответить. Все смотрели на него выжидающе, но по-разному: отец – действительно не понимая, Бланш как-то странно (и ему опять это не понравилось), синьора Моник едва заметно качая головой, Марино с ухмылкой, а она... Сколько боли было в ее взгляде! Сколько надежды!.. Никогда еще он не видел таких зовущих, молящих глаз! Одна лишь фраза, одно простое предложение из его уст... Ее глаза просто кричали: «Скажи им! Скажи, кто я для тебя!»

– Просто... – он не мог выдать из себя ни слова. Не мог. И все молчали.

– Может быть, ваш брат имеет на вас какие-то особые права, синьорина? – раздался вкрадчивый голос Марино. – Иначе почему он запрещает вам танцевать со мной?

Глава одиннадцатая

Отец расхохотался, сняв всеобщее напряжение:

– Ну и шутник же ты, Тони!

– А может, ты все-таки объяснишь, в чем дело? – настойчиво спросила Бланш. Кузина по-прежнему молча не сводила с него глаз.

– Просто... – начал он в третий раз, проклиная себя за несдержанность, – я сам... хотел потанцевать... мне так нравится эта музыка...

– Чушь! – махнул рукой отец, чуть не сбив со стола бутылку. – Пригласи Бланш или синьору Моник и танцуй себе на здоровье. И не мешай кухне строить личную жизнь!

Бланш толкнула его в бок.

– А что? – отец не понял ее намека. – Тони мне нравится, серьезный парень.

– Так что, синьор? – Марино обратился именно к нему. – Могу я потанцевать с вашей сестренкой?

Презируя себя, он кивнул. Кузина побледнела и так стремительно вскочила из-за стола, что опрокинула свой стул:

– Идите же скорее, Тони! Я с удовольствием с вами потанцую, а может, и построю личную жизнь! – она схватила Марино за руку и увлекла за собой.

– Славный малый! – отец проводил их взглядом и повернулся к Бланш. – А чего ты толкаешься?

– Да так, милый, ты все равно не поймешь.

– Почему это? – удивился отец.

– Просто потому что ты – мужчина.

– Да, я мужчина! – согласился отец. – И мой сын – мужчина! Мы всегда поступаем по-мужски, то есть честно и по совести. Я горжусь нами и рад, что мы – мужчины!

– Так выпьем за настоящих мужчин! – Моник подняла бокал.

У него горело лицо, противно вспотели ладони. Отставив бокал, он встал:

– Я иду домой.

– Вот тебе и раз! – воскликнул отец. – Почему?

– Уже поздно. Завтра опять просплю до обеда, а мне надо заниматься. А вы оставайтесь, приятного вечера! До свидания, синьора Моник, надеюсь, мы еще увидимся.

– Молодец, сын! Хвалю за сознательность, – отец похлопал его по плечу. – Иди, конечно, ложись спать. Нас не жди: будем поздно... или рано? – и сам же посмеялся над собственной шуткой.

Он кивнул Бланш, опасаясь ее взгляда, и быстрым шагом пошел прочь. Этот уход был похож на бегство. От чего он бежал? От себя. От того испуга, который овладел им, когда все взгляды за столом были прикованы только к нему, от ее глаз, так моливших его сказать правду, показать, как она важна. И от ощущения своей полной беспомощности, потому что он не смог сказать всем.

Все кипело в нем, когда он чуть ли не вбежал в их темный коттедж. Вихрем ворвался к себе в мансарду и, не включая свет, рухнул прямо в одежде на постель. Кем он ощущал себя? Трусом, предателем с мокрыми от страха ладонями, прилипшим к небу языком и дрожащими коленями. Это было первое, что он почувствовал, и, видимо, самое верное, потому что, немного успокоившись, он сел на кровати и задумался уже о другом: а в чем, собственно говоря, дело? Неужели было бы лучше, если бы он открыл сегодня всем правду об их отношениях? Нет! Финал был бы непредсказуем! На миг он представил лица сидящих за столом людей в момент, когда он сказал бы, что они любят друг друга и почти месяц спят вместе. И, как наяву, услышал голос отца, кричащего: «Ты с ума сошел?! На свете что, мало девушек?!»

Да ты вообще соображаешь, что натворил?! А что скажут или сказали бы...» и тут пошло бы перечисление всех их совместных родственников, как живых, так и покойных... Он так живо представил себе это, что даже вздрогнул.

Нет, все правильно! Он вовсе не трус, он спас их отношения, пусть она ожидала от него иного. Потом сама же скажет спасибо за то, что он не выдал их тайну! Вот так! Практически полностью оправдав себя, он с недовольством подумал о том, что она вообще-то могла и отказать этому Тони в танце! Но нет, она пошла с ним, пошла специально, назло! Решила наказать его за «трусость»? Вызвать ревность? Так кто кого тогда предал? Он, значит, наступив на свою честь и совесть, спас их отношения от огласки, а она, вместо того чтобы понять и быть благодарной за это, уходит танцевать с этим противным инструктором! И еще этот ее взгляд... Ну и взгляд у нее был!

Он вскочил с кровати, походил по комнате, снова сел. Итак, он поступил правильно, а она нет. Зачем она пошла танцевать с Тони? Зачем? Ведь знает, что ему это не нравится, что он ревнует! Ревнует? Да, черт возьми! Ревнует! Как только представит, как этот мерзавец касается ее своими лапами... Он сжал кулаки. Где же они? Почему не возвращаются?

О том, чтобы уснуть, не могло быть и речи. Он спустился вниз, взял из бара бутылку виски и поднялся наверх. Налил стакан, опрокинул в себя. Виски обожгло горло. Бросил взгляд на часы: десять вечера.

Что ж, подождем. Налил еще, выпил. Еще раз прокрутил в памяти сегодняшний вечер, еще раз убедил себя в том, что поступил абсолютно верно. И почему он вообще психанул и ушел с праздника? Дурак! Надо было по-мужски разобраться с этим Тони и веселиться дальше вместе с ней...

Стоп. Если бы он так поступил, все снова стали бы задавать ему массу ненужных вопросов: с чего бы это брату драться с ухажером сестры? А что, смотреть, как этот красавчик вьется вокруг нее, и улыбаться? В душу опять вкрались сомнения: а правильно ли он поступил? Он налил еще виски. Стрелки часов передвинулись к одиннадцати. Где она?

И в тот момент, когда он под действием алкоголя уже был полон решимости вернуться на площадь, врезать этому Марино и увести ее домой, послышался шум подъезжающей к коттеджу машины. Они? Отец вызвал такси? Или их кто-то подвез? Неужели Марино? Если так, то на ловца и зверь бежит! В темноте он ничего не смог разглядеть из окна мансарды. Первой мыслью было сбежать вниз и посмотреть, кто приехал. Он уже взялся за ручку своей двери, но резко остановился: если это они вернулись, то как объяснить им, почему он не спит до сих пор? Почему в одиночестве пьет виски? Опять слишком много вопросов! Чувствуя себя полным идиотом, стоял он в темноте, все еще держась за дверную ручку и не решаясь спуститься вниз. Потом услышал, как уехала машина, открылась входная дверь, чьи-то шаги внизу. Но голосов отца и Бланш слышно не было: кто-то тихо поднялся по лестнице на второй этаж, хлопнула дверь, и все окончательно смолкло. Только тогда он понял, что это вернулась кухня, причем одна, и сразу прошла в свою комнату. Но почему она не поднялась к нему?! Не думает ли она, что он на самом деле пошел домой спать?!

Он сбежал вниз, на второй этаж. Чтобы окончательно убедиться в том, что она вернулась одна, открыл спальню отца, заглянул: никого. Дернул за ручку двери ее комнаты: заперто! Она закрылась на ключ! Он постучал. Тихо. Постучал сильнее:

– Это я! Открой дверь.

– Уходи, – послышался из-за двери ее голос.

Он оторопел: как это – уходи? Он так ждал ее, так соскучился, так переживал, места себе не находил и вот награда за все: «уходи»?!

– Открой сейчас же! – крикнул он. – А не то я вынесу эту чертову дверь!

– Я прошу тебя по-человечески: уходи! – он услышал, что она плачет. – Убирайся!

– Этот... что, обидел тебя? – он пришел в ярость. – Что он сделал, говори немедленно! Приставал?!

– Это ты обидел меня! – закричала она. – Уходи! Уходи! Уходи!

Он ударил по двери ногой, потом навалился плечом:

– Я весь дом разнесу, если не откроешь! Мне уже все равно!

Ключ провернулся в замке, он рывком распахнул дверь и ворвался в комнату.

Она стояла у окна, утопая в кружевах длинного серебристого пеньюара, скрестив руки на груди. В приглушенном свете ночной лампы увидел он ее прекрасные волосы, ниспадающие на вздымающуюся грудь, и глаза, полные слез и гнева. Ах, как она была хороша! Позабыв обо всем, он шагнул вперед:

– Ты восхитительна! Иди сюда!

– Стой на месте! – вскричала кузина. – Совсем спятил? После того, как ты себя повел сегодня?!

– Ну перестань, я тебе сейчас все объясню, ты мне еще спасибо скажешь.

– Уходи отсюда! Дядя и Бланш вернутся с минуты на минуту.

– А мне все равно...

– Правда? – язвительно сказала она. – Пару часов назад тебе было ой как не все равно! Испугался, братец? Коленки сильно дрожали?

– Не говори так! Я спас наши отношения!

– А-а, так ты теперь герой? Здорово! Спасибо, любимый, как же я сразу не поняла, что ты нас спасаешь! А мне-то, дура, показалось, что ты перепугался до смерти. Только вот интересно, чего? Неужели ты настолько меня стыдишься?! Я что, урод?

– Вот глупая, – пробормотал он и шагнул к ней ближе. – Какой же ты урод, если я с ума по тебе схожу.

Он попытался обнять ее, но она ловко увернулась и отбежала к кровати:

– Ты что, пьян?

– Ага, пьян, от тебя... – он подошел вплотную, она снова вырвалась.

– Уйди, пожалуйста!

– Слушай, ну прости меня, пусть будет по-твоему: я урод, я предатель, трус и вообще скотина. Иди сюда!

Она была уже у двери. Он схватил ее за рукав пеньюара, ткань затрещала. Она рванулась сильнее, пеньюар соскользнул с ее плеча. Запутавшись, она не удержалась на ногах и упала на пол; войдя в охотничий азарт, он набросился на нее, подмял под себя. Кузина отчаянно сопротивлялась. Одним рывком разорвал он пеньюар на две половинки, грубо сорвал бретельки атласной ночной рубашки, обнажив ей грудь.

– Господи... – хрипло сказал он, сбрасывая с себя рубашку, – Господи...

– Отпусти... – все слабее сопротивлялась она. Но он уже нашел ее губы, освободился от оставшейся одежды... и ее руки мягко обняли его спину – сначала нежно поглаживая кончиками пальцев, потом яростно впиваясь ногтями, все сильнее прижимая его к себе... комната закружилась и исчезла.

Он не помнил, сколько времени они, тяжело дыша, лежали у дверей на полу. В реальность вернул его донесшийся снизу громкий голос отца, распевавшего что-то по-французски.

– Черт, черт! – прошептал он, подбирая с пола свою одежду. – Прости, что ухожу так, но...

– Да иди уже! – воскликнула она, сидя на полу и прикрываясь разорванным пеньюаром. Он бросил на нее отчаянный взгляд, она отвернулась. Он одним махом взлетел по лестнице на третий этаж. Запер дверь, упал на кровать и замер.

– Хватит, милый, – услышал он голос Бланш. – Все спят! Не шуми.

Щелкнула закрывающаяся дверь отцовской спальни, и через время все в доме стихло. Еще долго лежал он в кромешной темноте, слушая удары собственного сердца и укоряя себя за то, что вынужден был оставить ее вот так, некрасиво, не по-мужски, но что было делать?! Утешившись мыслью о том, что завтра они пойдут на пляж, или возьмут катер, или сходят в рощу – в общем, где-нибудь обязательно поговорят спокойно – он, наконец, уснул.

Глава двенадцатая

Такова была их первая ссора, но можно ли назвать произошедшее между ними ссорой? Скорее, это была ее первая попытка заставить его взглянуть серьезно на их непростые отношения, задуматься о том, а что будет с ними, когда кончится лето?

Сознательно или нет, он гнал прочь мысли об этом: не привык он иметь такие длительные отношения, никогда еще ранее его подружки не задерживались рядом дольше, чем на одну неделю, и уж конечно никогда не испытывал он ни к одной из них такой дикой, пугающей страсти, как к ней. Однако он не был готов к столь бурным проявлениям эмоций, выяснениям отношений: его романы всегда начинались и заканчивались легко и непринужденно, не принося обеим сторонам ни малейших страданий, – без разборок, взаимных обвинений и каких-либо требований со стороны девушек. Да и сколько лет-то ему было! Откуда мог взяться бесценный жизненный опыт, умение обращаться с женщиной и контролировать ситуацию, способность отдавать отчет своим действиям с перспективой на будущее, способность нести ответственность не только за свои, но и за ее поступки – все то, что делает мужчину истинным мужчиной и чему пытался учить его отец, еще в подростковом возрасте как бы в шутку заключив с ним тот самый Договор Мужской Чести и Честности, требуя, чтобы во всем и всегда поступал он по-мужски.

Не знал он, что делать дальше: оставить все как есть, как будто ничего не случилось? Вроде бы, они помирились... Так стоит ли опять возвращаться ко вчерашнему? Ведь не думает же она в самом деле, что он готов рассказать отцу и Бланш о том, что происходит между ними? Нет, он не готов! Более того, он совершенно не хочет этого! По крайней мере, сейчас. Да, лето заканчивается, но в запасе есть еще дни, так пусть же все идет своим чередом, а там видно будет. Говорят, время само расставляет все по своим местам. А пока что, скажите на милость, мешает им продолжать наслаждаться друг другом? Ничего!

...Вспоминая свои рассуждения, теперь он ужасается тому, каким беспечным был, каким легкомысленным. Как все-таки жестока наша юность: живя сегодняшним днем, мы никогда не задумываемся о завтрашнем, ведь кажется, что все еще впереди, все успеется, все непременно получится. И как удобно так рассуждать. Но все это он осознает позже, много позже. К сожалению, не в те безумные летние дни и ночи, проводимые с нею...

Рано утром пошел дождь, еще один предвестник приближающейся осени. Он спустился вниз, в столовую, где за столом сидели Бланш и отец. Место кузины пустовало.

– Привет! – поздоровался он и сел на свой стул. – Как погуляли вчера?

– Прекрасно, сын мой! – ответил отец. – Давненько я так не веселился!

– Да уж, – сказала Бланш, – вечер удался! Твой отец в конце даже спел соло с оркестром.

– И ты бы слышал, как я пел! Мне все аплодировали! Вся площадь!

Он чуть было не проговорился, что немного слышал вчера ночью отцовские песнопения, но вовремя спохватился.

– А где?.. – он показал глазами на пустое место за столом.

– Знаешь, она выпила кофе и ушла к себе, – озабоченно сказал отец, – говорит, устала вчера. Может, приболела?

– Я поднимусь к ней, – предложил он, но Бланш неожиданно остановила его.

– Я сама, завтракай спокойно, – и пошла наверх. Он вдруг вспомнил, как Бланш вчера смотрела на него за столом, и подумал, что с этим тоже могут возникнуть проблемы. Бланш достаточно проницательна, что и говорить...

– Как твои занятия, студент? – прервал отец его мысли.

– Все в порядке, – соврал он, – не волнуйся.

– А я особо и не волнуюсь, – сказал отец и подмигнул ему. – Слушай, а этот инструктор-то, Тони, по всей видимости, голову потерял от моей племянницы. Он так огорчился, когда она уехала, ты бы видел его лицо!

– Она одна уехала? – небрежно спросил он.

– Ну да, посидела с нами еще немного, потом взяла такси, там же, рядом, за площадью, и умчалась, запретив бедняге Тони даже проводить себя.

Вернулась Бланш.

– Не переживайте, с ней все в порядке, легкое недомогание, пройдет.

– Она заболела? – испугался он.

– Нет, просто голова болит. Вы ее не тревожьте, я дала ей аспирин, пусть девочка поспит.

Весь день чувствовал он себя одиноким. Правда, несмотря на запрет, попытался тихонько подняться к ее двери, но та была заперта, а поднимать шум он не рискнул.

О купании не могло быть и речи: дождь лил как из ведра. От нечего делать он даже полистал учебники, потом спустился вниз, где отец и Бланш играли в брисколу, присоединился к ним, думая о том, чтобы поскорее наступил вечер.

К ужину кухня спустилась вниз.

– Ну как ты, дорогая? – ласково спросила ее Бланш.

– Спасибо, уже лучше, – не глядя на него, она села за стол. – Можно мне чаю?

– Конечно, сейчас налью.

– Ты весь день просидела в комнате? – задал он ей вопрос.

– Я поспала, немного почитала: скучно мне не было, – ответила она, по-прежнему избегая его взгляда.

– А я выиграл у них в брисколу! – гордо сообщил отец.

– Я в тебе нисколько не сомневалась, дядя, ты, как всегда, на высоте! – улыбнулась она одними губами.

Исподтишка он продолжал наблюдать за ней. Что-то явно было не так! Почему она боится даже посмотреть в его сторону? Может, вчера он был излишне груб с ней? Или обиделась, что он так постыдно сбежал? Ну а что ему оставалось? Их ведь чуть не застали!.. Проклятый дождь! Из дома не выйти, как же ему с ней поговорить наедине?

В этот момент сквозь шум падающей с неба воды они услышали звуки подъехавшей к их коттеджу машины.

– Кто это может быть в такую погоду? – удивился отец, выглядывая в окно, и тут же улыбнулся. – Да это же Тони! Племянница, что-то мне подсказывает, этот синьор приехал к тебе...

– Почему именно ко мне? – возразила кухня. – Он со всеми нами знаком!

– Ну, может быть, я так решил из-за шикарного букета у него в руках, – отец подмигнул кухне. – Спорим, это не мне и не сыну!

– А может, это мне! – поддразнила отца Бланш, обнимая его за плечи.

Отец сурово погрозил ей кулаком:

– Не буди во мне зверя, женщина!

И в этот момент в столовой возник Тони, весь промокший, но очень возбужденный. В руках у него действительно был огромный букет ярко-красных роз.

– Прошу прощения за вторжение, синьоры, синьора, синьорина...

– Привет, Тони! – отец провел его к столу. – Заходи, присаживайся.

– Благодарю вас, синьор Родольфо, но я не займу много времени, – он повернулся к кухне, по-прежнему сидевшей на своем стуле. – Синьорина, вы вчера так стремительно убежали с праздника... Я не успел сказать вам нечто очень-очень важное. Вот, возьмите!

Марино протянул ей свой букет. Даже не взглянув на кузена, напряженно застывшего на своем месте, она, поблагодарив Тони, приняла цветы.

– Слушай, Тони, может, мы оставим вас вдвоем? – предложил отец. – Я вижу, дело-то деликатное, личное!

– Отец, я и с места не сдвинусь, – заявил он, скрестив руки на груди. – По-моему, это не совсем прилично: оставить их наедине. Не находишь?

– Кто бы сомневался, – усмехнулся Марино. – Нет, синьор, спасибо, но мне нечего от вас всех скрывать или чего-либо стыдиться, в отличие от некоторых молодых людей...

Он весь сжался внутри, стараясь не показывать этого внешне. Что еще задумал этот проклятый Марино? Бросил взгляд на кухню, но она, однако, совсем не смотрела на него: зарылась лицом в букет и вдыхала аромат бутонов.

– Синьорина, – тут Тони опустился на одно колено. Бланш ахнула. – Я люблю вас. Поверьте, люблю всем сердцем, это любовь с первого взгляда. И я рад, что признаюсь вам в своих чувствах в присутствии ваших родных. Надеюсь, это еще больше укрепит их веру в то, что намерения мои серьезны. Я люблю вас и мечтаю видеть вас своей женой.

В комнате повисла пауза. На лице Бланш застыло удивление, отец в восхищении смотрел на коленопреклоненного Марино, а кухня... На миг она взглянула на него из-за своего букета. Просто взглянула и отвела глаза. Как будто знала, что он снова струсит, и не желала видеть это в его взгляде. У него внутри все похолодело. Опять! Опять этот Марино, опять провокация с его стороны... Если вчера на празднике он выкрутился, то что ему делать сейчас?!

– Я благодарна вам за признание, Тони, – нарушила тишину кухня. – Вы достойный молодой человек, и любая девушка была бы счастлива... Но поймите меня, пожалуйста. Я не могу ответить на ваши чувства и никак не могу стать вашей женой. Простите меня.

– Милая, не торопись с выводами, – вмешался отец, и он ушам своим не поверил: отец же явно был доволен тем, с каким достоинством она отказала Марино, так что он делает?! А отец продолжил:

– Я имею в виду лишь то, что Тони мне очень нравится, он действительно серьезный парень. Разумеется, ни о каком браке сейчас не может быть и речи, ты еще слишком молода, но в будущем...

– Дядя, я не могу...

– Не перебивай меня, дорогая. Я просто советую вам обоим попробовать построить отношения. Как у вас, молодых, это теперь называется? Повстречаться, вот! Вдруг что-то и выйдет.

– Спасибо, синьор! – с жаром ответил Марино. – Позвольте пожать вашу руку!

– Да ладно тебе, – отец был польщен, – последнее слово все равно за моей племянницей. Я только высказал свое мнение.

– Это невозможно, – кухня покачала головой, – если я не полюбила сразу, то искусственно вызвать это чувство не получится.

– Согласна с тобой полностью, – вдруг произнесла молчавшая все это время Бланш, – это как искра: если не вспыхнет сразу, то потом уже точно ничего не возгорится. Не стоит и пытаться.

– О, женщины! – воскликнул отец. – Неужели не оставите парню ни малейшего шанса?

– Тони, я не хочу вас ни обманывать, ни мучить в дальнейшем, – мягко сказала кухня, – но я никогда не смогу полюбить вас.

– Я все понимаю, синьорина, я все понимаю, – Тони поднялся, наконец, с колен, – и все прекрасно вижу. Жаль только, что все вокруг остаются слепыми!

– Эй, парень, ты о чем? – удивленно спросил отец.

Кухня встала со стула:

– Тони, пожалуйста, не надо...

И тут терпение у него лопнуло.

– Синьор Марино, я прошу вас покинуть наш дом, – сказал он, поднимаясь, – по-моему, все уже сказано.

– Вы так думаете? – скривился Тони в усмешке. – Мне кажется, я должен кое-что рассказать этим милым людям, кое-что, о чем они и не догадываются. А я все сразу понял, синьор, и готов поспорить, стоит мне продолжить...

– Убирайся! – вскричал он. – Никому не интересны твои грязные домыслы!

– Да что происходит? – вмешался отец. – Объясните мне оба!

– Дядя, не стоит так нервничать, все в порядке, – кузина подошла ближе. – Тони уже уходит. Так ведь, Тони?

– Ваше слово – закон для меня, синьорина, – Марино отвесил ей поклон. – Но, поверьте, вы заслуживаете лучшего! И на месте этого... – он запнулся, – вы понимаете, о ком я говорю, я вел бы себя иначе. Я ухожу, но знайте, что всегда можете на меня рассчитывать. Я убью каждого, кто обидит вас! Прощайте.

Марино стремительно вышел из столовой. Кузина, закусив губу, смотрела только на него. Глаза ее были полны слез.

– Детка, да что с тобой? – с тревогой спросил отец. – Немедленно объясните мне, о чем толковал этот парень!

Он вновь почувствовал себя трусливым подонком, но не мог, просто не мог заставить себя открыть рот и выложить отцу и Бланш всю правду о них.

– Милая, не хочешь поговорить со мной? – негромко спросила у нее Бланш. Кузина покачала головой и села на свое место.

– Ничего не понимаю, – сердито пробурчал отец. – Но раз вы не хотите ничего мне рассказывать, то давайте пить чай!

– Выйду в сад, – вдруг сказала кузина, – глотну воздуха.

– Накинь что-нибудь, дождь еще капает, – сказала ей Бланш. Она кивнула и встала из-за стола.

– И я выйду, – заявил он и решительно последовал за нею.

Глава тринадцатая

Он нашел ее у клумбы с розами, за углом коттеджа.

– Как ты? – с деланно веселым видом спросил он. – Голова прошла?

Она вздрогнула и обернулась:

– Мне уже лучше, спасибо.

– Я насчет вчерашнего, – замялся он. – Как-то некрасиво вышло, прости, пожалуйста.

– Как тебе визит Тони? – она не обратила внимания на его извинения.

– Отвратительно. Еще раз увижу его рядом с тобой – убью! – он неуклюже попытался пошутить.

– Может, мне стоило принять его предложение? – как будто у себя самой спросила она, даже не глядя в его сторону.

Это разозлило его.

– Ты с ума сошла? Нарочно так говоришь, да? Хочешь, чтобы я ревновал? Да я и так ревную, черт возьми! А этот подлец чуть не раскрыл нашу тайну...

– Лето кончается, – казалось, она его не слышала, – уже прямо пахнет осенью, чувствуешь?

Он пожал плечами.

– Я сказала, что лето кончается. Неужели тебе нечего ответить? – дрогнувшим голосом спросила она, глядя на него в упор своими огромными глазами.

– Слушай, ну кончается, да и пусть себе кончается, – с беспокойством ответил он. – Что на тебя нашло? Ты здорова?

– Вполне! – крикнула она. – Здорова! Что тебе надо от меня?!

– Не кричи так, я вовсе не хотел тебя обидеть, – сказал он, озадаченный ее поведением, и протянул к ней руку. Она отскочила, словно ее ошпарили:

– Не трогай меня, пожалуйста! И вообще: оставь меня в покое и уходи в дом!

Он рассердился:

– Ты скажешь мне, в чем дело! – шагнул к ней и схватил ее за руки. Почувствовал, что ее бьет мелкая дрожь.

– Оставь меня, прошу... – прошептала она. Потрясенный, он отступил. Кузина закрыла лицо руками и неожиданно разрыдалась. Он стоял в полной растерянности, глядя на нее, не зная, что делать: с опаской и недоверием всегда относился он к женским слезам и до жути боялся их. Но тут плакала она... Волна нежности затопила его: он снова шагнул вперед и заключил ее в объятия:

– Ну что случилось? Скажи мне. Это все-таки из-за вчерашнего? Или из-за этого инструктора?

– Как же ты не понимаешь! – всхлипывала она, уткнувшись ему в грудь. – Как же мне объяснить тебе...

– Объяснить что? Просто скажи, я пойму!

Она подняла на него мокрое от дождя и слез лицо:

– Что будет с нами осенью? Долго ты еще намерен хранить нашу тайну? Ответь мне!

Он поежился, то ли от сырости, то ли от ее вопросов, но ничего не сказал.

– Молчишь? Я так и думала, – привычным жестом коснулась она его лица и быстрым шагом ушла в коттедж.

Он хотел было догнать ее, но остановил сам себя: а что он ей скажет? Она явно ждет от него четких ответов на свои вопросы.

Медленно прошелся он вдоль розовых кустов. Моросил дождь, бутоны грустно склонились под тяжестью воды, все вокруг стало каким-то серым, безликим. Да, лето кончалось:

скоро, совсем скоро они сдадут ключи от коттеджа и вернутся... куда? Он – в Рим, она – в Неаполь? Неужели вот так просто? Разъедутся по своим городам, вернутся к привычному кругу общения, учебе, друзьям и знакомым, как будто ничего между ними и не было этим летом? Да, именно в тот серый день впервые их отношения предстали перед ним в истинном свете: стоило скрыться солнцу с неба, как действительность обнажилась, явившись ему как на ладони. Что будет дальше? Она ждет от него какого-то решения, он ведь мужчина. И внутренний голос подсказывал ему, какого именно решения она хочет, на что конкретно она надеется. Вот только готов ли он к этому?..

Так и не найдя ответов ни на свои, ни на ее вопросы, вернулся он в дом. Еще с порога услышал веселый голос отца, говорившего по-французски в кухне с кем-то по телефону.

– Кто звонит? – спросил он Бланш.

– Кажется, Моник, – ответила она, – сейчас узнаем.

Отец вошел в столовую в приподнятом настроении:

– Звонила Моник! Пригласила провести у нее пару дней, как раз до нашего отъезда. Она снимает коттедж в соседнем поселке, я принял приглашение, так что с утра едем.

– О, дядя, пожалуй, я останусь, – сказала кузина.

– Но почему, дорогая? – расстроился отец. – Поедем! Обещаю, скучно не будет.

– Не обижайся, дядя, но я не очень люблю компании незнакомых людей, хотя эта синьора, безусловно, очень милая. Езжайте сами, а обо мне не беспокойтесь: вдруг завтра выглянет солнце, и я смогу еще позагорать.

– Я тоже остаюсь, – быстро сказал он, толком еще не придумав причину для этого.

– А я тебе и не предлагал ехать, – возмутился отец. – О тебе речь и не шла: последние дни ты просто обязан провести за учебой, а не развлекаться.

– Тем более, – обиделся он, – развлекайтесь сами, а я буду грызть гранит науки.

– А если завтра погода наладится, чтоб духу твоего не было на пляже! – отец показал ему кулак. – А ты, моя прелесть, проследи за этим! Как увидишь этого оболдуя, крадущегося с полотенцем к бухте, гони его в три шеи!

– Обещаю, – улыбнулась она.

– Может, все-таки поедешь с нами? – негромко спросила у нее Бланш.

– Нет, спасибо, – кузина обняла ее. – Не волнуйся, я прекрасно проведу время одна: поброжу по берегу, попрощаюсь с морем...

– Вместе попрощаемся, – к отцу снова вернулось хорошее настроение. – Вот вернемся и устроим прощальный ужин! Как тогда, на пляже, идет? Проводим, так сказать, это лето и поприветствуем осень!

– Решено! – согласилась она. – Так и сделаем.

После ужина отец попросил его съездить с ним вместе в поселок за продуктами и всем необходимым для отъезда, поэтому никакой возможности даже перекинуться с ней парой слов у него не было. А когда они вернулись в коттедж, он узнал от Бланш, что кузина уже поднялась к себе. Беспокоить ее он не решился, дабы (опять!) не вызвать ненужных подозрений. Пожелав им спокойной ночи и счастливого пути (они собрались ехать рано утром), он тоже поднялся наверх и лег на кровать в ожидании, когда они уснут. Он был уверен, что она тоже этого ждет, чтобы, как обычно, прийти к нему. Наконец, все звуки внизу смолкли, дом погрузился в ночную тишину. Он ждал долго, слушая доносившийся из окна шум моря, очень долго, пока сон не сморил его.

Это была первая ночь, когда она не пришла к нему.

Глава четырнадцатая

Отец и Бланш уехали на рассвете: сквозь сон он едва слышал их приглушенные голоса, звуки хлопающих дверей автомобиля, шуршание колес по гравию. А потом наступила тишина. Он снова уснул.

Когда проснулся, за окном ярко светило солнце. В радостном возбуждении вскочил он с кровати: неужели у них впереди два дня свободы? Весь коттедж, весь пляж в полном их распоряжении: можно не прятаться, не оборачиваться, не вздрагивать в страхе быть пойманными. Интересно только, почему она не пришла к нему ночью?

Он спустился вниз, обнаружил приготовленный завтрак, еще горячий кофе, но кухни в столовой не было. Наскоро позавтракав, он спустился в бухту и увидел ее, лежащую на полотне у самой кромки моря. Осторожно ступая по песку, незаметно подошел он поближе. Глаза у нее были закрыты, казалось, кузина спала. С минуту разглядывал он ее прекрасное лицо, загорелое тело в мокром купальнике (вероятно, она уже плавала в море), потом остановил взгляд на ее губах, влажных, чуть приоткрытых, манящих. «Веду себя как животное», – мелькнуло у него в голове, когда он прильнул к ее губам. Она отвечала на поцелуй с такой же страстью, пока его руки не скользнули под ее мокрый купальник.

– Прекрати, – вырвалась она из его объятий, – с ума сошел?

– Привет, красавица! – хрипло сказал он. – Я соскучился: давненько не виделась!

– Привет, – улыбнулась она, поправляя волосы, – хорошо спалось?

– Плохо, – серьезно ответил он, глядя ей в глаза, – я ждал тебя этой ночью. Ты не пришла. Могу я узнать, почему?

– Как быстро ты привык к этому, – нахмурилась она, – уж не знаю, радоваться мне или злиться?

– Конечно радоваться! – засмеялся он. – Посмотри вокруг: все как ты хотела. Лето вернулось, погода шикарная, мы вместе, причем одни на целых два дня! Что еще надо?

– Ты хочешь, чтобы я ответила тебе? Прямо здесь и сейчас?

– Прямо здесь и сейчас я хочу другого, – пробормотал он, целуя ее в шею, – и ты тоже.

– Подожди, прошу тебя! – она мягко отстранилась. – Давай поговорим серьезно, мне кажется, уже пришло время...

– Обязательно поговорим, – он рывком поднял ее на ноги, – но сначала поплаваем!

Смеясь, втащил он сопротивляющуюся кузину в море, схватил на руки, бросил в воду. Ну никак не был настроен он на серьезные разговоры о жизни, искренне не понимал, зачем они? Зачем тратить время попусту, когда все так прекрасно: теплое море, горячий песок, они вдвоем, тоже молоды и горячи, никого поблизости нет...

Он заставил ее забыть на время о разговорах: в воде они снова дурачились, смеялись, целовались. Ее глаза по-прежнему светились любовью, той самой любовью, от которой у него голова шла кругом, но в тот день опять увидел он в любящих глазах столько грусти, столько мольбы и надежды... Решив для себя, что обязательно поговорит с нею об их будущем, но не сейчас, – позже, позже! – на руках вынес он ее из моря и, прижимая к себе, стал подниматься со своей драгоценной мокрой ношей по лестнице.

– Отпусти меня, – говорила она, но продолжала обнимать его за шею. – Куда ты меня тащишь? Давай поговорим спокойно!

– Поговорим, даю слово, чуть позже, – он на миг опустил ее на ноги в столовой. – У нас мало времени!

И, снова подхватив ее на руки, внес в свою комнату. Они упали на постель, срывая с себя мокрые одежды.

– Ты не запер дверь... – попыталась встать она, но он закрыл ей рот поцелуем.

– Мы одни, глупенькая!..

Потом они, обессиленные, долго лежали вдвоем на смятых простынях.

– Я вижу, как тебе неприятен этот разговор, – робко сказала она, – но больше я так не могу.

Он перевернулся на живот и зарылся лицом в ее длинные волосы:

– Боже, как мне хорошо с тобой!

– Мне тоже очень хорошо с тобой, но что с нами будет дальше? Ты думал об этом?

– Должен признаться, не думал. А что, уже надо?

– Ты все шутишь, – укоризненно сказала она, – а для меня это серьезно. Скоро мы уедем, а дальше-то что? Просто поблагодарим друг друга за приятно проведенное время?

– А чего бы ты хотела? – он играл с ее локонами.

– Я? – она смутилась. – Ну ты же мужчина, должен все понимать...

Ах, как же не хотелось ему продолжать тот разговор, не готов он был принимать какие-либо серьезные решения, планировать их будущее. Что бы такое ответить ей? Чтобы и успокоить ее, и вместе с тем не давать бессмысленных надежд и невыполнимых обещаний?

Он полулежал на боку, опершись на локоть, свободной рукой лаская ее обнаженное тело. Ее дыхание участилось, руки потянулись к нему, и он прошептал:

– Потом договорим...

И мансарда вновь наполнилась звуками любви, среди которых... И как он только услышал, нет, скорее ощутил какое-то едва заметное движение со стороны открытой настежь двери его комнаты! Остановившись, поднял он голову: в дверях стояла Бланш. Они даже не заметили, как она вошла в дом, поднялась на третий этаж... Как долго она стоит тут, в дверях, не веря своим глазам?

– Черт! – одним движением накинул он на них простыню, укрыв кухню с головой, чувствуя, как сильно колотится ее сердце где-то в районе его груди.

– Я так и знала, – негромко и спокойно сказала Бланш, отворачиваясь. – Одевайтесь и спускайтесь вниз, немедленно!

Она прикрыла за собой дверь и вышла.

– Что теперь будет? – со страхом спросила она. – Боже мой, что же теперь будет?! Все должно было произойти не так, совсем не так!

– Одевайся, – сказал он, – я пойду первым.

Дрожащими руками он натянул брюки и спустился. Бланш сидела в кресле на террасе.

– У Родольфо спустило колесо, – сказала она, не глядя в его сторону. – Он остался на трассе, а мне пришлось вернуться на попутке: надо позвонить в сервис, вызвать кого-нибудь.

– А запаска? – брякнул он, пытаясь привести мысли в порядок.

– Не знаю, с ней тоже что-то не в порядке. Я сейчас позвоню, а ты присядь.

Она вышла к телефону. Он опустил в кресло, пытаясь унять дрожь в руках, отыскал стакан, щедро плеснул себе виски, выпил. Вошла бледная кузина.

– Почему она вернулась? Где дядя?

– У них сломалась машина, – негромко ответил он. – Бланш звонит в сервисную службу.

Вернулась Бланш.

– Ну, вроде все хорошо, сказали, что приедут. Милая, оставь нас наедине, пожалуйста.

Кузина бросила на него тревожный взгляд и вышла в сад.

– Виски? – усмехнулась Бланш. – Самое время. Налей-ка и мне!

Он налил. Бланш взяла стакан, повертела его в руках, но пить не стала, поставила на стол:

– Надеюсь, ты не станешь отрицать очевидное? Я видела достаточно и для меня все предельно ясно.

– Дай мне объяснить...

– Не перебивай меня! Я хочу знать только одно: отдаешь ли ты отчет тому, что сделал? Я догадывалась, что между вами что-то происходит, особенно после слов Тони, но это... Я надеялась, что так далеко не зайдет. Давно вы этим занимаетесь?

– Месяц, – ответил он, наблюдая за тем, как взлетели ее брови.

– Вот как! Что ж, значит, у вас все серьезно? – она испытующе смотрела на него. – Нам с твоим отцом ждать свадьбы? Может, уже и внуков?

Он вздрогнул. Бланш это заметила:

– Чего испугался? Ты собираешься делать ей предложение?

– Мы об этом не думали... – он опустил глаза.

– Ах, не думали! Ее я могу понять: какой с девочки спрос? Очевидно, что она влюблена в тебя, раз позволила... Меня больше интересуешь ты, ты – как личность, как мужчина, как мой пасынок, в конце концов. Я тоже несу ответственность и за тебя, и за нее, не говоря уже о твоём отце. Кстати, ты не забыл, что твоя кузина еще несовершеннолетняя?

– Я помню.

– Он помнит! – Бланш залпом выпила виски. – Хорошо. Ответь тогда, что дальше? Ты собираешься принять мужское решение? Взять на себя ответственность за случившееся?

– Ответственность! Ответственность! – неожиданно вспыхнул он. – Не стоит так все усложнять! Мы с ней как-нибудь сами разберемся.

Некоторое время Бланш пристально разглядывала его.

– Я искренне верю, что сын моего Родольфо не может быть мерзавцем. Помни только, что твоя кузина – это не просто очередная подружка, к которым ты привык дома. Это не девочка на лето: здесь замешана семья, а не только твоя похоть... Я все сказала, дело за тобой.

Она встала.

– Прошу тебя, – сказал он, – не говори пока ничего отцу! Я... я сам.

– Хорошо. Даю тебе время до прощального ужина: на нем ты все расскажешь. А теперь я позову твою кузину и попрошу ее собрать вещи: я увожу ее с собой, к Моник.

– Ну зачем? – он был раздосадован. – Оставь ее, нам же надо поговорить!

– Представляю ваши разговоры, – Бланш покачала головой. – Нет, после увиденного я не могу позволить ей остаться с тобой вдвоем. А у тебя как раз будет достаточно времени поразмыслить. Поговорите, когда мы вернемся.

Она вышла в сад. Он по-прежнему сидел на террасе. Через несколько минут появилась кузина:

– Я еду с Бланш, – тихо сказала она, глаза у нее были заплаканными. – Поедем на моей машине, вернемся послезавтра.

– Поцелуй меня! – он притянул ее за руки и усадил к себе на колени. – Прости, что так вышло.

– Ты ни в чем не виноват, – сказала она, целуя его в губы, – я так люблю тебя!

Встала с колен, направилась к выходу. В дверях обернулась:

– Хочу быть только с тобой... Всегда...

Он подбежал к ней, повинувшись внезапному порыву, прижал к себе. Она расцепила его руки, оттолкнула от себя и, не оборачиваясь, вышла. Вскоре он услышал, как взревел двигатель ее машины. Они уехали.

Глава пятнадцатая

Да, судьба в лице Бланш предоставила ему достаточно времени для раздумий. Это были тяжелые дни: он практически не спал, ел мало, много пил. С утра до поздней ночи бродил он по берегу моря, не расставаясь с бутылкой. Он думал о ней. О себе. О том, что теперь обратного пути нет, надо что-то решать, решать немедленно.

Он помнит, как сидел на песке, обхватив голову руками... Вернуться бы туда, в тот самый миг, когда он понял, что не может, не хочет больше обманывать ни ее, ни себя: да, с ней было хорошо, по-летнему просто, она дарила ему безумное наслаждение; она была неотъемлемой частью того, что окружало его тогда: частью лета, моря, солнца, потому он и брал ее так же естественно, не задумываясь ни о чем, как дышал этим воздухом или плавал в море. Но стоит ли продолжать это? Да и где? В Риме? Она переедет к ним? Или он бросит все и уедет в Неаполь? Жениться на ней? Нет, к этому он точно не готов! Да и любит ли он ее так же, как она его? Нет, наверное, нет...

...Вернуться бы туда, в этот самый миг – и все исправить! Не так должен был он думать, не к тому выводу прийти!..

Но он сделал заключение, что, наверное, еще не способен любить кого-то вот так, как она, всепрощающе и отдаваясь этому чувству без остатка. Да и как он введет ее в свой круг? Знакомьтесь, это моя кухня и одновременно любовница... Он представил косые взгляды однокурсников, знакомых, которые непременно будут обсуждать эту новость друг с другом, вероятно, сочтут его едва ли не извращенцем: мало ли вокруг обычных девушек? И где гарантия, что очарование их отношений и эта летняя страсть не кончатся после отъезда? Все с легкостью может поглотить быт, возвращение к реальности, да и занятия скоро, на носу переэкзаменовка... Нет, не место ей в его привычной жизни, как не место и ему рядом с ней.

Он то вскакивал на ноги, то снова падал на песок. Порой сам себе казался чудовищем: как же он мог переспать со своей сестрой, пусть даже двоюродной? Потом вдруг ясно осознавал, что больше не сможет без нее, без ее трепетного тела, так чутко отвечавшего всегда на его прикосновения, без ее теплых губ, бездонных глаз, в которых он тонул, запаха ее волос, в которые он так любил зарываться лицом... Что за наваждение! Ее образ преследовал его, не давал сосредоточиться...

Он взъерошил волосы руками. Как же сказать ей обо всем этом? Как предложить прервать их роман, хотя бы на время? А ведь это выход! Они разъедутся, начнутся занятия, не до любви уже будет... Потом посмотрим, время все расставит на свои места (где-то он уже слышал эту фразу), может, она кого-нибудь встретит, влюбится, забудет своего кузена и их безумный летний роман. Точно! Он предложит ей расстаться на неопределенный срок, якобы проверить, так сказать, их отношения на прочность, объяснит, что так будет лучше и правильнее для всех. Тогда и отцу ничего не нужно будет рассказывать. Зачем?.. Но вдруг она не согласится? Устроит сцену со слезами – то, чего он просто не выносит? Ладно, там видно будет, уж как-нибудь он ее уговорит. И попросит Бланш, чтобы молчала пока.

На душе сразу стало легко, как будто камень с плеч! Он был безмерно доволен собой: как же, подумал, поразмыслил, все взвесил и принял настоящее мужское решение – проверить их отношения временем! Жестокая мысль о том, что он собирается просто-напросто обмануть ее, в его голову тогда не пришла. И уж конечно он не казался себе бессердечным эгоистом.

Теперь ему оставалось только ждать их возвращения, но с принятым решением это было несложно. Пролетели день, ночь, в которую он спокойно спал, наступило утро. Он проснулся около девяти, позавтракал, искупался в море.

Около полудня к коттеджу подъехала машина кухни. Он вышел встретить их.

– Привет, сын! – обрадовался ему отец. – Как ты тут без нас?

– Соскучился, – он помогал отцу вытаскивать вещи из багажника, а сам поглядывал на нее. – Как отдохнули?

– Замечательно! Правда, маленькая неприятность с машиной, но ничего, уже все в порядке: сегодня ее вернут. Моник очень обрадовалась моей племяннице, посетовала, что тебя не взяли, но я объяснил ей, какой ты у меня серьезный парень! Ладно, пойду прилягу...

– Надеюсь, что серьезный, – многозначительно вставила Бланш и вслед за отцом вошла в дом. Наконец-то он остался с кузиной наедине.

– Привет, – он обнял ее, – как ты?

– Привет, – выдохнула она, – мне до сих пор не по себе.

– Бланш тебя ничем не обидела?

– О, что ты! Она была очень милой, сказала, что понимает меня, хотя и не совсем одобряет. Ну, ты понимаешь...

– Да, конечно. А отец? Он...

– Знает ли он? Нет, Бланш ничего ему не говорила, это точно. Иначе, я думаю, он бы так не веселился.

– Это верно, – согласился он.

– Я хочу в море, – сказала она, – сегодня наш последний день, дядя говорил, что завтра утром мы уезжаем.

– Пойдем вместе, – он взял ее за руку.

– Я иду с вами, – раздался спокойный голос Бланш, внезапно появившейся на ступенях. – Что застыли? Одних я вас не оставлю, хватит. Сейчас быстренько окунемся, отдохнем с дороги и будем готовиться к прощальному ужину.

Она взяла кузину под руку, и они стали спускаться в бухту. Делать нечего, он пошел за ними. Бланш ни на минуту не отходила от нее, не давая никакой возможности остаться им наедине. В конце концов, он не выдержал:

– Слушай, – осторожно начал он, – ну что ты так беспокоишься? Дай мне с ней поговорить, просто поговорить, ладно? Или ты думаешь, что я маньяк? Накинусь на нее у тебя на глазах?

Кузина покраснела.

– Хорошо, маньяк, – усмехнулась Бланш, переворачиваясь на спину. – Можете поплавать у берега, но с двумя условиями: руками друг друга не трогать, далеко не заплывать.

– Детский сад, – буркнул он, поднимаясь на ноги.

Но когда они вошли в море, он сразу притянул ее к себе. Она уперлась в его грудь руками:

– Что ты делаешь? Я думала, ты правда хочешь поговорить, обманщик!

– Очень хочу, – поцеловал он ее в соленые губы, – ты даже представить себе не можешь, как сильно хочу! Но не сейчас, перед ужином, хорошо?

– Разве я могу отказать тебе хоть в чем-то? – тихо сказала она. – Целуй же меня, целуй сильнее!

Они целовались, как сумасшедшие подростки, и волны накрывали их с головой, а на берегу бесновалась Бланш:

– А ну-ка немедленно выходите! Как вам не стыдно! Хотя бы меня постеснялись!

Глава шестнадцатая

Он так и не смог сказать ей о своем решении расстаться – ни в море, ни во время послеобеденного отдыха: как только Бланш задремала, они сбежали в рощу, к тому самому раскидистому ореху, который уже неоднократно был безмолвным свидетелем их любви...

Чуть позже, никем не замеченные, они вернулись в коттедж и разошлись по своим комнатам. Потом проснулись отец и Бланш, и им пришлось выйти и готовиться к прощальному ужину. Решено было поставить жаровню на открытой площадке у террасы, а не разводить костер на пляже: вечерами уже было довольно прохладно. Они с отцом съездили в поселок за свежим мясом – машину отца как раз пригнали из автосервиса – и занялись приготовлением угля и дров. Кузина и Бланш колдовали у плиты в кухне.

И вроде бы все было хорошо на первый взгляд: отец веселился, он пытался отвечать на шутки, кузина и Бланш дружно накрывали на стол, погода стояла прекрасная, но... Все же ему было не по себе, и дело тут не только в вопросительных взглядах Бланш, напоминающих, что его время, отведенное ею до ужина, истекает. Надо все рассказать отцу, объявить торжественно, что он соблазнил свою кузину, и в это лето они стали любовниками. Здорово! Как обрадуется-то отец! Настроение у него сразу испортилось. И тут еще Бланш подошла к нему, не выдержав:

– Ты поговорил с ней? Вы все решили?

– Не успел, – раздраженно ответил он. – Времени не было.

– Странно, – насторожилась Бланш, – а чем это вы занимались после обеда?.. Хотя можешь не отвечать, догадываюсь. Так вот, иди немедленно и поговори с ней: я попросила ее нарезать роз в саду. И помни: в средние века у вас в Италии, если мужчина прилюдно только лишь поцеловал девушку, он уже был обязан на ней жениться. А у вас, насколько мне известно, зашло гораздо дальше поцелуев. Так что иди и будь мужчиной! Мы с отцом подождем вас.

– Сейчас не средние века, – грубо ответил он, но в сад пошел. На пороге оглянулся. Бланш смотрела ему вслед удивленно и даже немного разочарованно, как ему показалось.

Кузина склонилась над кустом белых роз и аккуратно срезала бутоны, складывая их в садовую корзинку. Легкий ветерок, долетавший с моря, развеивал ее волосы, поднимал подол яркого коротенького платья. Картина, достойная пера художника. «Девушка, срезающая розы» – так бы он ее назвал, все-таки сын искусствоведа. Но тогда эта чарующая красота не вызвала у него радости, наоборот, он почувствовал бешеную ярость: как смеет она быть такой красивой?! Она отравила его собой, околдовала! Пора выпутываться из этих порочных уз.

– Необыкновенные, правда? – улыбнулась кузина, кивая на розы. И тут же встревожено спросила: – Что с тобой? У тебя такое лицо...

– Надо поговорить, – холодно сказал он.

Она поставила корзинку с розами на землю:

– Говори, я слушаю.

– Видишь ли, я думаю... и так будет правильно, – он старался найти нужные слова, – в общем, так больше не надо.

– Что ты имеешь в виду? Не понимаю...

– Все ты понимаешь, – вспыхнул он, как будто она была в чем-то виновата, вынуждая его вести этот нелегкий разговор. – Я принял решение: нам лучше расстаться. Буду честен с тобой: я не могу тебя любить. Давай подождем, сделаем, так сказать, перерывчик...

– Перерывчик?! – вскричала она. – Что ты такое несешь? Кому он нужен, твой перерывчик? Да что это с тобой?!

Внезапно он понял: ему нужно быть как можно грубее с нею. Так проще будет закончить этот неприятный разговор. Она обидится на него и уйдет сама. После ужина закроется в ком-

нате и будет плакать. Ну и что? Утром они разъедутся и всё. Всё! А там видно будет. Если он поймет, что не может без нее даже дышать, приедет в Неаполь и вымолит прощение. В том, что она простит его, он тогда даже не сомневался.

– Короче говоря, сестренка, – начал он и увидел, как побледнело ее лицо, – мы чудесно провели лето, нам было хорошо вместе и все такое, хочу сказать тебе спасибо!

– Ты выпил? – словно не веря своим ушам, спросила она.

– Я трезв как стекло, – рассмеялся он, чувствуя себя последним мерзавцем.

– Зачем ты делаешь мне больно? – тихо спросила она. – Я же люблю тебя...

– Знаю. Премного тебе благодарен, ты скрасила мне это лето, но на этом всё. Пока всё. Может, через время мы увидимся? Ну, если нас так же будет тянуть друг к другу.

– Ты говорил, что любишь меня... – едва слышно прошептала она, и ее глаза стали наполняться слезами.

– Ну, дорогая, это была шутка. А что я еще мог сказать девушке, чтобы затащить ее в постель? Ну или сразу после, какая разница? Кстати, еще неизвестно, кто кого туда затащил... Это всегда и на всех действовало, и ты не исключение, – он специально старался побольнее задеть ее. – Ты весьма вовремя подвернулась под руку, хотя на твоём месте могла быть и любая другая симпатичная мордашка, приехавшая к нам погостить.

– Я тебе не верю, не верю, это не ты говоришь! – она схватила его за руку. – Признайся, ты что-то принял?

Он отшвырнул ее руку:

– Хватит, кухня, не стоит так унижаться. Я все сказал.

Она подошла поближе, не сводя с него взгляда, тревожно вглядываясь в его лицо, словно пытаясь понять, что происходит, почему он так жесток с нею. Он не мог выдержать вида этих глаз, в которых любовь к нему перемешалась с болью, и он ясно видел, как боль переполняет их, беря верх над чувством. Нет, не этих отвратительных слов ждала она от него. Не этих.

– Пошли за стол, пора прощаться с летом, – сказал он как можно веселее, развернулся и направился к дому.

– А если я скажу тебе, что у нас будет ребенок? – обухом по голове прозвучали вслед ее слова. Ноги у него подкосились так, что пришлось ухватиться за стену коттеджа.

– Что?! – он обернулся и с нескрываемым ужасом посмотрел на нее. И тут кухня стала смеяться, она хохотала громко, истерично, он даже испугался, как бы отец и Бланш не выбежали из дома. На негнущихся ногах бросился к ней, схватил ее за плечи и затряс так сильно, что ее волосы разметались:

– Повтори, что ты сказала?!

– Ничего, братец, – смеялась она, а слезы градом катились по ее лицу. – Я пошутила, никакого ребенка у нас не будет, и слава Богу! Видел бы ты свое лицо! Как же ты жалок, любимый! Какой же ты трус! Какой же ты...

– Ненормальная! – кричал он, продолжая трясти ее. – Зачем я вообще связался с тобой?! Кто же так шутит?!

– Ты пошутил, что любишь меня, я пошутила, что жду ребенка – мы квиты. Не волнуйся, братец, если бы я и была беременна, от твоего ребенка избавилась бы, это точно! Кто захочет рожать от такого подонка?

Тут он и ударил ее. Замахнулся и ударил. По лицу. Попал по губам. Сильно. Не рассчитал.

Он плохо соображал в тот момент, если этим можно, конечно, оправдать его. Юристы, кажется, называют такое состояние аффектом?.. Словно в замедленной киносъемке, видел он, как от его удара она упала. Тут же встала, сама. Хотя он, вроде бы, попытался помочь ей подняться? или просто хотел попытаться?.. Встала, подошла к нему. Молча. Вместо лица – застывшая маска. Он видел это все как будто со стороны. Медленно, своим привычным жестом ласково коснулась она его щеки – пальцы у нее были ледяные – улыбнулась разбитыми губами

и, пошатываясь, пошла к воротам. Он побрел за ней. У ворот она сбросила туфли и вдруг побежала. Проскользнула в калитку, открыла дверцу своей машины. Взревел двигатель, гравий фонтаном вылетел из-под колес. И всё.

Всё.

Она уехала.

Глава семнадцатая

Он не бросился за ней, не перегородил ей путь, не лег под колеса ее машины, в конце концов. Он не сделал ничего, чтобы помешать ей уехать тогда. Когда кузина скрылась за поворотом, он по-прежнему молча стоял у ворот. Что испытывал он в тот миг? Сейчас ему особенно гадко вспоминать это, потому что тогда в нем смешались самые разные чувства: раскаяние, стыд и, что самое отвратительное, – чувство облегчения, что, наконец, все закончилось, пусть так, пусть жестоко, пусть мерзко, пусть он трус, подлец, но она уже едет домой, и их безумный роман завершился.

Медленно он шел по саду к террасе, на пороге которой стояли отец и Бланш.

– Что случилось? – спросил отец. Вид у него был встревоженный. – Мы слышали крики, шум машины...

– Где она? – глядя прямо ему в глаза, спросила Бланш. Он не смог выдержать этот взгляд, отвернулся:

– Она уехала.

– Одна? В такой час? – отец был в замешательстве. – Что ты сделал? Почему позволил ей вот так уехать? А как же ужин?

– Оставьте меня! – внезапно он сорвался на крик. – Вы ничего не поймете! Может, я и сделал ошибку, но всё так сложно!

Отец подошел к нему вплотную и взял рукой за подбородок:

– Посмотри на меня, сын! Это не контрольная, это жизнь, сделал ошибку – живи с нею. Но что бы между вами не произошло, ты должен был оставаться мужчиной и поступить по-мужски. Только мужчина несет всю ответственность за поступки, причем не только за свои, надеюсь, ты меня понимаешь...

Он глянул на него и вдруг четко осознал: отец знает, знает все. Но как? Все-таки Бланш...

– Я рассказала ему, – будто прочитав его мысли, сказала Бланш, – хотела подготовить. Была уверена, что он поймет, и вскоре вы объявите о помолвке.

– А я и понял! – вскричал отец. – Что, не ожидал?! Правда, понял! И даже обрадовался, старый я дурень! Поэтому я и спрашиваю, что ты сделал? Почему она уехала? Отвечай немедленно!

Он молчал. Просто не мог вымолвить ни слова. Такой реакции отца он точно не предвидел. Где-то ошибся в расчетах. Ошибся. Так страшно ошибся...

– Я звоню в Неаполь, – не дождавшись ответа, отец зашагал к дому.

– Родольфо, мы даже не уверены, поехала ли она домой, – сказала Бланш, едва поспевая за ним.

– Знаю. Но я должен предупредить моего брата и ее отца о том, что она возвращается, и попросить, чтобы она немедленно с нами связалась.

Отец и Бланш скрылись из виду. Он спустился в бухту и сел на песок. Так он просидел, не двигаясь, наверное, несколько часов. Никто к нему не подошел, никто больше ни о чем не спрашивал. День догорал: солнце опускалось за море, в небе зажигались первые вечерние звезды.

«Это она виновата! Она сама виновата!» – повторял он про себя как заклинание. Да как посмела она разрушить ту легкость, ту простоту их отношений?! На что она рассчитывала, в конце концов? Да, лето кончается, да, они действительно разъедутся по своим городам, оба вернутся к своим жизням. И он ничего ей не обещал. А ей что, уже слышался звон свадебных колоколов? Ну уж нет, они еще слишком молоды, по крайней мере, он. И вообще, подумала ли она обо всех последствиях их возможного союза? В конце концов, где гарантии, что и ее отец с радостью примет их отношения? А вдруг нет? А если и его отец одумается? Как и на

что они тогда будут жить? Оба студенты, а не дай Бог у них действительно появятся дети... Он поежился, вспомнив ее прощальную «шутку». И еще неизвестно, с какими патологиями... Зачем же выставлять на всеобщее обозрение их отношения и лишать себя удовольствия просто быть вместе, просто наслаждаться друг другом, пока это возможно?! И пускай они встречались бы только летом, что с того? А она предпочла сбежать, не захотела трезво поразмыслить над тем, что он предлагал. Он же хотел как лучше: просто пауза в отношениях. Она вынудила его стать подонком, наговорить ей таких мерзостей! Он содрогнулся, вспомнив, что говорил ей, что кричала она. Особенно хороша была шутка про ребенка. «Надеюсь, это действительно шутка», – со страхом подумал он. Конечно, он не имел никакого права поднимать на нее руку, но после тех слов... Да он вообще не соображал, что делает! И вместо того чтобы успокоиться, поговорить, она уехала. Что ж, это ее выбор, ее решение. Ничего, приедет домой, остынет, а там видно будет...

Приблизительно так твердил он себе, пытаясь заглушить закипающее чувство невыносимого стыда и презрения к самому себе за совершенную подлость, за то, что он так легко и больно ранил ту, которая влюбилась в него в тринадцать лет, которая отдалась ему, не задумываясь ни о чем, дарившую невыразимое наслаждение в это лето, ту, которая безропотно прощала ему всю его трусость, принимала его эгоизм, ту, в чьих глазах он тонет и тонет, ту, которую до физической боли желает и сейчас... Слушая шум прибоя, он вдруг внезапно ощутил всю низость своего поступка, – мужского решения! – всю горечь своей утраты. Она обожгла его так сильно, что на миг он даже решил, что умирает: бешено забилося сердце, потом словно остановилось, странно перехватило дыхание. С чувством необъяснимой, дикой тревоги вскопчил он на ноги и в этот же момент услышал автомобильный гудок. Тревога тут же сменилась радостью и облегчением: это же она вернулась! Она простила! Она любит его!.. Господи, да и он ее любит! Лю-бит! Гори все огнем! Они будут вместе всю жизнь, поженятся, родят детей, много детей, и их дети непременно будут здоровыми!

Как на крыльях, взлетел он по лестнице, предвкушая сладостный миг их примирения. Завернув за угол дома, он увидел отца, Бланш, незнакомого мужчину в форме и машину дорожной полиции с включенными проблесковыми маячками у ворот. Улыбка слетела с губ, ноги вдруг стали ватными. Пошатываясь, он подошел к отцу.

– Что случилось? – его собственный голос показался ему чужим. Полицейский смотрел сочувственно.

– Синьорина... – он назвал имя и фамилию кузины, – ваша родственница?

– Моя племянница, – хрипло ответил отец.

– А-а... – полицейский взглянул в блокнот и назвал номер и марку машины кузины. – Это ее машина?

– Да. В чем дело? – отец с трудом произносил слова. Лицо Бланш стало бледнее стены.

– Мои соболезнования, синьор. Авария. Так жаль! Такая красивая синьорина, такая молодая...

– Какая авария? Где? – он снова не узнал свой голос. – Она... Что с ней? Она в больнице? Полицейский перевел взгляд на него.

– Она не справилась с управлением, недалеко отсюда. Неожиданно выехала на встречную полосу, столкнулась лоб в лоб с грузовиком. Водитель грузовика жив, но в тяжелом состоянии, а ваша жена... Мне очень жаль. Она погибла на месте.

Он плохо понимал, что говорит этот человек в форме, почему-то назвавший кузину его женой и утверждавший, что она погибла на месте. На каком еще месте?! Как это – погибла? Почему погибла?! Это неправда, это не может быть правдой!

То, что было дальше, он помнит смутно: они ехали куда-то в полицейской машине, неровная дорога, прыгающий свет фар, застывший, заледенелый взгляд отца, белое пятно вместо лица Бланш...

Потом вдруг машина остановилась. Он вышел. Сквозь пелену увидел место аварии, все еще огороженное полицейской лентой: перевернутый на бок грузовик, разбитая, смятая кабина, какие-то вещи, разбросанные на дороге, и вдруг – страшная, сплюснутая машина под грузовиком. Ее машина под грузовиком... А потом провал.

Кажется, он рвался туда, к машине, вернее, к тому, что от нее осталось, его держали какие-то люди, кого-то из них он ударил, ударил сильно, так как хватка немного ослабла, и он рванул снова, упал, его снова схватили. Кажется, он дико и страшно что-то кричал. Потом ему сказали, что он звал ее по имени...

Поселок. Двери больницы. Или морга... Боже, он же будущий врач! Конечно, это морг. Мысли путались, разбегались в разные стороны, и он никак не мог ухватиться ни за одну из них. Отец пошел на опознание, вернее, его повели, поддерживая под руки, человек в белом халате и тот же полицейский.

– Я ее не узнаю, – монотонно говорил отец, – я ее не узнаю.

Они ушли. Он сидел у двери. Кажется, ему что-то дали принять, наверное, какой-то успокоительный препарат... Он сидел и думал только об одном: все это просто кошмарный сон или чудовищная ошибка, сейчас выйдет отец и закричит, громко закричит, что это не она, потом они вернутся домой, а кухня ждет их на террасе...

Отец не возвращался.

Он так четко все это представил, даже будущие извинения полицейских, врачей, что почти убедил себя в том, что так оно и есть, и не было никакой аварии, и он не видел страшную, искореженную машину.

Но тут вышел отец. Он поднялся навстречу и увидел его глаза...

Отец так и не разрешил посмотреть на нее.

Они вернулись в коттедж. Вошли на террасу. Накрытый к ужину стол. К их ужину, который так и не состоялся. Отец смахнул со стола все, что там было: осколки посуды, хрусталия и фарфора перемешались с едой на полу. Бланш куда-то вышла, наверное, поднялась в спальню. Он сел в свое кресло. Потом слышал, как отец звонил в Неаполь, что-то говорил ее отцу, сбивчиво, срываясь на крик, а потом зарыдал прямо в трубку. Это было по-настоящему страшно: не по-мужски рыдающий отец, его слезы... Он так и не смог взять трубку и поговорить с дядей.

Поднялся наверх, в ее комнату. Шатаясь, как пьяный, открыл дверь, не включая свет, вошел. Там были ее книги, ее платья, запах ее духов... На кровати, освещенной лунным светом, лежала ее ночная рубашка. Холодный серебристый атлас под его пальцами, бретельки оборваны. Он вспомнил, как оборвал их в ту ночь, ночь их «примирения» в День Святого Варфоломея. Господи, когда это было? Неужели прошло всего несколько дней?..

А потом он выл. Сидел на полу в обнимку с ее рубашкой, раскачиваясь, как в молитве, и выл, громко, во весь голос, до хрипоты, не стыдясь никого и ничего.

Внизу, невидимое в темноте, все так же шумело море.

Глава восемнадцатая

Водителя грузовика признали невиновным в той страшной аварии. Об этом он узнал потом, когда их пригласили для дачи показаний. Он вообще не понимал, кому и зачем это теперь нужно: ведь ее больше нет. Но полицейский (имя его он так и не запомнил) сообщил, что у них есть некоторые сомнения по поводу произошедшего, имея в виду показания водителя грузовика, которые он огласил им вслух. Выживший водитель рассказал, что заметил машину кузины еще со склона, ехала она довольно быстро. Очень быстро. Ну и что? Сейчас все носятся как сумасшедшие, особенно молодежь. Приближаясь, он все же успел рассмотреть девушку за рулем. А потом ее машина, не сбавляя скорости, резко выехала на его полосу. Он не ожидал такого, поэтому ничего не смог поделать. Уверен, что девушку никто не преследовал, больше машин на дороге не было, причем в обоих направлениях. Почему она неожиданно вылетела на встречную полосу, он не знает. А он уверен, что девушка намеренно выехала навстречу? Может, ему показалось? Может и показалось. Может, у нее что-то случилось с машиной...

– Автомобиль был исправен, – закончил полицейский, – наши эксперты уже дали заключение.

– Что вы хотите этим сказать? – бледнея, спросила Бланш.

– Простите, синьора, я понимаю ваше горе, но у нас в разработке две версии случившегося, – полицейский внимательно посмотрел на них. – Несчастный случай или самоубийство.

– Само... что?! – отец резко встал со стула. – Это совершенно исключено! Моя племянница никогда бы не лишила себя жизни, тем более таким диким способом!

– Успокойтесь, синьор, я лишь хочу выяснить правду. Может, перед ее отъездом что-то случилось? Ссора? Ее что-то огорчило? Она что-то узнала?

Тут до него начал доходить смысл сказанного полицейским и суть задаваемых им вопросов. Он хотел закричать, что да! случилось! что это он убил ее, он! Ведь словом можно убить, а можно и спасти, правда? «Будь осторожен, не играй словами, кузен!»... «Твоя маленькая кузина до смерти влюблена в тебя, до смерти!»... «А если я скажу тебе, что у нас будет ребенок?!»...

– Послушайте, – севшим голосом произнес он, с трудом подбирая слова. – Вы можете сказать?... моя... – он запнулся. – Кузина... Она случайно не была, – он схватился за край стола так сильно, что побелели пальцы, – в... положении?

Бланш издала какой-то странный всхлип, отец медленно поднес руку к груди. Полицейский с интересом окинул их троих взглядом:

– Неожиданный вопрос! Нет, ваша кузина не была беременна, если вы это имеете в виду. А почему вы об этом спросили?

И тут он решил, что все, хватит. Сейчас он расскажет этому человеку в форме обо всем, иначе как жить дальше?! Он не выдержит этого груза вины, слишком тяжело, невыносимо!.. Но отец перехватил его безумный взгляд и, уверенно чеканя каждое слово, твердо заявил полицейскому:

– Мой сын убит горем, вот и задает странные вопросы, не обращайтесь внимания. Ничего у нас не произошло. Моя племянница решила вернуться в Неаполь, попрощалась, села в машину и уехала. Мы все ее проводили до ворот. А потом она, видимо, не справилась с управлением... – только тут голос отца дрогнул.

– Вы уверены, синьор? – спросил полицейский. – А почему мы не нашли в машине ее вещей? Совсем никаких: ни чемодана, ни дамской сумочки? Кстати, она ехала босиком и даже без документов, поэтому мы сразу не смогли сообщить вам о случившемся, хотя авария произошла совсем рядом с нашим поселком: личность погибшей мы устанавливали по номерам машины, связывались с управлением в Риме и в Неаполе.

– Я не понимаю, к чему вы клоните. Не знаю, почему она уехала без вещей, но делать из моей племянницы самоубийцу я не позволю! Так и запишите в своем отчете! – отец еле сдерживал свой гнев. – На этом все. Полагаю, мы можем идти?

– Конечно, – полицейский тоже встал из-за стола. Обращаясь к нему, спросил:

– А вы тоже считаете, что это был несчастный случай? Кстати, прошу прощения, я не знал, что погибшая – ваша кузина, а не супруга.

– Я... – у него перехватило дыхание.

– Мы уходим, – резко оборвал его отец.

Молча шли они по поселку к коттеджу. Отец и Бланш впереди, он плелся сзади. Бланш плакала.

– Не хочу, – не оборачиваясь, сказал ему отец. – Не хочу ничего слышать, что бы ты сейчас ни говорил. Молчи, иначе я тебя ударю. Я разрываю наш договор Мужской Честности и Чести, можешь ничего мне не объяснять. Никогда.

Больше они не могли оставаться в этом доме. Прочь! Прочь отсюда! От этого солнца, от этого пляжа, от комнаты с ее вещами... Никогда они не смогут вернуться сюда. Лето кончилось. Все кончилось.

И лишь в небе по-прежнему кричали неугомонные чайки, а в бухте о скалы разбивалось море...

Глава девятнадцатая

Был очень теплый, по-летнему теплый сентябрьский день в Неаполе – ее похороны. Закрытый гроб. Белые-белые розы, похожие на те, что росли в саду у их коттеджа. Розы повсюду. Ее фотография с траурной лентой. Освещенная ярким солнцем каждая черточка родного лица... Она улыбается ему оттуда, с фотографии. И бешено светятся ее прекрасные глаза.

Бланш в черном, отец, постаревший на пару десятков лет сразу, ее родители... Родственники, которых он не видел много лет и не увидел бы, наверное, еще долго, если бы не... Ему казалось, что это снится какой-то кошмарный сон, до ужаса нелепый. Как странно! Он до сих пор не верит в то, что ее больше нет. Как жестоко: он осознал, что действительно любит ее только в тот страшный день ее смерти. Озарение пришло, увы, поздно. И права была та сумасшедшая гадалка, во всем права: на нем ее судьба и сломалась. Если бы он прислушался к ней тогда... Но кто всерьез воспринимает предсказания какой-то цыганки? «Твоя маленькая кузина до смерти влюблена в тебя»...

В толпе людей на кладбище он вдруг заметил Марино. Тот плакал навзрыд, не смущаясь присутствующих. Он постарался встать так, чтобы не попасться ему на глаза. Слишком мерзко себя почувствовал, даже во рту появился какой-то неприятный привкус. Но потом, когда люди стали подходить к родственникам, выражать соболезнования, деваться ему уже было некуда: он оказался лицом к лицу с Тони. Марино посмотрел на него с искаженным от ненависти лицом: – Подонок... Я любил эту девочку, а ты... Убийца! – плюнул в него, а потом пошел прочь. Он вздрогнул, как от удара, и поспешил отойти в сторону от родных. Достал платок и вытер лицо. Хорошо еще, что никто ничего не заметил.

Он нашел ее альбом в старой коробке на чердаке, как и думал. Альбом был небольшой, в пыльной кожаной обложке. Руки у него задрожали, когда между страниц он увидел пожелтевший конверт со своим именем, вскрыл его. Бумага в клеточку, как из школьной тетради, аккуратный, почти детский почерк...

«Здравствуй, кузен!»

Строчки запрыгали и расплылись у него перед глазами...

«Наверное, ты будешь смеяться, читая это письмо, но дело в том, что я люблю тебя. Я не знаю, как объяснить это, но четко осознаю, что всегда буду любить только одного тебя. Я не прошу и не смею требовать взаимности, просто больше не могу скрывать от тебя свои чувства. Наверное, я сошла с ума. Ты прости меня, милый кузен, но только ты можешь дать совет, как мне быть дальше? Как выбросить тебя из сердца? Мне плохо без тебя, очень плохо, ни о чем не могу думать. Мне кажется, это на всю жизнь. Если когда-нибудь ты ответишь мне – нет, не на чувства, об этом я и мечтать не смею! – а на это письмо, я буду самой счастливой на свете, что бы ты ни написал. Прошу, не показывай это письмо родителям и не рассказывай никому. Может, мы увидимся следующим летом? Если бы ты только знал, как сильно я тоскую по тебе! Желаю тебе счастья, люблю, люблю, люблю... Твоя кузина».

– И я люблю тебя! И я тоскую! Прости меня! – он кричал страшно. – Что мне делать теперь?! Что?! Ну прости же меня!

Целый месяц он жил отшельником: ни с кем не встречаясь, никуда не выезжая. На передачу экзаменов он не пошел, решив, что потом просто заберет документы и учиться больше не будет. Все время проводил он в своей комнате – наедине с бутылкой виски, ее траурной фотографией и своей совестью. Ни отец, ни Бланш его не тревожили. Он считал, что они махнули

на него рукой. И поделом ему. Всё верно, всё правильно. Нет ему прощения, и быть не может. Днем он лежал на полу в своей комнате, пил и вспоминал то лето. Он жил только этими воспоминаниями. Удивительно, но мысли о самоубийстве в его голову почему-то не приходили. А по ночам он разговаривал с ней. Плакал, вымаливал прощения, пытался объяснить ей, что он любит ее, очень любит ее, что раскаяние настигло его, но поздно. Бланш потом рассказывала, что они думали, слушая его ночные крики и пьяное бормотание днем, будто он сошел с ума.

На втором месяце затворничества ему дико захотелось поговорить с родными, и он стал иногда выходить из комнаты, чтобы как бы случайно встретиться с кем-нибудь из них. Увиденное потрясло его. Отец еще больше осунулся, постарел, замкнулся в себе. Бланш всеми силами пыталась помочь ему хоть как-то вернуться к прежней жизни. Его никто ни в чем не обвинял, по-прежнему ни о чем не спрашивал. Это и было самым мучительным: уж лучше бы они обрушили на него всю лавину своей боли, своего презрения. Он искренне ждал и хотел этого. Но они молчали, сведя общение с ним к минимуму. И это молчание убивало его, раздирало изнутри на части. Порой он встречался с ними взглядами, но тут же опускал глаза: заговаривать с ними первым не хватало смелости. А Бланш и отец, казалось, были связаны друг с другом невидимой, но прочной нитью, поддерживающей их и помогавшей им вдвоем переживать случившееся. Он же так и оставался один на один со своей болью, совестью и памятью, дружно мучавшими его единственным вопросом: она действительно не справилась с управлением?.. Но никто, увы, уже никогда не сможет ответить ему на этот вопрос.

Ни Бланш, ни отец никогда не говорили с ним о ней, никогда не предавались воспоминаниям о том лете. Именно тогда он отчетливо осознал, что прежней беспечной жизни у него, наверное, больше не будет. Может быть, потом... когда-нибудь... со временем...

И однажды, поймав на себе очередной брошенный украдкой взгляд отца, он не опустил голову, как обычно, а сумел выдержать этот взгляд, полный отчаяния и... жалости. Чувствуя, как его глаза совершенно не по-мужски наполняются слезами, бросился он к отцу; отец не оттолкнул его, и они вдвоем долго беззвучно рыдали, уткнувшись друг в друга. Подошедшая незаметно Бланш обняла их обоих, отец посмотрел на него, и уже по этому новому взгляду он понял: отец простил. И Бланш тоже. И ему стало легче.

А время шло, медленно, но безжалостно расставляя все по своим местам. Он бросил пить, вняв мольбам домашних, потом его вдруг вызвали в университет, где каким-то образом разрешили пересдать экзамены, и он их пересдал – потом он узнал, что это отец обо всем договорился, – и начался последний курс обучения. В один прекрасный весенний день, на дне рождения однокурсника, он познакомился с очаровательной девушкой. Целую неделю они встречались, ходили в кино, театры, и отец вроде даже был рад этому.

И незаметно началась его прежняя жизнь, такая же легкая, беспечная. Он переехал, наконец, от отца и Бланш, снял отдельную квартиру. Отношения с новой знакомой развиваются стремительно: они везде и всюду появляются вдвоем, начинают задумываться о совместном проживании... Приходя в гости к отцу и Бланш, они смеются; он шутит, как раньше, рассказывая о своих успехах, огорчениях, планах на будущее с новой подружкой. Пройдет еще время, и он получит диплом и станет блестящим врачом, откроет собственную практику, после чего, конечно, женится, пусть не на этой девушке, а на другой, неважно: все равно он будет очень счастлив. Очень.

И снова в его жизни наступит лето: горячий песок, теплое море, прохладные летние ночи. Опять он поедет на побережье, но только не туда, не к Тирренскому морю, может быть, с отцом, а может, уже с невестой. Или даже женой.

Но иногда, почему-то зимой, не летом, по ночам он долго не может уснуть. Лежит в кровати и смотрит в потолок широко открытыми глазами, совершенно беспомощный перед своей предательской памятью: перед ним во всех красках встает то самое лето. Он снова видит коттедж, каждую комнату в мелочах, сад с цветущими розами, белые розы и апельсины...

Их пьянящий аромат преследует его, это единственный в мире аромат, который он не переносит.

...Он видит залитую солнцем террасу, накрытый к завтраку стол, свою мансарду с незастланной кроватью и брошенными на пол учебниками; слышит, как шумят деревья в ореховой роще за мысом, слышит шум прибоя так реально, что даже ощущает на губах вкус той самой морской воды – неправда, что море везде одинаковое, – чувствует, как скрипит под ногами песок в их бухте, а на волнах качается их катер, и она... Непременно он видит ее! Порой она улыбается и машет ему, стоя на берегу, и ветер треплет ее длинные черные волосы, а иногда она просто сидит на песке, обхватив колени руками, с задумчивым видом глядя куда-то вдаль. Потом подходит совсем близко, легонько касается его лица своими прекрасными пальцами, и он даже ощущает ее дыхание, слышит ее голос: «Неужели ты совсем не замечаешь, как сильно я тоскую по тебе, кузен?»...

И он зарывается с головой под одеяло, отворачиваясь от мирно спящей рядом подруги, и чуть слышно повторяет в темноте ее имя, до боли вгрызаясь зубами в подушку, пока внутри него что-то не обрывается. И тогда совершенно не по-мужски он плачет.

Когда осыпаются розы

Тот, кто носит сирень, никогда не будет носить венчальное кольцо.

Старинная английская пословица

Никогда ранее я не подумал бы, что во мне дремлет талант писателя. Никогда ранее не решился бы поведать всему миру о том, что я пережил, когда потерял ее. А если бы и пришло в мою голову подобное, то уж точно не стал бы этого делать с помощью бумаги. Я бы, наверное, просто выговорился Тиму, вывернув на него весь ушат пережитого горя, не щадя своего друга, будучи уверенным в том, что только он и поймет, и поддержит, и, что немало важно, не обрушится на меня с упреками или осуждением. Но увы! Тим сейчас далеко от меня, настолько далеко, что уже никогда не услышит моих признаний, не прочтет эту рукопись, не посмотрит таким знакомым, чуть насмешливым взглядом, произнеся свое привычное: «Эй, Ричард! Жизнь все же классная штука, как ни крути!» Я потерял и его тоже. Но, прости меня, дружище, о тебе позже.

Что я могу поведать вам о ней? Что вообще можно рассказать о самой прекрасной на свете девушке, которой больше нет? Что ей был всего двадцать один год. Что она была красивой и веселой, остроумной и образованной. Что любила грустную музыку, полностью придерживаясь чьего-то бессмертного утверждения о том, что все великие вещи в мире написаны в миноре. До знакомства со мной она очень любила сирень. Любила лето и море: могла часами лежать на песке, слушая шум прибоя; зачитывалась Мопассаном и Золя, была без ума от самого печального ноктюрна Шопена № 20 до диез минор, часто играла его на рояле; любила саму жизнь, утверждая, что надо быть благодарными ей за каждое наступившее утро, за каждый прожитый день, который бесценен хотя бы потому, что вернуть его невозможно. Еще она любила меня. А еще она была моей женой.

Я часто думаю о том, зачем вообще мы с нею встретились? Терзаюсь вопросом: почему все случилось именно так и именно с нами? Ответов, разумеется, не нахожу. Знаю одно: мы были счастливы. Пусть недолго, но все-таки были. Наше счастье казалось слишком необъятным, слишком безоблачным, а хорошее, как известно, порой обманчиво и неверно: оно приходит внезапно и исчезает, когда ты к этому совершенно не готов. Тогда мы не думали об этом: нам нужно было успеть насладиться друг другом и этой жизнью. А вот потом... Не скрою, мне было невыносимо трудно. Но я держался изо всех сил. Это было особенно непросто ночами, летними ночами: шум моря, легкий ветерок, ее образ, образ моего друга – они часто приходят ко мне вместе – и воспоминания, воспоминания, воспоминания...

Возможно, кому-то моя история покажется чересчур слезливой, чересчур сентиментальной, но не судите слишком строго: ведь это все-таки была любовь. И дружба. Те самые настоящие любовь и дружба, о которых пишут в книгах, которым посвящают стихи, ради которых живут, из-за которых умирают. По крайней мере, я так думаю. Воспринимайте прочитанное здесь как мою исповедь. Все случившееся осталось в далеком прошлом, уже ничего не вернешь назад, не изменишь, не скажешь иных слов, не совершишь других поступков. Казалось бы, чего грустить? Но вечерами, особенно сейчас, когда я пишу эти строки, ветер заносит в мое открытое настежь окно запах моря, нашего с ней моря; мне даже слышится ее ласковый голос, ее негромкий смех. Порой он переплетается с разговором Тима, как будто они беседуют друг с другом. Может, это означает, что где-то там они встретились? Я был бы бесконечно рад этому. А весной, когда распускается сирень, отвергнутая моей любимой после того, как я поведал ей одну грустную английскую пословицу, я чувствую тонкий аромат нежнейших лепестков, и мне кажется, что моя родная рядом, со мной...

Я все выдержал. Теперь со мной лишь моя память. Но воспоминания уже не приносят боли – разрывающей душу боли, которую, как кажется, ничем не унять, не залечить. Время хороший лекарь, и воспоминания о ней и о нем теперь просто всегда со мной, во мне, они приросли намертво, они – часть меня.

Был самый обычный конец весны 1984 года. Вчера лил дождь сплошной серой стеной, а сегодня утром в небе ни облачка. Вот что значит месяц-май, вестник приближающегося лета! Если бы подобное случилось в октябре, я уверен, дожди зарядили бы на неделю, а то и дольше: с осенью не поспоришь.

Оставив «Бьюик» на парковке, я взглянул на часы и торопливо пошел вверх по Оксфорд-стрит к нашему магазинчику. В семь часов утра на всегда оживленной улице было непривычно тихо: большинство магазинов еще не открылись.

Я подошел к двухэтажному старому зданию, на первом этаже которого располагался во всей красе наш с Тимом магазин – «Цветочный рай», как мы его назвали. За семь лет кропотливой работы наш «Рай» действительно стал настоящим раем для ценителей, да и просто любителей красивых цветов. Магазин принадлежал мне и моему другу Тиму, Тиму Райану Гранту и Ричарду Мэттью Дину – так торжественно мы с ним величались в официальных документах.

Тим – мой единственный настоящий друг. Вместе мы прошли проверку не только временем, но и всевозможными жизненными перипетиями. Я и Тим выросли в приюте Редхилл, вернее, даже не приюте, а школе для детей, чьи родители погибли, а иных родственников не нашлось. Редхилл – старинная школа графства Суссекс, расположенного к югу от Большого Лондона. О Редхилле у меня остались самые радужные воспоминания: всех воспитанников объединяло одно общее горе, что не способствовало каким-либо издевкам или, еще хуже, травле друг друга. Воспитатели и учителя относились к нам тепло и сочувственно: всеми силами старались они создать в школе домашнюю атмосферу, и им это удавалось. Мы, воспитанники, со временем стали считать друг друга настоящей семьей, братьями и сестрами по несчастью. Нас с Тимом роднили похожие обстоятельства потери родителей: мои погибли в автомобильной катастрофе, когда мне не было и трех лет, а родители Тима разбились вместе с самолетом, возвращаясь домой из Индии, где проводили совместный отпуск. Тиму тогда было семь, и, будучи старше на четыре года, в Редхилл он попал раньше меня.

Никаких близких или дальних родственников ни у меня, ни у Тима не нашлось. Еще в школе Тим как-то сразу взял надо мной шефство, помогая адаптироваться к окружающей обстановке и к мысли о том, что мы теперь одни в этом огромном океане жизни. Но надо отдать ему должное: рядом с Тимом я не чувствовал себя одиноким, у меня появился друг, брат, и ближе него никого не было. Школа дала нам достаточное образование, чтобы выйти в самостоятельный мир взрослой жизни. Однако более солидные учебные заведения были ее выпускникам не по карману, поэтому высшее образование так и осталось лично для нас с Тимом неосуществленной мечтой. Ну и пусть! Зато сейчас наши дела идут превосходно: среди торговцев на Оксфорд-стрит наш магазин выгодно выделяется не только яркой вывеской, но и качественным товаром: цветы у нас всегда свежие, цены – приемлемые, продавцы – вежливые, с доставкой мы ни разу не подвели ни одного клиента. И это все в первую очередь заслуга Тима. Ведь именно ему, после того как мы окончили школу, пришла в голову идея заняться цветочным бизнесом.

Да, к окончанию школы перед нами, как и перед всеми выпускниками, встал вопрос: а что делать дальше?

Помню, что первые годы мы с Тимом работали и официантами, и посыльными, и мойщиками машин, дав друг другу клятву не прикасаться ни к тому небольшому пособию, которое мы получили как выпускники Редхилла, ни к скромному наследству, доставшемуся нам обоим от родителей, а постараться хоть как-то приумножить наш общий капитал и открыть свое дело.

Разумеется, кроме торговли нам ничего другого не оставалось, учитывая отсутствие у обоих высшего образования и перспектив его получения в ближайшие годы. Но чем торговать?

– Слушай, Дик, – сказал однажды Тим, – а не сделать ли нашим товаром цветы?

– Цветы? – помню, я от души посмеялся над его идеей. – Как-то несолидно, тебе не кажется? Не мужское это дело!

– Ты не прав, – возразил Тим. – Подумай сам: цветы, и живые, и искусственные, востребованы круглый год: их покупают все, понимаешь? Все дарят цветы: мамам, бабушкам, сестрам, девушкам, друг другу, на всякие торжества, юбилеи, дни рождения, похороны, в конце концов! Их покупают и просто так, для украшения дома, для поднятия настроения...

– Верно, – с удивлением согласился я. – Оказывается, цветочки могут принести неплохой доход, если, конечно, с умом подойти к этому делу.

– Конечно! – подхватил Тим, и глаза его заблестели от возбуждения. – А представь себе, что наценку на этот товар можно делать на все 300 процентов, не тратя из заработанных денег ни пенни на украшение того, что и так смотрится красиво! Поэтому я уверен, что цветочный бизнес выгоден и быстро окупаем!

– Да, но ты знаешь, сколько в Лондоне цветочных магазинов? Мы можем и не протолкнуться в этой толчее!

– Протолкнемся, если подойдем к делу ответственно и с кардинально новой стороны, – Тим был настроен решительно. – Я разузнаю, с чего надо начинать, каков размер, так сказать, стартового капитала, а ты разведай, какие цветы продаются выгоднее всех, какие актуальны посезонно... Дик, я уверен, что у нас все получится!

И у нас получилось. Не сразу, конечно, но я не буду слишком долго описывать все наши мытарства, мучения, взлеты и падения. Скажу лишь, что со временем мы открыли свой цветочный магазин, окончательно убедившись в том, что цветы лучше выращивать самим, а не зависеть от недобросовестных поставщиков, пытающихся постоянно подсунуть двум неопытным юнцам некачественный товар или задерживающих поставки. Да, в самом начале мы, как и большинство новичков, пошли по наименее рискованному, но и значительно менее доходному пути – ежедневной (или раз в два-три дня) закупки нужной партии товара у оптовых перекупщиков. Но здесь нас поджидал риск приобрести некачественный товар – стебли поломаны, бутоны пожухли – а рассмотреть каждый цветок в отдельности при относительно больших объемах закупки и наличии упаковки просто нереально. Да и хранятся цветы всего несколько дней, так что если не научился разбираться в качестве (а мы, разумеется, еще не научились) – считай, потерял деньги. Пару раз нас вообще надули: деньги взяли, причем наличными, а товар так и не привезли.

В конечном итоге, набив шишек, мы с Тимом взяли в аренду небольшой земельный участок с цветочными оранжереями в деревушке Мосстридж в Харлоу, пригороде Лондона. Оранжереи были предназначены для выращивания роз, тюльпанов, гиацинтов, георгин, нарциссов, крокусов, бальзаминов, что нас полностью устраивало. Ведь успех цветочного бизнеса во многом зависит от того, насколько богат в вашем магазине ассортимент – это мы уловили сразу, причем цветы должны быть актуальны для каждого сезона, должны практически идеально дополнять друг друга. Параллельно мы искали место в Лондоне, где бы располагался наш магазин. От более опытных цветоводов мы узнали, что выбор места торговли – это одно из самых важных условий будущей прибыли. Магазин должен находиться там, где больше всего ходят люди. Ведь пройти мимо цветочного магазина, увидеть красивый цветок и не купить его получается всего лишь у 30 процентов населения (так утверждал Тим, ознакомившись с данными какой-то неведомой мне статистики), а значит, остальные 70 процентов, по его словам, – наши клиенты.

– А если добавить к удачному расположению нашего магазина грамотный сервис обслуживания, различные скидки, акции, гибкие цены, то мы никогда не будем знать, что такое отсутствие клиентов! – энтузиазмом Тима нельзя было не заразиться.

От сведущих цветоводов мы узнали, что магазин может находиться на первом этаже жилого здания, в отдельно стоящем здании, внутри торгового центра и так далее. Магазин, оказывается, – это не просто помещение, а цивилизованная форма торговли цветами, при которой человек может войти внутрь, осмотреться, выбрать букет или попросить составить букет на его вкус. Если еще и цены у магазина вполне приемлемые для покупателей, то посетителей может быть достаточно много. Мы искали место, которое сдавали в аренду для розничного магазина. Все, что нам было нужно, – наличие вокруг офисных зданий или множества жилых домов, отдельный вход и приличный хозяин.

Говорят, дуракам везет, особенно в первый раз. Может, сказано грубо, но это так! Наш сосед по оранжереям в Мосстридже, мистер Генри Паркер, цветовод со стажем, был хозяином небольшого магазинчика на Оксфорд-стрит, и как же удачно совпали его необходимость срочного переезда по семейным делам в Лидс с нашими метаниями в поисках хорошего места! Мистер Паркер продал нам за бесценок свой магазин, сетуя на то, что мы уже взяли в аренду соседские оранжереи: он с радостью избавился бы и от своих. Именно тогда мы с Тимом и убедились, что в мире есть добрые люди, искренне готовые помочь ближнему. Ведь магазин на Оксфорд-стрит – это просто подарок судьбы!

– Для всех цветов очень важны и даже критичны условия хранения, – сказал наш милейший мистер Паркер, когда все документы были подписаны и мы с Тимом стали равноправными собственниками магазинчика.

– Не экономьте на оборудовании, вам нужно установить внутри кондиционер, который будет поддерживать оптимальную температуру, а для свежесрезанных цветов – гастрономический холодильник.

Мы с Тимом ловили каждое его слово. Тим даже записывал.

– Не забудьте о стеллажах в торговом зале и элементарном офисном оборудовании, – продолжал мистер Паркер. – В идеале стоит сразу предусмотреть рабочее место флориста, а значит, закупить и специальные материалы, не говоря о банальной упаковке, которой должно быть много.

– Зачем нам флорист? – удивился я.

Мистер Паркер огульно расхохотался:

– Милые мои мальчики, без флориста вам никак не обойтись! Но поиск профессионала – дело непростое. Ладно уж, помогать так помогать. Есть у меня на примете один паренек, и не смотрите, что молод, он такое вытворяет с цветами – просто загляденье! Творец! Художник! Как раз сейчас ищет место.

– Мистер Паркер, у нас нет слов, – от души я был растроган участием этого в принципе постороннего человека в наших делах. – Как вас отблагодарить за все, что вы для нас делаете?

– Не говорите ерунды, молодой человек, – отмахнулся от меня мистер Паркер. – Когда я вижу, что люди действительно горят делом, которому я посвятил всю жизнь, мне даже как-то радостно: выходит, я не зря живу на свете. Приемников у меня нет и уже точно не будет, поэтому помогать вам обоим мне не в тягость. Запоминайте дальше: чтобы увеличить отдачу вашего цветочного бизнеса и создать дополнительные удобства для посетителей вам придется практиковать доставку букетов, а также сотрудничество со свадебными салонами и оформительскими компаниями. Потому что цветочный бизнес – ярко выраженный сезонный бизнес, и в низкий сезон, например зимой, именно сопутствующие услуги помогают хоть немного компенсировать спад. В общем, включайте вашу фантазию и ищите специалистов, именно они станут решающим конкурентным преимуществом на этом этапе. Так что, помимо возросших доходов, готовьтесь к увеличению отчислений в фонд заработной платы, выделению

отдельного рекламного бюджета, затратам на посещение всевозможных выставок и конкурсов – чтобы постоянно поддерживать необходимый профессиональный уровень. А ведь надо еще регулярно вносить арендную плату за ваши оранжереи, да и базовые вложения в отделку магазина тоже неплохо бы отбить... Так что, дорогие мои мальчики, окупится ваш цветочный бизнес не раньше чем через год-полтора.

– Мы готовы, мистер Паркер, – твердо заявил Тим. – Никакие трудности нас не страшат. Возможно, через несколько лет вы услышите о нас как о королях цветочного бизнеса...

– Бог вам в помощь, ребята! – едва не прослезившись, растроганный мистер Паркер отдал нам ключи от магазина, мы тепло простились с ним, и через пару недель этот чудесный человек навсегда уехал из Лондона, не забыв, правда, об обещанном флористе. Так в нашей команде появился девятнадцатилетний Дэн Нортон, мастер своего дела, несмотря на юный возраст. Наблюдая, как этот паренек раз за разом создает шедевры, мы с Тимом и по сей день благодарим мистера Паркера за это чудо.

В те нелегкие годы и я, и Тим многому учились и многое узнали. Лично я понял, что цветы – это такой товар, который не несет в себе никакой практической пользы, но все же многие готовы отдавать за него большие деньги. Прагматики назовут покупку цветов бесполезной тратой денег, а для романтиков это нечто большее, чем простой подарок – это, если хотите, выражение чувств, эмоций, несказанные слова. Да, именно цветы говорят тогда, когда нам не хватает, казалось бы, самых простых слов. И именно ради покупки цветов многие мужчины готовы пойти на большие траты. Кроме того, цветы создает сама природа, и, как бы ни старался цветовод, все выращенные цветы – это полная копия друг друга. Так что в выращивании довольно трудно превзойти конкурентов. Все это не раз убеждало нас с Тимом в том, как важно грамотное оформление для цветов. Даже незначительное усовершенствование дизайна букета, добавление к нему какой-либо новой мелочи повышает цену на приличную сумму. Хвала Господу за мистера Паркера и за Дэна! Этот парень (он, кстати, тоже был круглым сиротой, поэтому с радостью влился в нашу «семью») обладал необычайно творческим умом, изобретая все новые виды букетов, так что мы с Тимом не переставали удивляться и восхищаться им.

Дни летели стремительно – недели, месяцы, годы... Мы постепенно набирались бесценного опыта и через пару лет прилично возмужали, так сказать, на цветочном поприще. С марта по конец ноября мы выращивали в наших оранжереях розы, одни из самых красивых на свете цветов. Мы уже знали, что у нас в Англии наиболее употребительными для высадки являются три сорта ремонтантных роз: «Ульрих Бруннер Фис» (красная), «Фрау Друшки» (белая) и «Мистрис Джон Лейнг» (розовая). В качестве конкурента сорту «Ульрих Бруннер Фис» существовал чайный гибрид с вишнево-красными цветами – «Ганс Биллерт». Кроме того, также популярны были такие чайные гибриды, как «Каролина Тесту», «Виктория», «Натали Бетнер», «Генерал Мак-Артур», «Лейтенант Шоре», «Луи ван Гутт», «Фишер» и «Хольмс».

Выращивание роз в оранжереях – это целая наука. Полученные от поставщиков саженцы обязательно нужно было подрезать перед высадкой, удалить боковые и слабые побеги; перед посадкой саженцы необходимо опустить на сутки в воду, поскольку при перевозке они теряют влагу. Темноцветные ремонтанты, вроде «Фишер» и «Хольмс», режутся несколько длиннее, чем другие сорта ремонтантов и чайных гибридов, потому что у них при самом основании веток редко бывают цветоносные побеги, высаживая, надо следить, чтобы место прививки находилось на уровне земли, сажать следует неглубоко, чтобы розы пустили корни, иначе будет нарушена равномерность роста. Температура воздуха в оранжерее должна быть на уровне десяти градусов. Розы – тонкие, живые существа; они любят свет, но свет должен попадать на листья, а не на грунт, поэтому необходимо в кратчайшие сроки вырастить надежную защиту из листьев. С листьями тоже нужно быть крайне аккуратным и не удалять их без весомой причины. Верхняя часть куста розы пропорциональна ее подземной части. Чем меньше листьев

над землей, тем слабее корневая система, а это приводит к ослаблению всего растения и, как результат, к плохому качеству цветов либо их полному отсутствию.

Наши оранжереи были достаточно просторными, внутри каждой располагался котел для отопления, а грунты – ящики глубиной около 40 см – мы установили по четыре вдоль оранжереи так, чтобы между ними едва оставалось место для прохода; от стены оранжереи они стояли на таком расстоянии, чтобы воздух мог свободно циркулировать вокруг них. Рам – по три ряда с каждой стороны, причем рамы съемные. С наступлением лета мы снимали их совсем. Весной, когда много солнца, рамы эти приходилось для вентиляции поднимать. В середине августа рамы обязательно необходимо вновь накладывать на оранжерею, так как в грунтах у нас был посажен «Ульрих Бруннер Фис»: если частые дожди станут мочить грунты с этим сортом, то растение станет развивать слишком высокие или длинные побеги, и тогда рост их будет к зиме недостаточно законченным и вызревшим. Это может привести к печальным последствиям: «Ульрих Бруннер Фис» в следующем году опять разовьет очень длинные побеги в оранжерейных грунтах, а цветов не даст. С этим мы столкнулись в первый год.

Грунты мы наполняли хорошей дерновой землей, в меру сдобренной коровьим навозом, а все наши оранжереи со временем были оборудованы системой парового отопления.

Помимо роз, мы выращивали истинно весенние цветы: тюльпаны. Они были не так капризны, как розы, но тоже требовали немало затрат и усилий, особенно это касалось грунта: тюльпаны отлично растут на почве, представляющей собой смесь из 30 процентов земли, 30 процентов песка и 40 процентов перегноя. Высаживали мы луковицы тюльпанов в конце августа – начале сентября, а через месяц после всходов в наших оранжереях начинался период цветения тюльпанов – зрелище необычайной красоты!

В октябре-ноябре мы высаживали мелколуковичные крокусы, садоводы их еще называют весенним шафраном. Зацвели наши крокусы в начале апреля, радуя нас приходом весны. Когда крокусы распускались, они становились похожими на тюльпаны в миниатюре. Окраска наших крокусов была разнообразной: насыщенная желтая, белая, бронзовая, бледно-голубая, лиловая, сиреневая. Также мы выращивали сорта, окрашенные в два цвета: пятнистые и полосатые.

В конце апреля – начале мая у нас зацвели гиацинты. Гиацинт – одно из распространенных луковичных растений. В переводе с греческого «гиацинт» означает «цветок дождей». Мы выращивали разные сорта: белые, розовые, красные, сиреневые, желтые. Гиацинты очень требовательны к почве, влаге и освещению. Почва под посадку гиацинтов должна быстро прогреваться и быть водопроницаемой. Гиацинты любят почвы, богатые кальцием и органикой, легкие и нейтральные. Мы высаживали гиацинты в конце октября, начале ноября. А к Рождеству и Новому году наш магазин, пожалуй, единственный на Оксфорд-стрит, радовал покупателей этими весенними цветами.

Также мы занимались и выращиванием георгин, сравнительно неприхотливых цветов, не требующих трудоемкого ухода: их легко вырастить даже начинающему цветоводу. Научились выращивать и нарциссы: «Голден Гарвест», «Гераниум», «Маунт Худ», «Фловер Рекорд». И почти круглый год в наших оранжереях цвели бальзамины, цветы простые и махровые, с белыми, голубыми, желтыми, красными, розовыми колерами, расположенными на концах побегов в виде зонтика.

Мы с упоением занимались нашим новым делом, которому решили, как и мистер Паркер, посвятить если не всю жизнь, то уж точно ее основную часть. Оказалось, что цветочный бизнес привлекателен не только возможностью получать стабильный доход, но работой в окружении красоты, причем настоящей, созданной своими руками. Это вдохновляло нас, придавало сил даже тогда, когда что-то получалось не так, как хотелось.

Как я уже заметил, годы шли, и спустя семь лет мы с Тимом если не процветали, то уж точно твердо стояли на ногах: магазин приносил хорошую прибыль, Дэн по-прежнему радовал

всех своим талантом флориста, на цветочном рынке нас знали, уважали и даже завидовали. Мы смогли нанять достойного управляющего нашими оранжереями (разумеется, со временем мы их выкупили у арендодателя), нашли профессиональных садоводов, которые теперь работали у нас постоянно, и уже не было необходимости нам самим безвылазно торчать в Моссбридже. Наши счета в банке росли, пусть не так стремительно, как хотелось бы, но все равно ощутимо...

Всё это я вспоминал в тот день, когда ранним утром приехал в наш магазин, чтобы подготовиться к празднованию его семилетия. К этому времени я уже владел небольшим домиком в Камден Боро недалеко от станции Сент Панкрас, где жил в полном одиночестве, не считая приходящей домработницы миссис Ллойд; семьей я пока не обзавелся, хотя легкие романы в моей судьбе иногда происходили. Тим же наотрез отказался переезжать ко мне. Он, такой же холостяк, как и я, снимал квартиру в здании нашего магазина, на втором этаже, объясняя это простым удобством жить и работать в одном месте, не тратя времени на дорогу. Первые годы я еще пытался уговорить его купить дом или все-таки перебраться в мой, но вынужден был отступить перед фанатизмом Тима по отношению к нашему общему делу: он дневал и ночевал в магазине, кроме цветов его, казалось, ничего больше не интересовало.

Внешне мы с Тимом были совсем не похожи друг на друга: я достаточно высокий, 5 футов 14 дюймов, черноволосый, с карими глазами и, как мне искренне хотелось верить, спортивным телосложением, и Тим – непослушные рыжие волосы, веснушки на носу, веселые синие глаза, он был худенький и небольшого роста. Я был выше его почти на голову. Он обладал какой-то удивительной способностью сразу располагать к себе, может, поэтому нам так везло с заключением сделок по работе: переговорами всегда занимался Тим лично, а на мне были наши оранжереи, садовники, высадка цветов, доставка удобрений и прочее. А еще он, несмотря на свой легкий и веселый нрав, был достаточно прагматичен и осмотрителен во всем. Я был менее серьезен и не так дотошен, как мой друг: если что-то в жизни складывалось не по намеченному мной пути, я мог махнуть на все рукой и пойти другой дорогой. Тим никогда бы так не поступил: он всегда использовал все методы, чтобы реализовать задуманное.

К семилетию со дня открытия нашего «Цветочного рая» мне исполнилось тридцать два, Тиму – тридцать шесть лет.

Я толкнул дверь и, сопровождаемый звоном колокольчиков, шагнул внутрь магазина. наших продавцов еще не было: открывались мы в восемь. Однако торговый зал был полностью готов к покупателям: витрины-холодильники утопали в свежих цветах, на центральных стеллажах красовались последние творения Дэна – роскошные букеты, оформленные просто, но изысканно, и спрос на них всегда был велик.

Подойдя к кабинету, я совершенно не удивился, услышав веселый голос Тима, говорившего по телефону: кто еще мог здесь находиться в такую рань?

– Привет фанатикам и трудоголикам! – провозгласил я, плюхаясь в собственное кресло. Тим подмигнул мне и положил телефонную трубку:

– И тебе доброго утра, Дик. Как спалось?

– Отлично, – ответил я. – Ну что, сегодня наш день, а, дружище?

– Конечно наш, – улыбнулся Тим. – Поздравляю с семилетием!

– И я тебя поздравляю. Кстати, у меня сюрприз: в семь часов для нас заказан столик в «Синей птице».

Тим присвистнул:

– Как тебе это удалось?

Замечу, что ресторан на Кингс-Роуд с вышеупомянутым названием считался одним из самых дорогих, элегантных, красивейших заведений, обожаемый даже членами Королевской семьи, и попасть туда без предварительной брони было просто нереально. Поэтому я честно ответил Тиму:

– Заказал столик сразу после Нового года, очень повезло, что был свободный как раз на нашу годовщину.

– Да ты оптимист, – Тим хитро посмотрел на меня. – А если бы мы прогорели?

– Ни за что, – твердо ответил я. – Мы не имели на это никакого права! А особенно после заказанного мной столика.

– Согласен. Эй, Ричард, а жизнь все же классная штука, как ни крути!

Тут нашу беседу прервал Дэн, потом послышались голоса прибывшего персонала, – и праздничный день начался как обычный рабочий. Как и было у нас заведено, в этот день покупателей обслуживали и мы с Тимом; народу было море, поэтому в магазине мы трудились до самого вечера. И лишь в пять часов, лишив себя традиционного чая, передали бразды правления мистеру Бруксу, управляющему, и направились в «Синюю птицу».

Вечер был свеж, еда – превосходна, посетителей в ресторане было видимо-невидимо: дамы в шикарных туалетах сверкали всевозможными драгоценными камнями, их сопровождали не менее элегантные спутники, одетые в дорогие костюмы. По сравнению с ними, мы с Тимом были просто нищими. Да, уровень наших доходов еще не позволял часто посещать такие заведения, поэтому мы от души наслаждались роскошным интерьером, изысканными блюдами и легкой музыкой скрипок...

Вдруг покой и уют окружающей обстановки были нарушены громким раздраженным мужским голосом, доносившимся из-за столика в левом углу зала. Мы с Тимом машинально посмотрели в ту сторону и увидели сидевшего к нам лицом пожилого седовласого господина в элегантном белом костюме, пошитом на заказ. Орлиный нос, грубоватые, но правильные черты лица говорили о его очевидной принадлежности к аристократическому роду, но, несмотря на все это, он не по-джентльменски высказывал что-то гневное своей спутнице, абсолютно не смущаясь ни величием места, где мы все находились, ни тем, что их столик стал центром всеобщего внимания. Его спутница сидела лицом к нему, поэтому со своего места я мог видеть лишь обнаженную спину девушки, облаченной в белое вечернее платье, и ее темно-каштановые волосы, собранные на затылке в изящный узел. Неожиданно она вскочила на ноги, схватила со стола бокал и с размаху грохнула его о пол.

– Надоело! Мне все до чертиков надоело! Хватит с меня! – крикнула она своему спутнику и стремительно прошла между столиков к выходу. Все посетители с интересом смотрели ей вслед. Еще бы! Такие сцены в «Синей птице», наверное, приходилось наблюдать нечасто.

К их столику бесшумно подлетел официант – убрать осколки, пожилой господин раздраженно что-то сказал ему, но своего места, к моему удивлению, не покинул и за своей очаровательной спутницей не помчался. Недовольно оглядев присутствующих, как будто бы это мы помешали ему трапезничать, он принялся за свой ужин.

– Колоритный персонаж, – заметил Тим. – Хотя он вполне может позволить себе орать хоть в Букингемском дворце.

– Ты его знаешь?

– И ты тоже.

Я поперхнулся вином:

– С ума сошел? Да его костюм стоит, наверное, всю нашу годовую выручку!

– Ты в самом деле не узнал его? Странно, ты ведь читаешь газеты!

Я пригляделся внимательней к грубияну в шикарном костюме. Действительно, где-то я уже видел это лицо...

– Адам Кэмпбелл: нефть, недвижимость по всему миру и состояние около десяти миллиардов фунтов стерлингов, – Тим откинулся на спинку кресла. – Неплохо, правда?

– Точно! – воскликнул я, узнавая одного из богатейших людей Англии, если не всего земного шара. – Я читал о нем. Слушай, а на кого это он орал, как думаешь?

Тим пожал плечами:

– Наверное, жена... Хотя постой, его жена вроде умерла год назад. Тогда, быть может, любовница. Мистеру Кэмпбеллу чихать на общественное мнение, при его деньгах он может себе позволить появиться с кем угодно и где угодно.

Не знаю, что на меня нашло, но я решил во что бы то ни стало узнать, кто была эта дама, или хотя бы рассмотреть ее лицо: спина была очень привлекательна. Заметив, что меховое манто спутницы миллиардера так и осталось на кресле, я понял, что она, несмотря на ссору, должна вернуться за столик, поэтому с удвоенным интересом стал наблюдать за входом. Через несколько минут девушка в белом вошла в зал. Я взглянул на нее и умер на месте. Этот момент я запомнил на всю жизнь. Меня как будто током ударило: так она была хороша, ослепительна, божественна! С замершим сердцем наблюдал я за тем, как она, выпрямив спину, с гордо поднятой головой шла к их столику, сопровождаемая восхищенными взглядами всех без исключения мужчин в этом зале.

И было чем восхищаться, скажу я вам! Безупречные, ангельские черты лица, огромные глаза (жаль, я не рассмотрел, какого они цвета), чувственные губы; собранные волосы открывали дивную шею, статные плечи; покрой ее расшитого драгоценными камнями платья демонстрировал тонкую талию, высокую грудь, умопомрачительную фигурку. Девушка была очень молода, на вид я дал бы ей не больше восемнадцати лет, и привлекала какой-то чересчур броской, нетипичной для Англии красотой. Завороженный, я смотрел, как богиня продефилировала через весь зал к своему креслу и грациозно опустилась в него, предоставив мне возможность вновь полюбоваться ее обнаженной спиной.

– Эй, дружище! Очнись! – меня вывел из оцепенения голос Тима. Я вздрогнул и посмотрел на него, возвращаясь к реальности.

– Что с тобой?

– Я люблю ее, – медленно сказал я. – И хочу на ней жениться.

– Ты пьян? – Тим от души веселился. – Хочешь отбить у миллиардера подружку? Да она даже не взглянет в твою сторону! Прости, друг, но такие девушки не для нас, простых смертных.

– Почему это? – обиделся я. – Чем мы хуже?

– Дик, ты что, спятил? Посмотри, какие на ней бриллианты! А манто! Ни мне, ни тебе не по средствам ухаживать за такими девушками, забудь о ней!

Тим был прав, как всегда. Куда мне, простому цветоводу, тягаться с миллиардами Кэмпбелла! С неприязнью смотрел я на то, как моя принцесса положила свою прелестную ручку на руку старикана и, наклонившись к нему, что-то говорила, видимо, примиряющее, потому что лицо Кэмпбелла вдруг расцвело, он довольно улыбнулся и поцеловал ей руку. При этом глядел на свою спутницу с такой нежностью, что меня затошнило.

– Денежный мешок! – пробурчал я.

Тим тоже, оказывается, наблюдал за ними:

– Ну, что я говорил? Видишь, у них все идет на лад: повздорили, помирились. Сейчас он увезет ее домой, а утром подарит новое манто. Проза жизни, мой друг!

И действительно, мистер Кэмпбелл позвал официанта, расплатился по счету, и они встали из-за стола. С тоской смотрел я на то, как миллиардер покровительственным жестом накинул на плечи девушки манто, она взяла его под руку, и они ушли. Моя принцесса и старикан. Красавица и чудовище.

– Пойдем отсюда, – хмуро предложил я.

– Ричард, ты что? – Тим был искренне удивлен. – Портить наш праздник из-за какой-то ерунды? Мало ли на свете красивых девушек!

– Прости, друг, ты прав. Давай тогда хотя бы напьемся!

– Здесь? Да о нас завтра напишут все газеты: два цветовода устроили дебош в «Синей птице» на глазах у высшего света Лондона! Хорошая идея, Дик, от клиентов отбоя не будет! Правда, в этом заведении, боюсь, мы больше никогда не поужинаем.

Я рассмеялся, напряжение было снято. Спасибо Тиму!

Мы посидели еще немного, потом вызвали такси и разъехались по домам.

Уже засыпая, я подумал о том, что моя принцесса в белом сейчас, наверное, лежит рядом со стариком Кэмпбеллом в каком-нибудь роскошном гостиничном номере и слушает его храп. Что ж, каждому свое. Проза жизни, как верно заметил Тим.

Образ девушки в белом преследовал меня и в последующие дни. Я вспоминал обворожительное личико, легкую походку, грацию и изящество ее движений. Не знаю, что это было со мной, может, любовь с первого взгляда, а может, просто наваждение; я даже не знал, как ее зовут, а она и не представляла, что я вообще существую на этом свете.

Это был конец мая. В один из дней после обеда мы с Тимом, как обычно, сидели в кабинете, подбивая выручку за месяц и разбираясь со счетами.

– Давай прервемся, – наконец сказал я. – Схожу принесу нам кофе.

– И захвати что-нибудь перекусить! – крикнул мне вдогонку Тим, не отрываясь от бумаг.

Я вышел на Оксфорд-стрит, не спеша побрел вверх, шурясь от майского солнышка, купил нам с Тимом два стаканчика капучино и сэндвичи и неторопливо пошел назад. Переходя улицу за квартал от нашего магазина, я заметил, как у меня выпал бумажник, который я небрежно нес под мышкой. И выпал неудачно: как раз посреди дороги. Руки у меня были заняты покупками, поэтому, чертыхаясь и стараясь не пролить кофе, я присел на корточки, осторожно поставив бумажные стаканчики на землю. Водители автомобилей, которых я вынудил объезжать меня, недовольно сигналили со всех сторон, но я не обращал на них внимания. Торопливо засовывая бумажник во внутренний карман пиджака, я поднял голову – и увидел несущийся на меня серебристый «Бентли», который, казалось, и не думал сворачивать или хотя бы притормозить. Я вскочил на ноги, и в эту же секунду получил удар бампером. Раздался отчаянный визг тормозов – его я услышал лежа на дороге, о которую хорошенько приложился затылком. Ко мне со всех сторон мчались знакомые торговцы, кто-то кричал:

– Вызывайте полицию! Человека сбили!

Сознания я не потерял, но встать почему-то не получалось. В этот момент я увидел возле своего лица стройные женские ножки в черных туфельках на высоком каблуке; обладательница ножек присела рядом со мной:

– Сэр, простите меня, бога ради, простите! Как вы? Можете подняться?

Я взглянул на нее и оторопел: это была она, моя принцесса! То же прелестное личико, только сейчас оно было белым от испуга. И я наконец-то увидел ее глаза – необычного темно-зеленого цвета, в обрамлении длиннющих черных ресниц; каштановые локоны были распущены до плеч, на принцессе был брючный костюм терракотового цвета, явно от дизайнера с Бонд-стрит. Несмотря на серьезность обстановки, я залюбовался ею. А она, сидя рядом, попыталась положить мою голову к себе на колени, но ее остановил какой-то громила в черном костюме:

– Мисс, лучше его не трогать, мало ли что там...

– Дэвид, вызови скорую! – приказала ему моя принцесса, из чего я сделал вывод, что они, видимо, ехали в одной машине.

– Не надо скорую, – я решил, что пора подать признаки жизни. – Помогите мне подняться.

Вокруг нас уже собралась внушительная толпа, из которой доносились возмущенные возгласы:

– Безобразие! Надо ж так мчаться!

– Вызвал кто-нибудь полицию, в конце концов?

– Простите, сэр, – умоляюще сказала моя принцесса, – я недавно за рулем, я вас сразу не заметила...

– Ничего, мисс, не волнуйтесь, – вымолвил я. Ее громила Дэвид легко поднял меня на ноги и теперь заботливо, как мамочка, поддерживал под руки.

Я обратился к собравшимся:

– Спасибо за участие, со мной все в порядке, не надо полиции! Мы сами разберемся, хорошо?

Люди еще недовольно пошумели и постепенно разошлись. Меня усадили на заднее сиденье «Бентли», принцесса села рядом и приказала Дэвиду:

– Срочно вези нас в больницу!

– В какую, мисс?

– Да все равно! – воскликнула она, нервно кусая губы. – В хорошую, разумеется! Я должна убедиться, что с ним все в порядке.

А со мной и правда все было в порядке: я просто не верил, что все это происходит на самом деле. Но голова немного кружилась, поэтому спорить с ними я не стал и покорно позволил отвезти себя в больницу, которой оказалась клиника «Роял Марсден» на Фулхэм-роуд. Дэвид припарковал роскошный «Бентли» прямо у входа, после чего меня осторожно, как будто я был хрустальный, препроводили в приемное отделение. Чувствовал я себя прекрасно, несмотря на усилившееся головокружение и непонятно откуда взявшуюся тошноту: рядом со мной шла моя принцесса.

– Послушайте, мисс, – у меня чуть было не вырвалось «Ваше высочество». – Может, не стоит? Тем более я без документов и медицинской страховки.

– Ерунда, – отмахнулась она. – Скажите только ваше имя, остальное я улажу.

– Ричард. Ричард Дин, – представился я. – А вас?

– Брэнда, меня зовут Брэнда, – выпалила она и тут же отдала приказ Дэвиду. – Сиди с ним, никуда не отходи! Я скоро!

И умчалась куда-то по белоснежному коридору. Мы с Дэвидом опустились в глубокие мягкие кресла. Перед глазами у меня стояла пелена, по-прежнему тошнило: видно, крепко я стукнулся об асфальт. Но зато я знаю имя моей незнакомки: «Брэнда, Брэнда!» – повторял я про себя. Наверное, выражение моего лица вызвало обоснованное беспокойство у Дэвида, потому что он все так же заботливо спросил:

– С вами точно все в порядке, сэр?

– О, да! – я продемонстрировал ему лучезарную улыбку. – Теперь я совершенно счастлив! вы не представляете, как я рад, что моя мечта сбылась!

– Вы мечтали попасть под машину? – Дэвид посмотрел на меня с какой-то тревогой.

– Что? Нет конечно, просто я...

В этот момент я увидел, как к нам направляется Брэнда, а за ней, едва поспевая, пожилой доктор, как и полагается, в белом халате. Дэвид поднялся им навстречу и что-то шепнул Брэнде, показывая на меня своей огромной ручищей, видимо, призывая ее обратиться и к психиатру тоже. Я уже хотел было вмешаться, но седовласый доктор завладел мною окончательно и бесповоротно. Профессиональным движением оттянув мне веки, он заглянул куда-то внутрь моих глаз, после чего заявил:

– Мистер Дин, я доктор Роджерс. Сейчас вас отвезут в палату, и мы начнем осмотр.

Откуда-то возникли два санитары, меня торжественно уложили на каталку, не обращая внимания на мои слабые протесты, и повезли по коридору. Брэнда шла рядом, накинув на плечи белый халат.

– Послушайте, – я попытался привстать и обратиться к ней, но доктор мягко и вместе с тем настойчиво уложил меня обратно:

– Прошу вас не вставать и не разговаривать, мистер Дин. Не переживайте, вы в надежных руках.

– Что я еще могу для вас сделать? – спросила меня Брэнда. – Может, надо кому-нибудь позвонить?

– Позвонить? – я совсем забыл о Тиме, который, наверное, уже с ума сходит: друг ушел за кофе и не вернулся.

– Если вас не затруднит, – я продиктовал Брэнде номер нашего магазина, – позвоните моему приятелю. Его зовут Тим Грант, мы работаем вместе. Сейчас он, должно быть, голову ломает, что со мной случилось: я всего лишь пошел купить нам кофе.

– Да-да, не волнуйтесь! Я немедленно ему позвоню, а потом загляну к вам, хорошо?

Не дождавшись ответа, моя принцесса развернулась и побежала на своих высоченных каблуках в обратном направлении, на ходу вырывая из своего блокнота лист, куда она записала телефонный номер.

Меня привезли в отдельную палату, где доктор Роджерс простучал меня молоточком, потом медсестра в белоснежной форме взяла кровь, после чего что-то ввела внутривенно, – и я отключился.

Когда я открыл глаза, сразу увидел склонившееся надо мной лицо доктора Роджерса:

– Ну-с, молодой человек, как мы себя чувствуем?

– Чудесно, – ответил я, еще не понимая, где нахожусь, и попытался приподняться.

– Нет-нет! – протестующе сказал доктор. – Покой, полный покой. У вас легкое сотрясение, придется пару деньков полежать у нас.

Я мысленно представил себе счет за лечение и отдельную палату: все-таки лишние траты как-то не входили в мои планы. Наверное, беспокойство отразилось на моем лице, потому что доктор поспешил утешить меня:

– Не волнуйтесь, все расходы ваша подруга взяла на себя. Лежите спокойно. Если все пойдет как надо, послезавтра я вас выпишу. Кстати, она хочет вас видеть.

Он открыл дверь, и в палату вошла Брэнда. В руках у нее был букет сирени. Доктор Роджерс улыбнулся ей и вышел, тактично прикрыв за собой дверь.

– Привет! – она внимательно посмотрела на меня своими бесподобными глазами, поставила букет в вазу и села рядом. – Как вы?

– Отлично, – бодро ответил я, пытаясь принять наиболее импозантный вид, утопая в больничных подушках, – спасибо, что пришли!

– Да я, в общем-то, никуда и не уходила, – смущенно сказала Брэнда. – Вы спали всего пару часов.

Я почувствовал, как у меня бешено забилося сердце: неужели моя принцесса действительно все это время провела у дверей моей палаты?! Невероятно! Уму непостижимо!

– Вы ко всем незнакомым людям так внимательны?

– Только к тем, кого сбиваю.

– И большой у вас список?

– Нет, вы – моя первая жертва.

Мы засмеялись.

– Ричард, – она впервые назвала меня по имени, это было приятно. – Простите меня еще раз. Хочу, чтобы вы знали: ваше лечение я полностью оплатила и еще собираюсь выплатить вам компенсацию, так сказать, за моральный ущерб.

– Не стоит, – ответил я. – Я вообще-то в состоянии сам оплатить все счета.

Она заметно смутилась:

– Я вовсе не хотела вас обидеть, правда! Я знаю, что у вас свое дело, отличный магазин и все такое...

Интересно, откуда она это знает? Не мог же Тим рассказать ей все о нашем бизнесе и устроить экскурсию по магазину? Это как-то на него не похоже.

– Ваш друг скоро будет здесь, – как будто прочитав часть моих мыслей, сказала Брэнда. – Я его еще не видела, но мой охранник поехал за ним сразу после нашего разговора: как я поняла, они сначала заедут к вам домой за вещами, а потом Дэвид привезет его сюда, думаю, уже привез. Не волнуйтесь, мистера Гранта сразу проводят в палату, я договорилась.

Значит, Дэвид – ее охранник! Интересно... От кого же он ее охраняет? А от кого вообще охраняют подружек миллиардеров?

– Ричард, я выписала чек, впишите в него любую сумму, слышите? Любую! Не ограничивайте себя ни в чем.

Она вытащила чековую книжку, оторвала чек и положила его на тумбочку у моей кровати.

– Брэнда, вы что, всерьез думаете, что я возьму ваши деньги?

– Ричард, еще раз прошу: не волнуйтесь так и поверьте, я не хочу вас обидеть. Просто так будет лучше и вам, и мне, – она испытующе посмотрела на меня. – Если вы решите обратиться в суд...

А-а, вот что так тревожило мою принцессу! Огласка. Конечно, миллиардеру Кэмпбеллу, наверное, не очень-то улыбалось попасть на первые полосы газет, если бы я подал на его подружку в суд.

– Я не намерен обращаться ни в полицию, ни в суд, – твердо сказал я Брэнде.

– О, Ричард, я вовсе не это имела в виду... – запротестовала она, но в ее взгляде явно читалось облегчение. Почему-то меня это задело.

– Даю вам слово. Можете больше не торчать у дверей палаты. И заберите ваш чек, – довольно грубо сказал я.

И вдруг моя принцесса заплакала, закрыв лицо ладонями. Мне стало невыразимо, жутко стыдно:

– Брэнда, дорогая, простите меня! Я хам и негодяй, и меня нужно было додать вашей машиной! Обещайте, что обязательно сделаете это, когда я выпишусь!

Она подняла голову и улыбнулась сквозь слезы:

– Вы такой милый! Извините меня. Вы, верно, думаете, что я чудовище, которое заботится только о себе, но это не так! Поверьте мне, пожалуйста!

Она наклонилась ко мне и совершенно естественно взяла меня за руку. Я абсолютно не возражал.

– Ричард, сейчас не время и не место для подобных откровений, но обещайте, что поужинаете со мной, когда поправитесь!

– С удовольствием! Доктор Роджерс сказал, что выпишет меня послезавтра, вот тогда мы и поговорим.

– Позвольте, я заеду за вами в больницу?

– Идет. Хотя это и не в моих правилах: обычно я предпочитаю сам заезжать за хорошенькими девушками.

Она улыбнулась:

– Нет, вы все-таки душка!

В этот момент дверь палаты распахнулась и к нам буквально ворвался Тим:

– Дик, я тебя сам сейчас перееду! Какого черта?!

Он запнулся, изумленно глядя на Брэнду.

– А она что здесь делает? Как ты ее нашел?

– Тим, дружище, я так рад тебя видеть! – радостно сказал я. – Проходи, присаживайся. Со мной, как видишь, все в порядке.

– Объясни немедленно, что тут у вас происходит, – потребовал Тим. – И в первую очередь меня интересует, как ты ее нашел?

– Простите, мистер Грант, – вмешалась Брэнда, – я чего-то не понимаю... Это я вам звонила. Так уж вышло, что я сбита Ричарда, потом привезла его сюда, а Дэвида отправила к вам. Так что это я вас нашла, а не Ричард меня.

– А ваш друг тоже здесь? – не унимался Тим, словно не обращая внимания на знаки, которые я ему отчаянно подавал.

Брэнда недоуменно уставилась на него:

– Какой друг? Дэвид? Конечно, он здесь, ждет возле палаты.

– Тим, ты привез мои вещи? – завопил я, показывая ему кулак из-под одеяла.

Тим пожал плечами:

– Ладно, не мое это дело, потом расскажешь. И вообще я собирался тебя убить! Сейчас и займусь этим.

– Пожалуй, я пойду, – сказала Брэнда. – Выздоровливайте, Ричард, я загляну позже.

Она вышла, и Тим сразу набросился на меня:

– Отвечай немедленно, негодяй! Как тебя угораздило пойти за кофе и чуть не отправиться на тот свет?!

– Успокойся, все не так страшно. Я просто выронил бумажник посреди дороги, а тут Брэнда на своем «Бентли». Понимаешь, она недавно водит и чуть-чуть задела меня бампером, а головой я ударился сам, когда падал.

– Слава Богу, живой остался, – Тим все еще был возмущен. – Надеюсь, ты это ей с рук не спустишь? Надо обратиться в полицию и в суд: кто дал ей право переезжать людей? Пусть отвечает за свои действия!

– Ни за что! Тем более она уже оплатила мое лечение и даже собирается выплатить компенсацию. Вот чек, смотри, сумму я могу вписать сам!

Тим повертел в руках пустой чек, оставленный Брэндой на тумбочке:

– Что за странная подпись? Ты видел? Как, говоришь, ее имя?

– Брэнда.

– А дальше?

Я нахмурился:

– А дальше я не знаю, она просто сказала «Брэнда».

– И в чеке ни черта не разобрать! Ну и почерк!

– Да ладно тебе, Тим, я все равно не собираюсь брать ее деньги. Дай сюда чек.

Тим передал мне чек, и я торжественно разорвал его на мелкие клочки.

– Ну и дурак, – заявил мой друг. – В конце концов, ты действительно заслужил возмещение морального ущерба.

– Ты что, не понимаешь? Я уже его получил. Ведь я познакомился с девушкой моей мечты. А послезавтра мы с ней ужинаем!

– А третьего дня твой труп выловят в Темзе, – Тим даже покрутил мне пальцем у виска. – Ты соображаешь, чья она подружка? Видел ее охранника?

– Не драматизируй, все будет хорошо, у меня предчувствие.

– А у меня предчувствие, что тебе неверно поставили диагноз: не может быть у человека сотрясения того, чего в голове просто нет! Ладно, лежи, а я пойду побеседую с доктором.

Я лежал в своей палате, смотрел на букет, принесенный Брэндой, и был счастлив, как мальчишка: неужели моя мечта сбывается?

Почти все завтрашнее утро меня осматривали всевозможные доктора, я опять сдавал кучу непонятных анализов, хотя чувствовал себя превосходно, голова уже не болела и не кружилась. К вечеру мне в палату позвонила Брэнда, извинилась, что не смогла заехать за целый

день, и заверила, что завтра заберет меня, как мы и договаривались. Я позвонил Тиму и сообщил, что встречать меня не надо, так как мы ужинаем с Брэндой.

– Все это мне не нравится, Дик, – продолжал отговаривать меня Тим, – оставь ее в покое, пока не поздно.

– Никогда! Как я могу отступить, когда моя мечта вот-вот осуществится?

– Ага, осуществится, как же, – хмыкнул Тим в телефонную трубку, – а потом вы с ней поженитесь и будете вместе, пока смерть не разлучит вас?

– Пока смерть не разлучит нас, – твердо заявил я, сам не ведая, насколько близко к истине прозвучали эти мои слова.

На следующий день я простился с доктором Роджерсом, медсестрами и в шесть часов вечера вышел из клиники. У входа меня ждала Брэнда за рулем своего шикарного «Бентли», благодаря которому мы, собственно, и познакомились. Дэвида с ней не было.

– Привет! – Брэнда улыбнулась мне, словно старому знакомому. Это было приятно. – Выглядите отлично! Как самочувствие?

– Привет, – ответил я, любуясь ею. – Все в полном порядке, спасибо вам.

– Скажете тоже, – Брэнда покачала головой. – Можно я попрошу вас сесть за руль?

Я не возражал. Завел двигатель и вопросительно посмотрел на нее:

– Куда изволите, мисс?

– Абсолютно неважно. Лишь бы народу было поменьше.

Я кивнул и повез ее в свой любимый паб недалеко от дома. В дороге Брэнда болтала без умолку, жалуясь на то, как непросто дается ей вождение, хотя она всегда мечтала водить автомобиль; в тысячный раз извинялась за произошедшее, радовалась хорошей погоде... Я большей частью отмалчивался, с улыбкой слушая ее щебетание и все еще не веря, что вот она, рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки – и все же так далека от меня!

В пабе никого не было. Я усадил Брэнду за дальний столик и подошел к барной стойке.

– Добрый вечер, мистер Дин! – поприветствовал меня знакомый бармен Пол. – Вам как обычно?

– Здравствуй, Пол, – кивнул я. – Один martini и виски со льдом вон за тот столик.

Про себя я решил, что вызову Брэнде такси, а ее «Бентли» мы оставим под охраной Пола. Бармен подмигнул мне, показывая украдкой на Брэнду:

– Красивая леди!

– Да, красивая, и она действительно леди, – строго сказал я ему.

Пол смутился:

– Что вы, мистер Дин! Я совсем не это имел в виду! Повезло же вам.

– Повезло так повезло, – ответил я и вернулся к Брэнде.

Она сидела, изящно сомкнув руки под подбородком. На ней было длинное темно-зеленое платье под цвет ее глаз, в ушах сверкали такие же зеленые камни – настоящие изумруды, не иначе. В свете лампы, висевшей на стене за нашим столиком, ее локоны отливали янтарем. Не девушка, а мечта!

– Я заказал martini, – сообщил я Брэнде, присаживаясь напротив. – Надеюсь, вам уже есть двадцать один год? Извините, что спрашиваю о возрасте, но таковы правила. Вон, видите бармена? Его зовут Пол, и он строго придерживается закона, сказал, что не нальет вам ни капли, пока не узнает ваш возраст.

Вообще-то мне самому было очень интересно, сколько ей лет. Брэнда покраснела:

– Честно говоря, мне двадцать. Но очень скоро будет двадцать один. Может, вашему суровому бармену лучше об этом не говорить? Обещаю сильно не напиться.

– Не знаю, не знаю, – сдерживая улыбку, сказал я. – Бармену полагается предъявить документ, удостоверяющий личность. Но я с ним давно знаком, попробую воспользоваться этим обстоятельством!

Брэнда подозрительно покосилась на меня и вдруг расплылась в улыбке:

– Эй, да вы шутите? А я чуть не поверила!

Мы расхохотались вдвоем. Тут Пол принес выпивку, Брэнда подняла свой бокал:

– За вас, Ричард! За ваше понимание и ваше здоровье!

Мы чокнулись. Потом посмотрели друг на друга и почему-то снова рассмеялись.

– Здорово, правда? – воскликнула Брэнда. – Сидим тут, как старые приятели, просто и хорошо! Я так рада!

– Я тоже рад, – ответил я совершенно искренне и одновременно раздумывая, как бы спросить ее про миллиардера Кэмпбелла, но не решался заговаривать на эту щекотливую тему.

– Слушай, Дик... – начала Брэнда и вдруг запнулась, смущенно глядя на меня. – Ничего, что я на ты? Как-то само вырвалось.

– И очень правильно вырвалось! – ответил я. – Я не возражаю, а учитывая обстоятельства нашего знакомства, мы вполне можем перейти на ты безо всяких церемоний! Давай за это и выпьем.

Мы снова подняли бокалы, но не успели даже чокнуться, как вдруг в паб буквально влетел Дэвид. Брэнда вздрогнула и чуть не пролила свой мартини.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела она, гневно сверкнув глазами. – Я же запретила ехать за нами!

– Простите, мисс, – у громаилы был очень виноватый вид и говорил он тихо и торопливо. – Но это все мистер Кэмпбелл, он приказал найти вас, и сам сейчас появится, я еле успел предупредить вас. Простите еще раз! – он умоляюще посмотрел на Брэнду, из чего я сделал вывод, что он, в принципе, неплохой человек, раз дорожит ее дружбой.

Брэнда нахмурилась:

– Ладно, иди уже, как-нибудь справлюсь.

– Нет-нет, мисс, я вас не оставлю. С вашего разрешения, я подожду на улице. Извините, мистер Дин!

Он вышел и в дверях буквально столкнулся с самим мистером Кэмпбеллом. Мы с Брэндой даже не успели перекинуться парой слов, как разъяренный миллиардер подлетел к нашему столику.

– Что ты тут делаешь, Брэнда?! – от его громкого голоса содрогнулись стены паба. Пол с опаской выглянул из-за стойки. Хорошо еще, что никого из посетителей не было.

– Что она тут делает? Пьет мартини и приятно проводит время, – вежливо ответил ему я. Кэмпбелл смерил меня таким презрительным взглядом, как будто перед ним был не человек, а насекомое.

– Вас никто не спрашивает! Потрудитесь встать и выйти вон!

– Ага, сейчас, – кивнул ему я. – Только досмотрю представление до конца.

– Дик, не надо, я сама, – тихо сказала Брэнда, встала из-за столика и обратилась к Кэмпбеллу. – Пойдем, не надо устраивать сцен на людях, – с достоинством прошествовала она к выходу.

Кэмпбелл направился за ней. В дверях Брэнда обернулась и крикнула:

– Дик! Я сейчас вернусь, закажи мне еще мартини.

Что мне нужно было сделать? Пойти за ними? Набить ее любовнику морду прямо у паба? Я чувствовал себя омерзительно. Одним махом допив виски, попросил Пола повторить. Когда он принес мой стакан и свежий бокал мартини, вернулась Брэнда.

Она села на свое место, бледная и расстроенная, залпом выпила мартини. Махнула Полу пустым бокалом и обратилась ко мне:

– Прости, Дик, это было ужасно. Но теперь все в порядке, он уехал, так что, надеюсь, эта безобразная сцена не испортит нам вечер. Правда же?

– Вы расстались? – бесцеремонно спросил я. – Вернее, ты его бросила?

Брэнда изумленно уставилась на меня:

– Кого?!

– Твоего сердитого друга, – меня прорвало, и я никак не мог остановиться. – Кстати, я видел вас недавно, в «Синей птице», и там вы тоже ругались, ты даже грохнула бокал, жаль, что не в него. Потом помирились, ты, кажется, даже просила у него прощения. Между прочим, я знаю, как его зовут и насколько он набит деньгами. Это твое дело, конечно, но, может, не стоит из-за одного вечера со мной порывать с таким богатым дружкой? Я не настолько обеспечен, говорю сразу.

Брэнда сидела, откинувшись на спинку стула, и продолжала смотреть на меня, как на ненормального, причем в глазах ее было столько неподдельного изумления, что я замолчал. И так наговорил лишнего.

– Дик, это был мой отец, – наконец, сказала она. – Родной отец, понимаешь? А ты подумал...

Тут она стала хохотать, громко, на весь паб. Я сидел, сраженный наповал ее словами. Отец! Боже мой, а с чего мы с Тимом взяли, что это ее любовник?! Идиоты! Кретины! Болваны! Я почувствовал, что сейчас провалюсь под землю от стыда.

– Брэн, милая, прости меня! – с отчаянием сказал я. – Я же говорил, что я хам и негодяй, а теперь можешь считать меня еще и законченным дебилом, ослом и кем только захочешь! Пойдем, ты еще раз переедешь меня своим автомобилем, но на этот раз основательно!

А она все смеялась, не в силах остановиться.

– Ну и ну, – выдохнула Брэнда. – Это же впервые в жизни! За это стоит еще выпить! Ну почему, скажи, пожалуйста, ты решил, что мой отец... – и она снова стала хохотать.

– Почему, почему, – я не знал, что ей ответить. – Решил не только я, но и Тим: мы с ним вдвоем ужинали в «Синей птице», когда я тебя впервые увидел с этим... твоим отцом. Не знаю, почему мы так подумали. Я же никогда не слышал, не читал нигде, что у Адама Кэмпбелла есть дочь, вот и все! Твой отец прячет тебя ото всех?

Брэнда замолчала, задумчиво глядя на меня сквозь бокал:

– Да, прячет. В прессе никогда обо мне не упоминалось и не будет упоминаться: об этом папа тщательнейшим образом заботится. Я его единственная дочь, его наследница, его сокровище, он бережет меня как зеницу ока. Именно поэтому мы частенько спорим, именно поэтому за мной везде таскается Дэвид, хотя я к нему уже привыкла: он мне вроде подружки.

– Ты простишь меня? – виновато спросил я.

– Конечно! – она снова улыбнулась. – Ты такой милый, правда. Я так рада, что чуть не задавила тебя, Дик!

Оригинальный комплимент от девушки! Тем не менее я был тронут ее словами и чертовски рад, что Адам Кэмпбелл – ее отец. Хотя так ли это здорово? Неужели он позволит мне, простому смертному, встречаться с его дочуркой? Я решил подумать об этом позже, тем более Брэнда сейчас сидела со мной, улыбалась вполне счастливо и продолжала изливать мне душу:

– Я так рада, что мы познакомились, – говорила она. – Ты не представляешь, что значит быть дочерью моего отца, Дик. Как однообразна и скучна моя жизнь: постоянно какие-то закрытые приемы, банкеты только для избранных, только для своих – таких же, как папа. И я обязана на них присутствовать, вести себя как леди, и все это только ради того, чтобы найти себе выгодную партию. Как мне все это надоело! Пока мама была жива, – тут ее глаза наполнились слезами, но она взяла себя в руки, – она еще хоть как-то пыталась бороться с отцом за мои права, но после ее смерти... Да я его не виню, я знаю, как сильно он меня любит. Я тоже его люблю, но нельзя же так, Дик! С удовольствием я поменяла бы свою судьбу на судьбу простой секретарши. Папа запрещает мне даже учиться где-нибудь: не дай бог, у меня случится студенческий роман с каким-нибудь оборванцем (это он так говорит), поэтому я всю жизнь на домашнем обучении. Это ужасно, Дик, ужасно! А ведь мне уже двадцать! Жду не дождусь

своего совершеннолетия. Папа обещал подарить мне свой дом, обычно он всегда держит слово, и я уверена, что выполнит обещанное. Тем более я вряд ли буду жить в этом доме совсем одна: уверена, что он наймет огромный штат прислуги и охраны, а сам будет каждый день приезжать в гости... Прости, Дик, что я все это на тебя вывалила, но мне так не хватает обычного человеческого общения, друга, с которым я могла бы вот так легко, как с тобой, поговорить, рассказать все. Я хочу просто жить, понимаешь?

– Брэн, родная, – и как у меня это вырвалось? – Я все понимаю. Может, у меня получится стать для тебя таким другом?

Ее прекрасные печальные глаза потеплели:

– Это лучшие слова, какие я слышала в жизни! Спасибо тебе!

Это было так просто: Дик и Брэн. Брэн и Дик. Мы оба это прочувствовали и одновременно улыбнулись друг другу.

– Не будем больше о грустном, хорошо?

– Договорились. Дик, расскажи, пожалуйста, о себе и Тиме: мне известно только то, что раскопал о вас Дэвид, – она виновато посмотрела на меня. – Не сердись, но я же должна была знать, кого сбила!

Я погрозил ей пальцем:

– Ай-ай-ай, мисс Кэмпбелл! Нехорошо вмешиваться в частную жизнь простых граждан.

– Больше никогда не буду! – торжественно поклялась Брэн. Мы рассмеялись. Потом я рассказал ей о нашем цветочном бизнесе, и она нашла это очень романтичным занятием. Да-да, именно так и сказала: «Как романтично, Дик! Какая прелесть!» А когда я описывал цветение роз, гиацинтов, тюльпанов в наших оранжереях, она схватила меня за руку и воскликнула:

– Обещай мне! Обещай немедленно! Ты свозишь меня в Моссбридж и покажешь все это сам!

– Обещаю, – ответил я.

Это был чудный вечер: мы многое узнали друг о друге. Я убедился, что Брэнда совершенно нормальная девушка, не испорченная богатством своего отца, что она любит читать, прекрасно играет на рояле, предпочитает Шопена всем остальным композиторам, обожает море, лето и сирень.

– Почему именно сирень? – во мне проснулся профессиональный интерес: мы с Тимом сирень не выращивали.

– Не знаю, – сказала Брэнда. – В ее цветах есть нечто загадочное: нежное и вместе с тем грустное. А ты что можешь сказать о сирени?

О сирени я мог рассказать многое, не зря же столько лет занимаюсь цветами.

– С чего начать? – задумался я. – Знаешь ли ты, что родиной сирени называют то Персию, то Балканы. Именно из Персии она и попала в Европу в виде щедрого подарка императору Фердинанду I от турецкого султана Сулеймана Великого в середине XVI века. А первое ботаническое описание сирени сделал итальянец Маттиоли в 1565 году.

– Ого! – Брэнда смотрела на меня с уважением. – Ты просто ходячая энциклопедия.

– А то, – гордо ответил я, польщенный ее комплиментом, и продолжил. – Вскоре сирень попала в Англию и поселилась в парке Елизаветы. Но у нас сирень почему-то считается цветком печали и несчастья – это ты верно почувствовала. Старая английская пословица говорит, что тот, кто носит сирень, никогда не будет носить венчальное кольцо.

– Правда? – Брэнда совершенно по-детски испугалась. – Совсем-совсем никогда?

– Не бойся, глупышка! – успокоил я ее. – Это всего лишь пословица.

– Мне больше не нравится сирень, – Брэнда была очень расстроена. – Ну ее! Вместе с печалью и несчастьями.

Так мы и проговорили с ней почти до полуночи. Несмотря на разницу в возрасте – как-никак двенадцать лет! – мы с Брэндой понимали друг друга с полуслова, говорили на одном

языке. Это было здорово. Это пугало. Я отдавал себе отчет в том, что влюбляюсь в девушку, которая вряд ли когда-нибудь будет моей. Именно эти нехорошие мысли обуревали меня, когда мы с Брэндой вышли из ее «Бентли» (за рулем был ожидавший нас у паба Дэвид) в Мэйфере – самом роскошном жилом районе Лондона, а как иначе? – и пошли пешком по Грин-стрит к ее дому. Дэвид медленно ехал за нами на почтительном расстоянии.

Шли мы молча, наслаждаясь тишиной и прохладой майской ночи. О чем думала Брэнда, я мог только догадываться. А я с нарастающим чувством злости думал, что Тим был полностью прав, хотя не знал на тот момент истины, что ничего путного из наших отношений не выйдет. Да, я полюбил Брэндю, и в этом уже не было ни малейших сомнений, но зачем я пообещал быть ей другом? Это же ложь, я никогда не смогу быть ей просто другом! А на большее, видимо, не стоит и рассчитывать: куда уж мне тягаться с ее отцом... Да он раздавит нас с Тимом как клопов, если я только зайнусь об отношениях с его дочерью.

Вероятно, все эти тревожные мысли отразились у меня на лице, потому что Брэнда вдруг спросила:

- Что с тобой? Что-нибудь случилось?
- Да, – довольно резко ответил я, – все совсем не так, как надо!
- Извини, – тихо и удивленно сказала Брэнда. – А что конкретно случилось?
- Ничего не случилось, успокойся, – так же резко сказал я.

Она замолчала, и мне тут же стало неловко за свою нелепую грубость. В это время мы подошли к роскошному трехэтажному особняку с чугунными резными воротами, увитыми виноградным плющом, и я еще острее ощутил, как далека от меня Брэн, моя принцесса!

Мы остановились у калитки. Дэвид открыл ворота, кивнул мне и въехал во двор.

Брэнда молчала, а я просто не мог посмотреть ей в глаза, стоял, уставившись в землю, не зная, что сказать, как объяснить свой внезапный припадок. И вдруг она рассмеялась. Звонко и весело. И шагнула ко мне.

– Боже мой! Какой же ты глупый! Такой взрослый и такой глупый! – прошептала она, и я ощутил вкус ее поцелуя на своих губах. Я остолбенел. А когда пришел в себя, ее уже не было.

Только тихонько скрипнула калитка...

На следующее утро я приехал в магазин в каком-то лихорадочном состоянии. Больше всего на свете мне хотелось побыть одному, запереться в кабинете и вспомнить до секунды вчерашний вечер, проведенный с Брэндой. Я осознавал, что произошло чудо, но не мог до конца в это поверить: неужели сказочная принцесса равнодушна к простому цветоводу? Или мне все привиделось вчера, у ее калитки?..

В общем, мне необходимо было хорошенько пораскинуть мозгами, все продумать. И меньше всего на свете мне хотелось разговаривать с Тимом: я был уверен, что стоит ему взглянуть на меня, и тайное сразу станет явным; Тим знал меня, по-моему, гораздо лучше, чем я сам.

Увы, но разговора с Тимом мне избежать не удалось. Когда я приехал, он, естественно, уже сидел за своим столом в нашем общем кабинете.

– Доброе утро, мой самый лучший в мире друг! – широко улыбаясь, поприветствовал я его.

Тим подозрительно хмыкнул:

- Так. Выкладывай, что там у вас вчера произошло.
- Тим, можешь выслушать меня спокойно и дать вразумительный совет? Это важно.
- Если важно, то конечно могу. Рассказывай.

И я рассказал ему все. По мере того, как я говорил, лицо Тима все больше мрачнело. А когда я дошел до поцелуя, он нахмурил брови еще сильнее.

– Короче говоря, я люблю ее. А если и она испытывает ко мне хотя бы что-то подобное, то я самый счастливый на свете человек! А на ее папашу мне плевать. Что скажешь? Рад за меня?

Тим помолчал некоторое время. Потом встал, открыл жалюзи на окне кабинета и повернулся ко мне.

– Дик, ты мой друг, брат, мой единственный родной человек на земле, и тебе об этом известно. Не перебивай сейчас, послушай. Я рад, безусловно, что мой товарищ наконец-то познал любовь, я даже горд, что ты способен испытывать такие сильные чувства, пора бы! Но вот объект ты выбрал не совсем удачный. Да, твоя принцесса, безусловно, чертовски хороша, с этим не поспоришь. Но что вас ждет дальше? Допустим, что ее вчерашнее проявление эмоций в твою сторону – это начало чего-то серьезного, а не просто благодарность за вечер, проведенный в обществе умного взрослого мужчины.

– Еще скажи: красивого, – не удержался я.

– Помолчи. Дальше. Как я понимаю, Кэмпбелл почему-то, и мне пока неясно, почему, собственно говоря, старательно прячет от мира свою красавицу дочь, поэтому всякая огласка, связанная с ней, для него будет явно нежелательна. Особенно если эта огласка связана с наездом на пешехода. А если такое теплое расположение к тебе со стороны Брэнды – всего лишь грамотный ход в их общей с отцом игре? Она-то явно понимает, что ты увлекся ею серьезно и не сможешь отказать ей в просьбе не подавать на нее в суд. И вспомни тот незаполненный чек... Не думаешь ли ты, что тебя хотели купить?

– Да ты что, Тим! – возмутился я. – Я вообще не думал ни о каком суде, пока она сама мне об этом не сказала, и, разумеется, я не собирался и не собираюсь никуда обращаться!

– Вот именно. Тебе бы еще латы и доспехи – вылитый рыцарь. К сожалению, Дик, это уж очень явно бросается в глаза. Видимо, у тебя к ней и правда серьезно.

– Если хочешь знать, я счастлив, что она меня сбила. В противном случае мы с ней вообще могли не встретиться на этой Земле!

– И это было бы здорово. Не перебивай! Я хочу надеяться, что все-таки в столь юном возрасте твоя принцесса еще не может быть такой расчетливой и испорченной, невзирая на гены, поэтому давай допустим, что ты ей понравился, понравился как мужчина.

– А я что, не могу понравиться? – обиделся я.

– Да помолчи же! Можешь! Дело не в этом. Итак, исключаем поцелуй в знак благодарности за вечер, исключаем вариант задуривания твоих мозгов с целью отвлечения от судебных процессов... Что остается? Ты ей нравишься. Не знаю, насколько серьезно это у нее, но давай представим, что серьезно.

– Давай! – я закрыл глаза. – Уже представляю, я в полном восторге!

– Дурачок! – Тим смотрел на меня с жалостью. – Ты лучше подумай, что дальше с вами будет!

– Я понимаю, что будет нелегко, – медленно сказал я. – Но уверен, что вдвоем, если она действительно испытывает ко мне что-то, мы сможем противостоять трудностям. В конце концов, ее отец тоже человек и должен будет понять нас.

– Понять и принять – вещи разные, Дик. Я много слышал о мистере Кэмпбелле, и, к сожалению, мало приятного: это человек жесткий, даже жестокий. Всех, кто у него в немилости, он, не задумываясь, стирает с лица земли, уж не знаю, в буквальном смысле слова или нет. Именно поэтому мне все это так не нравится.

– Не будь таким пессимистом, Тим, все будет чудесно. Ты еще станешь моим шафером на нашей свадьбе!

На этом наш разговор и закончился, мы занялись рабочими делами. После обеда я набрался смелости и позвонил Брэнде – свой номер она оставила мне вчера. К телефону подошла она сама, а не седой дворецкий с бакенбардами, как мне представлялось.

– Алло! – ее голос был так близко, что я слышал ее дыхание и почему-то сильнее прижал трубку к уху.

– Привет, это я, Ричард. Помнишь меня?

– Тебя забудешь, – негромко рассмеялась она. – Привет!

– Как ты? Как папа?

– Папа в ярости, но это его обычное состояние, поэтому я пытаюсь не обращать на него внимания.

– Значит, мы сможем увидеться сегодня?

– Конечно! Где?

– Если ты не против, я заеду около семи, погуляем по парку.

– Хорошо, буду ждать тебя.

Мы перекинулись парой совершенно невинных фраз, и никто из нас так и не решился заговорить о вчерашнем. Что думала Брэнда, я не знал. И не хотел разрушить каким-нибудь нелепым вопросом то, что только-только зарождалось между нами. Договорившись о встрече, мы оба повесили трубки.

Этот вечер я буду помнить всегда. Попросил Дэна сотворить какой-нибудь шедевр, он, не задав ни единого вопроса, тут же собрал шикарный букет из гиацинтов и белых роз, я взял его и заехал за Брэндой. Она, как ребенок, обрадовалась моему букету и пришла в еще больший восторг, когда узнала, что это – наша продукция в чистом виде. Выглядела Брэнда прелестно: на ней была шелковая белая блузка, длинная ярко-красная юбка, на шее – нитка жемчуга. Только вот была моя любимая немного бледной, а под глазами залегли синие круги.

– Плохо спала, – объяснила она, – не обращай внимания.

И мы поехали на прогулку в Гайд-парк. Дэвид почему-то за нами не последовал, что меня удивило.

– Что ты с ним сделала? – спросил я. – Переехала автомобилем?

– Нет, – засмеялась Брэнда. – Просто попросила не мешать нам. Дэвид в общем-то неплохой – по сравнению с предыдущими моими надзирателями. Поэтому он сделал вид, что поехал за мной, а сам занялся своими делами. Правда, если папа узнает, не сносить ему головы, но я Дэвида не выдам.

Мы медленно шли по аллее. У меня в голове метались разные мысли, но я никак не мог ухватить ни одну из них, чтобы начать разговор о вчерашнем вечере.

– Дик, мне нужно сказать тебе что-то важное, – неожиданно начала Брэнда. – Но я не знаю, как ты к этому отнесешься... Давай присядем!

Мы сели на скамейку. Немного помолчав, Брэнда положила цветы рядом с собой и продолжила:

– Меньше всего на свете я хочу показаться тебе легкомысленной и избалованной папиной дочкой, у которой ветер в голове. Вчера я кое-что себе позволила по отношению к тебе, – она покраснела. – Не думай, что я так веду себя с каждым мужчиной. Наверное, я повела себя неприлично, но я не знаю, как это объяснить, тем более что мы знакомы не так давно. В общем, извини меня за вчерашнее.

– Как ты можешь извиняться за то, что сделала меня вчера очень счастливым? – тихо спросил я, глядя на нее. Она опустила глаза, зачем-то изучая свои туфельки.

– Я рад, что ты первой начала этот разговор, – медленно сказал я. – Хотя мужчина здесь вроде бы не ты, но, видишь ли, я впервые в жизни не знаю, как себя вести. Ты ведь еще совсем ребенок, и мне совсем не хочется обидеть или напугать тебя.

– Я не ребенок, – она пронзила меня взглядом своих зеленых глаз. – Можешь не щадить меня, давай! Скажи прямо, что я тебе не нравлюсь, и покончим с этим!

Она смотрела в упор, прожигая насквозь своими горящими глазами, нервно теребя кружевной манжет блузки. Меня захлестнула волна радости и нежности.

– Брэн, милая моя, ты не представляешь, как я счастлив!

– Ты не ответил, – упрямо сказала она. – Я тебе нравлюсь или нет?

– Я люблю тебя, – просто сказал я. – Люблю всем сердцем. И можешь не верить, но это со мной в первый раз.

Она всхлипнула и бросилась мне на шею:

– Ох, Дик! А я так боялась, что напугала тебя своим порывом. Но я тоже тебя люблю, правда! Поцелуй меня!

И мы целовались, целовались и целовались на той скамейке, не обращая внимания на окружающих. Я узнавал ее губы, мягкие, податливые и в то же время требовательные; ее волосы на ощупь оказались гладкими, как шелк, и я зарывался в них, вдыхал их аромат, целуя ее лицо, шею, бормоча ее имя. Потом вдруг она отстранилась от меня и испуганно огляделась вокруг.

– Дик, я боюсь!

Я постепенно пришел в себя.

– Не волнуйся, твоего отца здесь нет... Если хочешь, пойдем поужинаем где-нибудь?

– Пойдем, – согласилась она, поправляя волосы.

Не забыв о букете, мы встали со скамейки и, взявшись за руки, пошли к моей машине. Я привез Брэнду в уютный итальянский ресторанчик «Зафферано» в Белгравии. Сделав заказ, мы посмотрели друг на друга смеющимися глазами. Мы понимали все без слов, – и это было удивительно!

– Странно, да? – спросила моя любимая. – Я всегда думала, что люди, прежде чем полюбить, должны хорошо изучить друг друга, по крайней мере быть долгий срок знакомыми, чтобы знать все достоинства и недостатки, чтобы подойти к этому серьезно, рассудительно. А я... я просто потеряла голову! Разве так бывает, Дик?

– Как видишь, бывает, – ответил я. – Я понял, что люблю тебя, когда ты разбила бокал в «Синей птице», – и заметь, при этом я даже еще не видел твоего лица. А ты говоришь про годы знакомства! Наверное, это чувство от нас не зависит, оно просто приходит сразу, в один миг, и мы действительно теряем голову.

– А если бы я не наехала на тебя? – испуганно спросила Брэнда. – Мы что, никогда бы не познакомились?! Ведь в «Синей птице» я тебя вообще не видела!

– Не знаю, родная, может быть, и не познакомились: где бы мы еще встретились?

– И что бы мы тогда делали?

– Насчет тебя не знаю, а я просто жил бы, любя прекрасную девушку в белом платье, мечтая о ней и зная, что она никогда моей не станет.

– Ужасно, Дик! – воскликнула Брэнда. – А я бы тогда вообще не узнала тебя! Завтра же позвоню своему инструктору по вождению, а лучше выпишу ему солидный чек в знак благодарности за его уроки.

– Передавай ему от меня привет, – улыбнулся я. – Я его должник.

Мы ужинали, болтали, поражаясь, как легко нам вдвоем, как просто! Брэнда оказалась очень начитанной, отец все же дал ей прекрасное образование, несмотря на запрет обучения в университете. Каждый день к ним домой приходили педагоги, даже профессора Оксфорда была в их числе! Преподавали они совершенно разные дисциплины, среди которых были и история, и французский язык, и английская литература, а также экономическая теория, основы маркетинга и что-то из области юриспруденции. У меня даже голова пошла кругом от перечисления всего, чем занималась Брэнда на дому. И какой же диплом ей выдадут? Филолога? Юриста? Экономиста? Брэнда сказала, что не знает и ее это совершенно не волнует, пусть выдают хоть несколько сразу: вряд ли она когда-либо будет работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.